

ISSN 2313-8912

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

RESEARCH RESULT. THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

8(2) 2022

16+

Сайт журнала:
rilinguistics.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

RESEARCH RESULT. THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69052 от 13 марта 2017 г.
The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-69052 of March 13, 2017

Том 8, № 2. 2022
СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2313-8912

Volume 8 (2). 2022
ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED
JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2313-8912

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Дехнич О.В.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: **Лукьянова Е.В.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: **Ляшенко И.В.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Алефиренко Н.Ф., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Алпатов В.М., доктор филологических наук, академик РАН, Институт языкознания РАН (ИЯЗ РАН), Москва, Россия

Аматов А.М., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Багана Ж., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Вальтер Г., доктор филологических наук, профессор, университет им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальда, Философский факультет, Институт славистики, Германия

Вишнякова О.Д., доктор филологических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Воркачёв С.Г., доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет», г. Краснодар, Россия

Златев Дж., доктор философии, профессор, Лундский университет, г. Лунд, Швеция

Карасик В.И., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, Россия

Клепикова Т.А., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский федеральный государственный бюджетный университет экономики и финансов, г. Санкт-Петербург, Россия

Магировская О.В., доктор филологических наук, профессор, Институт филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия

Огнева Е. А., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Панасенко Н.И., доктор филологических наук, профессор, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, г. Трнава, Словакия

Порхомовский В.Я., доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Риё Ж., доктор филологических наук, профессор, университет Ниццы-Софии Антиполис, г. Ницца, Франция

Соколова Я., кандидат филологических наук, профессор, Университет Константина Философа, г. Нитра, Словакия

Хлебда В., доктор филологических наук, профессор, Опольский университет, г. Ополье, Польша

Чекулай И.В., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

EDITORIAL TEAM:

EDITOR-IN-CHIEF: **Olga V. Dekhnich**, Ph.D. in Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

EXECUTIVE SECRETARY: **Elena V. Lukyanova**, Ph.D. in Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

ENGLISH TEXT EDITOR: **Igor V. Lyashenko**, Ph.D. in Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

EDITORIAL BOARD:

Nikolai F. Alefirenko, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Vladimir M. Alpatov, Doctor of Philology, Full member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Alexandr M. Amатов, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Jerome Baghana, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Igor V. Chekulai, Doctor of Philology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia, Belgorod, Russia

Wojciech Chlebda, Doctor of Philology, Professor, University of Opole, Opole, Poland

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Volgograd State National Research University", Volgograd, Russia

Tatiana A. Klepikova, Doctor of Philology, professor, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Oksana V. Magirovskaya, Doctor of Philology, Professor, School of Philology and Language communication of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Elena A. Oгнева, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Nataliya I. Panasenکو, Doctor of Philology, Professor, University of St. Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovak Republic

Victor Ya. Porkhomovskiy, Doctor of Philology, professor, Linguistics Institute Moscow, Moscow, Russia

Josiane Rieu, Doctor of Philology, Professor, Nice Sophia Antipolis University, Nice, France

Jana Sokolova, Ph.D. in Philology, Professor, Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovak Republic

Olga D. Vishnyakova, Doctor of Philology, Professor, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Sergey G. Vorkachev, Doctor of Philology, Professor, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Harry Walter, Doctor of Philology, Professor, University of Greifswald, Greifswald, Germany

Jordan Zlatev, Doctor of Philosophy, Professor of General Linguistics, Lund University, Lund, Sweden

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.
Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»
Publisher: Belgorod State National Research University
Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4/year

**СОДЕРЖАНИЕ
 ЯЗЫКОЗНАНИЕ
 РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА**

**CONTENTS
 LINGUISTICS
 SECTION I. THEORY OF LANGUAGE**

Белов В. А. Когнитивные основания лексической синонимии имен существительных	3	Belov Vadim A. Cognitive bases of lexical synonymy of nouns	3
Воркачев С. Г. Семантические комплексы в российской антропологической лингвистике: смысловые единства и их составляющие	24	Vorkachev Sergey G. Semantic complexes in the Russian anthropological linguistics: semantic entities and their components	24
Медведев В. Б. Извлечения из сравнительного описания фразеологических систем иврита и идиша	41	Medvedev Vladimir B. Extracts from the comparative description of linguistic images in the phraseological systems of Hebrew and Yiddish	41
Хилханова Э. В. Экономика языка и многоязычие: опыт исследования в Татарстане	52	Khilkhanova Erzhen V. Language economy and multilingualism the case of Tatarstan	52

**РАЗДЕЛ II.
 СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

**SECTION II.
 COMPARATIVE LINGUISTICS**

Королева Л. Ю. Функции вопросительных предложений в русском и американском политическом дискурсе: сравнительный анализ	66	Korolyova Lyudmila Yu. Interrogative sentences and their functions in Russian and American political discourse: a comparative analysis	66
--	-----------	--	-----------

РАЗДЕЛ III. ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

SECTION III. APPLIED LINGUISTICS

Afdholy Nadya, Sudikan Setya Yuwana, Indarti Titik Revealing the ideology of Omicron discourse in CNN Indonesia news	84	Afdholy Nadya, Sudikan Setya Yuwana, Indarti Titik Revealing the ideology of Omicron discourse in CNN Indonesia news	84
Seredina Ekaterina V., Dekhnich Olga V. Trump's image in a political cartoon: analysis of expressive potential	96	Seredina Ekaterina V., Dekhnich Olga V. Trump's image in a political cartoon: analysis of expressive potential	96

**РАЗДЕЛ IV.
 ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ**

**SECTION IV.
 LITERATURE OF PEOPLES
 AND NATIONS OF THE WORLD**

Alekseeva Olga P., Dzhabrailova Valida S. Epithets in Kazuo Ishiguro's novel Never Let Me Go: status and perspectives	108	Alekseeva Olga P., Dzhabrailova Valida S. Epithets in Kazuo Ishiguro's novel Never Let Me Go: status and perspectives	108
---	------------	---	------------

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА
SECTION I. THEORY OF LANGUAGE**

УДК 81'373

DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-1

Белов В. А.

**Когнитивные основания лексической синонимии
имен существительных**

Череповецкий государственный университет
пр. Луначарского, 5, Череповец, 162600, Россия
E-mail: belov.vadim.a@gmail.com
ORCID iD: 0000-0002-4173-2000

*Статья поступила 06 февраля 2022 г.; принята 23 мая 2022 г.;
опубликована 30 июня 2022 г.*

Аннотация. Актуальность настоящей работы связана с необходимостью изучения когнитивных оснований лексической синонимии существительных, благодаря которым формируется семантическая близость между синонимами для носителей языка. Большинство работ, посвященных синонимии, выполнено в рамках системоцентрического подхода. Настоящее исследование призвано решить данную проблему: синонимия изучается в антропоцентрическом и когнитивном аспектах, что позволяет пересмотреть традиционный подход. Цель работы – описание когнитивных оснований синонимической близости имен существительных русского языка, относящихся к разным разрядам. Материалом исследования являются: 1) результаты эксперимента по подбору синонимов и эксперимента на толкование слов, в которых в совокупности участвовало 426 человек; 2) данные «Национального корпуса русского языка»; 3) словари русского языка разного типа; 4) публикации в средствах массовой информации. Гипотезой исследования, подтвердившейся в результате работы, является предположение, что логическое и ситуативное основания формируют семантическую близость в лексиконе носителя языка. *Логическое основание* рассматривает близость синонимов как результат совпадения большей части семантических компонентов, которые определяются с помощью логических процедур: синонимы имеют одни и те же ядерные компоненты. Данное основание синонимии характерно преимущественно для конкретных имен существительных. *Ситуативное основание* предполагает, что способность синонимов выражать схожие с точки зрения носителя языка ситуации формирует семантическую близость синонимов. Данное основание опирается на широкое понимание ситуации как фрагмента действительности или сцены, в которой различные объекты (люди, предметы, непредметные сущности) находятся в определённых отношениях. Ситуативное основание реализуется, прежде всего, для абстрактных имен существительных и наименований лиц. Выделенные основания не всегда можно четко дифференцировать, особенно для многозначных слов. В зависимости от разряда существительных и коммуникативной стратегии носитель языка может

детализировать смысл с помощью синонимов или нейтрализовать различия между синонимами.

Ключевые слова: Лексическая синонимия; Семантическая близость; Имя существительное; Лексикон носителя языка

Информация для цитирования: Белов В. А. Когнитивные основания лексической синонимии имен существительных // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8. № 2. С. 3-23. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-1

UDC 81`373

DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-1

Vadim A. Belov

Cognitive bases of lexical synonymy of nouns

Cherepovets State University
5 Lunacharsky Ave., Cherepovets, 162600, Russia
E-mail: belov.vadim.a@gmail.com
ORCID iD: 0000-0002-4173-2000

Received 06 February 2022; accepted 23 May 2022; published 30 June 2022

Abstract. The pertinence of this work stems from the need to study the cognitive bases of lexical synonymy of nouns, through which the semantic proximity between synonyms is formed for native speakers. Most of the works devoted to synonymy have been carried out within the framework of the systemocentric approach. This study tries to solve the problem: it studies synonymy in anthropocentric and cognitive aspects and it allows revising the traditional approach. The article aims to describe the cognitive bases of the synonymous similarity of different categories of Russian nouns. The linguistic materials for research are: 1) two psycholinguistic experiments (426 participants); 2) Russian National Corpus; 3) Russian dictionaries; 4) publications in the media. In the first experiment, subjects suggested synonyms for the stimuli; in the second experiment native speakers explained the meaning of the stimuli. The hypothesis is that logical and situational foundations create semantic proximity in the native speaker's lexicon. The research has shown that the hypothesis was confirmed. According to the logical basis, the semantic similarity of synonyms is the result of the coincidence of most of the semantic components identified by using logical procedures: synonyms have the same core semantic components. This base is typical for object nouns. For situational basis, the semantic proximity is associated with the ability of synonyms to express similar situations from the point of native speaker's view. The situation is understood broadly as a fragment of reality (scene) in which objects – people, objects, non-objective entities – are in certain relationships with each other. This basis is realized primarily for abstract nouns and personal names. The distinguished bases cannot always be clearly distinguished, especially for polysemantic words. Depending on the category of nouns and communicative strategy a native speaker can refine the meaning, using synonyms, or neutralize the differences between synonyms.

Keywords: Lexical synonymy; Noun; Semantic relations; Mental lexicon

How to cite: Belov, V. A. (2022). Cognitive bases of lexical synonymy of nouns, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 8 (2), 3-23. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-1

Введение

Проблема синонимии – ключевой вопрос лексической семантики: лингвистические направления предлагают различные подходы к синонимии, основанные на определенном понимании лексического значения и природы семантических связей. Изучение синонимии во многом стимулируется потребностью создания словарей.

Попытаемся выделить ключевые подходы к синонимии, представленные в научной литературе и в некоторых случаях реализованные при составлении словарей синонимов.

Первый подход, который можно назвать денотативным, предусматривает, что синонимами становятся слова, обозначающие одно явление действительности (см., например, работы (Клюева, 1954; Палевская, 1964; Песина, 2011)). Однако только относительно небольшая часть слов имеет предметную отнесенность. **Второй подход** предполагает тождество лингвистического значения синонимов. При этом возможно полное совпадение семантических и дополнительных (экспрессивных, стилистических) характеристик слова (Лагутина, 1967), или совпадение только основной информации (Григорьева, 1959), или совпадение отдельных лексико-семантических значений слова (Бережан, 1967). Однако большинство синонимов не являются абсолютными, иными словами, для них характерно избыточное с точки зрения языка тождество значения (Clark, 1987; Danglli, Abazaj, 2009).

Наиболее распространенным в системоцентрической лексикологии и лексикографии стал **третий подход**, связанный с близостью значения синонимов (Брагина, 1986; Евгеньева, 1966; Новиков, 1982; Черняк, 1992; Cruse, 1986). Синонимы в этом случае «служат для детализации и различения тонких смысловых оттенков

понятия или выражения экспрессивных, стилистических, жанровых и иных различий» (Евгеньева, 1966: 29). Различия между синонимами иногда связываются с функциональными особенностями (Cruse, 1990; Murphy, 2002; Xiao, Mcenery, 2006).

Неудовлетворенность подходом к синонимии, основанном на близости значения, способствовала развитию **четвертого подхода**, отраженного в работах Ю. Д. Апресяна конца XX века. Итоговое для него понимание синонимии, положенное в основу Нового объяснительного словаря синонимов русского языка, касается семантических и прагматических особенностей лексем: «Лексемы называются синонимами, если (1) они имеют одинаковую актантную структуру, (2) их метаязыковые толкования имеют большую совпадающую часть, совпадающая часть содержит (3) ассертивную часть значений и (4) обязательно главный компонент ассерции, (5) когда главный компонент ассерции – оператор, то совпадают подчиненные предикаты» (Апресян, 2009: 221). В целом для этой концепции характерны строгий лингвистический инструментарий и подробное толкование значения синонимов. Однако такое понимание синонимии, прежде всего, ориентировано на профессиональных лингвистов, а не на обычных носителей языка (см. также подробно (Апресян, 1992)). К тому же ставится под сомнение психическая релевантность описанного подхода: носители языка в речевой деятельности, по всей видимости, не используют подобные процедуры (Kasevich, 1997). В зарубежной лингвистике схожий подход представлен в работах Дж. Лайонза (Lyons, 1995).

Параллельно с перечисленными подходами развиваются и другие точки зрения на синонимические отношения, основанные на взаимозаменяемости

синонимов и их дистрибуции. **Пятый подход** рассматривает в качестве критерия синонимии взаимозаменяемость: синонимами становятся слова, способные заменять друг друга в любом контексте без заметного изменения смысла. Это понимание синонимии получило достаточно широкое распространение в отечественной и зарубежной лингвистике (см., например, работы (Звегинцев, 1963; Черемисина, 2004; Murphy, 2002; Greenbaum, 1974; Reiter, Sripada, 2004; Jackson, 1988)). Однако взаимозаменяемость синонимов не может выступать в качестве основной критерии синонимии, прежде всего из-за наличия в языке большего количества устойчивых сочетаний, которые ограничивают свободу синонимических замен.

В рамках **шестого подхода** акцентируется тождественное контекстуальное окружение: синонимы употребляются в одинаковых контекстах. Подобное определение позволяет формализовать процедуру определения синонимов: современные вычислительные системы, базирующиеся на большом массиве данных, позволяют выделить семантически близкие слова на основе анализа контекстов (Князева, 2008; Edmonds, Hirst, 2002; Inkpen, Hirst, 2006). При этом этот подход часто используется как технический прием, потому что он не способен объяснить природу семантических связей (Шайкевич, Андрющенко, Ребецкая, 2013: 24). Усилению этого подхода способствует развитие информационных технологий, позволяющих провести автоматизированный расчет сочетаемости слов и определить степень семантической близости (Edmonds, Hirst, 2002; Inkpen, Hirst, 2006; Hirst, Wang, 2010; Sparck Jones, 1964).

Седьмой подход, связанный с усилением антропоцентрической парадигмы в лингвистике, рассматривает синонимию как явление внутреннего лексикона человека, где синонимами становятся слова, обладающие семантической близостью с точки зрения носителя языка (Залевская, 2005; Глазанова, Штерн, 1996; Лебедева, 1999; Стернин, 2015). Однако конкретные

механизмы, благодаря которым формируются синонимические отношения в лексиконе, пока остаются дискуссионными. Так, в исследовании С. В. Лебедевой показано, что семантическая близость основывается на восприятии значения как акта переживания (Лебедева, 1999), но это положение требует дальнейшего научного описания. В рамках этого подхода обсуждается расширение традиционных рамок синонимии, выделение словарных и контекстуальных (ситуативных, речевых, узуальных) синонимов (Иванова, 2006; Новиков, 1982; Черняк, 1992; Murphy, 2002; Recanati, 2008; Zapico, Vivas, 2015; Zeng, 2007).

Цель работы

Целью настоящей работы является описание когнитивных оснований синонимической близости имен существительных (ИС) русского языка. При этом синонимия понимается, прежде всего, как когнитивное явление. Исследование направлено на более детальное изучение оснований синонимии, которые использует носитель языка в речевой деятельности и которые предполагают семантическое сближение слов. Актуальность работы связана с тем, что изучение этой проблемы в антропоцентрическом и когнитивном аспектах позволяет пересмотреть традиционный подход к синонимии и представленности синонимических рядов в словарях.

Материалы и методы исследования

В качестве материала исследования выступили несколько источников: во-первых, результаты двух направленных ассоциативных экспериментов, в которых приняло участие 426 человек; во-вторых, сведения «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ); в-третьих, материалы словарей русского языка, в том числе словарей синонимов (СС); в-четвертых, публикации в средствах массовой информации (схема 1).

В первом эксперименте по подбору синонимов испытуемым (260 человек) предлагали определить синонимы для 20 стимулов. Эксперимент проводился в три этапа: на каждом этапе использовалась

стимульная таблица. Участниками эксперимента стали студенты университета разных специальностей в возрасте от 18 до 37 лет, в том числе 35 испытуемых мужского пола, 195 участников – женского пола, 30 человек не указали свой пол. В качестве стимулов выступили ИС разных лексико-грамматических разрядов: 17 конкретных ИС, 12 наименований лиц (в составе конкретных ИС выделена группа ИС, называющих людей по различным признакам), 32 абстрактных ИС. Полученные реакции в дальнейшем сравнивались с синонимическими рядами в СС.

Схема 1. Источники исследования
Figure 1. Research sources

Во втором эксперименте на толкование слов приняло участие 166 человек. Испытуемыми выступили студенты университета негуманитарных специальностей в возрасте от 18 лет до 21 года, в том числе 63 участника мужского пола, 93 –

женского пола, 8 испытуемых не указали пол. Эксперимент проводился в два этапа с использованием двух стимульных таблиц: на первом этапе эксперимента анкета включала 20 слов-стимулов, а на втором – 22 стимула. Стимулы, предъявляемые испытуемым, относились к разным разрядам ИС: 12 абстрактных ИС, 16 конкретных ИС, 4 наименований лиц, 3 вещественных ИС и 3 собирательных ИС.

Оба эксперимента проводились в письменном виде, в учебной аудитории университета; время на выполнение задания не ограничивалось. В задачи экспериментов входила экспликация семантических отношений, существующих в лексиконе носителя языка. Гипотезой исследования является предположение, что для носителя языка оказываются значимыми логическое и ситуативное основания семантической близости. Логическое основание предполагает, что в значениях синонимов совпадает большая часть семантических компонентов (называемых признаками или семами), которые выделены с помощью логических процедур. Способность слов выражать схожие с точки зрения носителя языка ситуации связана с ситуативным основанием семантической близости.

Результаты исследования

Представление выводов исследования начнем с анализа результатов эксперимента по подбору синонимов и их сопоставления со словарными синонимическими рядами.

Прежде всего, рассмотрим состав синонимических рядов с количественной и качественной точек зрения. Первый вывод, который можно сделать, касается длины синонимических рядов: в словарях представлено меньшее количество синонимов по сравнению со списком реакций эксперимента. Для расчета средней длины словарного синонимического ряда использовался СС под редакцией А. П. Евгеньевой¹, а для оценки средней длины ряда в эксперименте учитывались только неединичные реакции. Наибольшее

¹ Словарь синонимов русского языка: в 2-х томах / под ред. А.П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1970-1971.

количественное расширение характерно для конкретных и абстрактных ИС; см.

количественные результаты представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Средняя длина синонимических рядов в словаре синонимов и эксперименте
Table 1. The average length of synonymic groups in the synonymic dictionary and the experiment

Разряд имени существительного	Средняя длина в словаре синонимов	Средняя длина в эксперименте по подбору синонимов
Конкретные имена существительные	2,6	11
Абстрактные имена существительные	3,5	10
Наименования лиц	3,5	4

Важно, что длина синонимического ряда в словаре зависит от принципов составления издания. В отечественной лексикографии представлены СС, основанные на разнообразных подходах к синонимии. Так, наиболее широкие синонимические ряды содержатся в словарях Н. Абрамова¹ и А. Ю. Кожевникова², где применяется нестрогий подход к синонимии: средняя длина синонимического ряда ИС в первом словаре составляет 13 единиц, а во втором – 11. Более строгий и формализованный подход к синонимии, реализованный в основных СС русского языка, приводит, напротив, к ограничению выбора семантически близких слов: средняя длина ряда ИС в словаре под редакцией Л. Г. Бабенко³ составляет 6,8 слова, в словаре под редакцией А. П. Евгеньевой⁴ – 3,9 слова, в Новом объяснительном словаре синонимов

русского языка⁵ – 3 слова. Однако, несмотря на различия реализуемых в словарях подходов и соответственно разной длины синонимических рядов, синонимические связи в лексиконе носителя языка оказывается более широкими.

Далее был проведен качественный анализ словарных синонимических рядов с помощью сопоставления с результатами эксперимента по подбору синонимов, что позволило выявить центральную и периферийную части ряда. Исходным допущением сравнения стало предположение, что наибольшей семантической близостью обладают доминанта и синонимы, находящиеся на первых позициях в синонимическом ряду, а в эксперименте высокой степенью семантической близости обладают стимул и наиболее частотные реакции. Для сравнения были выделены *опорные синонимы*, которые входят в ядро (центральную часть) синонимического словарного ряда. Опорными назывались синонимы, если они, во-первых, представлены в большинстве СС; во-вторых, занимают первые позиции в словарном синонимическом ряду; в-

¹ Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999. 176 с.

² Кожевников А. Ю. Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник: В 2-х томах. СПб: ОЛМА Медиа Групп, 2003.

³ Современный словарь русского языка. Синонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ: Астрель, 2011. 829 с.

⁴ Словарь синонимов русского языка: в 2-х томах / под ред. А.П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1970-1971.

⁵ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. руководством Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2003. 1488 с.

третьих, обладают неминимальной языковой частотностью (был установлен минимальный порог частотности – более 500 употреблений словоформы в НКРЯ). Последний критерий нужен для того, чтобы исключить низкочастотные лексемы, которые не употребляются в современной речи. Например, в ряду *еда, яства, пища, корм* опорными синонимами стали слова *еда* и *пища*, так как они присутствуют на первых позициях во всех словарях, обладают высокой частотностью. В то же время периферийные синонимы *харч, харчи, жратва, шамовка* представлены не во всех СС, и они низкочастотны в современной речи.

С помощью сравнения списка опорных синонимов с результатами эксперимента были выделены три группы в соответствии с наиболее частотными реакциями в эксперименте (такая формулировка позволяет избежать повтора): 1) опорные синонимы; 2) словарные синонимы, но которые не являются опорными; 3) несловарные синонимы. Каждый стимул был отнесен к определенной группе. В таблице 2 представлено распределение по выделенным группам стимулов, задействованных в эксперименте по подбору синонимов.

Таблица 2. Распределение разрядов имен существительных по выделенным группам
Table 2. Distribution of categories of nouns in selected groups

Разряд имен существительных	Наиболее частотные реакции эксперимента		
	Опорные синонимы	Словарные синонимы, но не опорные	Несловарные синонимы
Конкретные имена существительные	9 (60 %)	2 (13 %)	4 (27 %)
Абстрактные имена существительные	13 (44 %)	5 (18 %)	11 (38 %)
Наименования лиц	9 (82 %)	1 (9 %)	1 (9 %)
Вещественные имена существительные	2 (50 %)	0	2 (50 %)
ВСЕГО	33	8	18

В первую группу отнесено 33 примера-стимула (55 % от общего количества стимулов в эксперименте). Например, при предъявлении стимула *судьба* испытуемые представили синонимические реакции *фортуна* (22 ответа, 17 %), *предназначение* (16 ответов, 13 %), *рок* (14 ответов, 11 %), *жизнь* (11 ответов, 9 %). При этом опорными синонимами являются слова *судьба, фортуна, рок*, которые можно найти во всех СС на первых позициях. При этом в списке реакций отмечаются и несловарные синонимы – *предназначение, жизнь*. Во вторую группу определено 8 (13 %)

стимулов. Так, на стимул *ложь* реакциями стали слова *враньё* (54 ответа, 39 %), *неправда* (35 ответов, 25 %), *обман* (31 ответ, 22 %). Два опорных синонима – *обман* и *неправда* – представлены в списке реакций, однако лидирует синоним *враньё*, который не является опорным и который имеет помету *разговорное* в словаре: он зафиксирован не во всех словарях и занимает в словарных рядах периферийное место. К третьей группе отнесено 18 (30 %) стимулов. Реакциями на стимул *прихоть* стали слова *желание* (75 ответов, 59 %), *каприз* (20 ответов, 16 %), *причуда* (5 ответов, 4 %). Наиболее частотная

реакция *желание* не представлена как синоним ни в одном словаре синонимов. При этом слова *прихоть* и *желание* обладают сильной семантической связью; однако слово *желание* имеет более широкое значение, являясь доминантой более высокого уровня для слова *прихоть*.

Если проанализировать итоги этого сопоставления в аспекте лексико-грамматических разрядов ИС, то можно сделать вывод, что для конкретных ИС и наименований лиц характерно наибольшее совпадение состава словарных синонимических рядов и результатов эксперимента. Большая часть стимулов этих разрядов отнесены к первой выделенной группе. При этом для абстрактных ИС свойственны значительные расхождения словарного синонимического ряда и результатов эксперимента, так как большинство этих ИС относится ко второй и третьей группам. В этом эксперименте было представлено всего 4 стимула-вещественных ИС, из них два стимула были отнесены в первую группу, а другие два стимула – в третью.

Расширение синонимических рядов **конкретных ИС** происходит, прежде всего, за счет гипонимов и гиперонимов. Например, ряд *лошадь, конь*, дополняется словами *кобыла* (25 реакций, 20 %), *жеребец* (8 реакций, 6 %); *парнокопытное* (4 реакции; 3 %); *животное* (3 реакции, 2 %). Представленные реакции-гипонимы могут быть синонимичными во многих контекстах: так, слова *кобыла* и *жеребец* часто оказываются взаимозаменяемы в высказываниях: см. примеры (1-2).

(1) *А надо пояснить, что в нашу столовку с пристани все продукты физрук возил на лошади, и весь день эта сучья кобыла беспризорная шлялась по лагерю и гадила повсюду* (НКРЯ: А. Иванов «Географ глобус пропил», 2002).

(2) *Николай Романович погладил рукою красивую морду лошади, а Чумаков посмотрел жеребцу в зубы и потом долго вполголоса говорил что-то со Степаном*

Ивановичем (НКРЯ: В. В. Брусянин «Дворянин Венчиков», 1916).

Обратим внимание на однонаправленность подобных замен: допускается замена *кобыла* → *лошадь*, но обратная замена *лошадь* → *кобыла* может привести к изменению смысла высказывания. В целом для многих синонимических пар, представленных в словарях синонимов, также характерна подобная однонаправленность (например, в любом контексте допустимы замены *недуг* → *болезнь*, но обратные замены *болезнь* → *недуг* не всегда возможны).

В некоторых контекстах гиперонимические и гипонимические реакции не могут функционировать как синонимы. Так, для стимула *рука* испытуемые предлагали реакции: *кисть* (28 реакций, 26 %), *конечность* (22 реакции, 21 %), *ладонь* (11 реакций, 10 %). Однако произведенные в высказывании (3) замены на предложенные гипонимы и гиперонимы приведут к изменению общего смысла.

(3) *Сел перед нами и... улыбнулся! "Мам! – Сын схватил меня за руку [?кисть, ?конечность, ?ладонь]. – Смотри, какие белые зубы! Как у папы!* (НКРЯ: «Даша», 2004).

Таким образом, для конкретных ИС характерен механизм расширения синонимических рядов за счет иерархических семантических связей, основанных на таксономических отношениях.

Для представленных **вещественных ИС** характерен схожий механизм расширения синонимии. Например, лексема *воздух*, трактуемая в словарях (в первом значении) как 'смесь газов (преимущественно азота и кислорода), из которых состоит атмосфера Земли; дыхательная среда человека, живого организма'¹, по результатам эксперимента

¹ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб: Норинт, 2000. URL: <http://gramota.ru>. (дата обращения: 26.04.2022).

оказывается семантически связанной с гипонимами и гиперонимами *кислород* (55 реакций, 52 %), *газ* (20 реакций, 19 %), *среда* (2 реакции, 2 %). При этом в СС под редакцией А. П. Евгеньевой представлен только один синоним *атмосфера*, который является второй по частотности реакцией в анализируемом эксперименте (20 реакций, 19 %).

У абстрактных ИС и наименований лиц реализуется другой механизм расширения синонимического ряда. Например, синонимический ряд в словаре под редакцией А. П. Евгеньевой состоит из двух слов *радость*, *отрада*². В других словарях синонимов ряд расширяется: в словаре З. Е. Александровой – *радость*, (о чувстве) *ликование*, *торжество*, *праздник*, *праздничное настроение*, *эйфория* (книжн.); *веселье*; (то, что радует): *отрада*, *просвет*, *светлое пятно*, *улада* (трад.-поэт.), *утеха* (устар., прост.)³; в словаре К. С. Горбачевич – *радость*, *веселье*, *ликование*, *отрада*⁴; в словаре под редакцией Л. Г. Бабенко – *радость*, *ликование*, *отрада*, *торжество*; *радость*, *отрада*, *просвет*, *улада* (трад.-поэт.)⁵.

В эксперименте он расширяется за счет несловарных синонимов: наиболее частотной реакцией на стимул *радость* становится слово *счастье* (47 реакций, 39 %). Выбор испытуемыми реакции *счастье* в качестве синонима вполне обоснован, так как семантика лексем *радость* и *счастье* сходна (о чем свидетельствуют их толкования). В толкованиях указывается, что оба состояния приносят удовольствие; при этом счастьем называется чувство радости,

а радостью является то, что доставляет счастье.

Счастье – состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-либо⁶.

Радость – чувство удовольствия, удовлетворения. 2. То, что (или тот, кто) доставляет удовольствие, дает счастье⁷.

В корпусе эти слова часто употребляются совместно для описания состояния удовлетворения (см. высказывание (4)). При этом в некоторых контекстах лексема специально дифференцируются, например, в высказывании (5).

(4) *Вскопал ей грядки – и радость была полная, счастье было!* (НКРЯ: А. Азольский, «Новый Мир», 1998).

(5) *А рядом ее лицо посекундно менялось – от утренней радости к еще большему утреннему счастью* (НКРЯ: В. Маканин, 1998-1999)

Для наименований лиц, традиционно включаемых в состав конкретных ИС, характерно в наибольшей степени совпадение синонимических связей в лексиконе носителя языка, эксплицированных по результатам эксперимента, и словарной синонимии: 9 (82 %) стимулов этого разряда относятся к первой группе. При этом периферийные синонимические реакции, предложенные испытуемыми в ходе эксперимента по подбору синонимов, не представлены в СС. Так, наиболее частотными реакциями на стимул *друг* являются опорные синонимы *товарищ* (68 реакций, 42 %), *приятель* (39 реакций, 24 %), однако среди ответов отмечаются несловарные синонимы: *знакомый* (9 реакций, 6 %), *подруга* (7 реакций, 4 %), *брат* (7 реакций, 4 %), которые синонимичны в определенных контекстах. Например,

² Словарь синонимов русского языка: в 2-х томах / под ред. А. П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1970-1971.

³ Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 2001. С. 411.

⁴ Горбачевич К. С. Словарь синонимов русского языка. М.: Эксмо, 2005. С. 383.

⁵ Современный словарь русского языка. Синонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 90.

⁶ Словарь русского языка: В 4-х томах / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985-1988. Т. IV, С. 320.

⁷ Там же. Т. III, С. 581.

синонимичность слов *друг* и *знакомый* проявляется в том, что, во-первых, встречаются высказывания, где слова взаимозаменяемы (см. высказывание (6)); а, во-вторых, в корпусе распространены примеры совместного употребления этих слов (см. высказывание (7)), когда говорящий сознательно их не дифференцирует, потому что он не может определиться со статусом конкретных людей.

(6) *Изрядно напившись, пьяные друзья едут в аэропорт, дабы проводить одного из знакомых на рейс до Ленинграда, но по ошибке туда отправляется не кто-нибудь, а именно Женя (НКРЯ: Форум «Ирония судьбы. Классика советского кино», 2009-2011).*

(7) *А как бы хотелось в это время сидеть за столом вместе с друзьями и знакомыми, есть любимый салат «Оливье», пить шампанское (НКРЯ, «100 % здоровья», 2002).*

В подобных случаях синонимы способны передавать важную для носителя информацию об описываемой ситуации, и каждый из них вносит определенные детали.

Таким образом, разряды ИС реализуют различные принципы формирования синонимических связей в лексиконе. Для конкретных и вещественных характерен логический механизм расширения словарных рядов, проявляющийся в создании отношений с гиперонимами и гипонимами, а для абстрактных ИС и наименований лиц – ситуативный механизм.

Перейдем к анализу результатов эксперимента на толкование слов. В настоящей работе будут представлены лишь выводы, которые касаются цели исследования; подробный анализ и обсуждение результатов дан в публикации (Белов, 2018).

Важный вывод, который можно сделать на основе этого эксперимента, касается распространенности синонимического и логического способов толкова-

ния. Синонимический способ (то есть использование синонима для объяснения значения стимула) превалирует у абстрактных ИС (530 реакций – толкований синонимического способа, 63 %), собирательных ИС (210 реакций этого типа, 69 %) и наименований лиц (180 реакций, 72 %). Примером такого способа толкования могут стать реакции *хворь*, *болезнь*, *заболевание* на стимул *недуг*. Логический способ толкования, предусматривающий логическое, иерархическое выделение компонентов значения слова, наиболее частотен для конкретных ИС (817 подобных реакций, 44 %). Так, на стимул *ладонь* даются такие реакции: *часть руки* (16 реакций, 15 %), *внутренняя часть кисти* (15 реакций, 14 %), *часть тела* (9 реакций, 8 %). Испытуемые, определяя стимул, соотносят его с понятиями верхнего уровня. Важно, что для этого слова в словаре также используется логическое толкование: *ладонь* определяется как ‘внутренняя сторона кисти руки’⁸. Логический способ редко используется для абстрактных, собирательных ИС и наименований лиц.

По итогам этого эксперимента можно сделать вывод, что испытуемые не «раскладывают» на логические компоненты значение абстрактных ИС и наименований лиц, а подбирают синонимы, адекватно представляющие значение стимула. Конкретные ИС ограничены в синонимических связях (Покровская, 1999; Черняк, 1992), и испытуемые часто используют логический способ толкования, который демонстрирует их вовлеченность в логические, таксономические отношения.

Обсуждение результатов

Синонимические отношения формируются благодаря логическим и нелогическим механизмам, поэтому, проанализировав результаты двух

⁸ Словарь русского языка: В 4-х томах / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985-1988. Т. II, С. 160

экспериментов, мы выделили два типа оснований семантической близости. **Логическое основание** связано с рациональными процедурами последовательного, иерархического разложения значения на компоненты и предусматривает совпадение большей (основной) части компонентов в значении синонимов. В целом логическое основание достаточно подробно описано в традиционной лексикологии и лексикографии. Так, характеристика синонимов производится с опорой на интегральные и дифференциальные семантические признаки, представленные в значении синонимов и выраженные в словарных толкованиях (Кузнецова, 1982; Черняк, 1992). Семные компоненты, входящие в значение слова, могут также изучаться на основе данных ассоциативного эксперимента: значение описывается как совокупность сем с определенным индексом яркости, вычисляемым по количеству вербализовавших этот признак испытуемых (Стернин, 2011: 8). Выделяемые в значении семы (признаки) имеют разный статус: ведущие компоненты, занимающие важное место в структуре лексического значения и имеющие высокий индекс яркости (в концепции И. А. Стернина), называются ядерными. Синонимичность при таком подходе определяется количеством и статусом совпадающих признаков: синонимы имеют совпадающие ядерные семантические компоненты. Однако остаются дискуссионными вопросы о методологии выделения признаков (сем), представленных в лексическом значении, а также об объеме совпадающих признаков синонимов (см. обсуждения этих проблем в работах (Апресян, 2009; Aprėsjan, 1992)). Логическое основание семантической близости, которое применяется при описании языковой системы, используется носителями языка для формирования синонимических отношений в лексиконе. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты проведенных нами экспериментов. Логическое основание, во-

первых, проявляется в результатах эксперимента по подбору синонимов, где испытуемые предлагали реакции, находящиеся на разных ступенях семантической иерархии. Подобный выбор предполагает логические операции, связанные с выделением интегральных и дифференциальных сем. Во-вторых, это основание связано с распространённостью логического способа толкования, предполагающего отнесение к понятию верхнего семантического уровня и выделение отличительных признаков.

Логическое основание семантической близости характерно, прежде всего, для конкретных ИС. В целом у конкретных ИС, которые употребляются в разных ситуативных обстоятельствах, поэтому их тяжело «привязать» к определенной ситуации. Например, слова *вода*, *рука* могут употребляться в большом количестве ситуаций, которые сложно типизировать, поэтому носители языка используют логический способ интерпретации значения.

Ситуативное основание, связанное с интуитивным пониманием значения, предполагает более сложные для научного описания семантические процессы. Вероятно, ситуативное основание является исторически первым, и связано с более древними формами мышления. Синонимами при таком подходе называются единицы, способные выражать схожие с точки зрения носителя языка ситуации.

В нашем исследовании ситуативное основание семантической близости реализуется, во-первых, в результатах эксперимента по подбору синонимов, где испытуемые расширяют традиционные рамки словарной синонимии и подбирают реакции, способные обозначать схожую ситуацию; во-вторых, в использовании синонимического способа толкования, выделенного при анализе результатов эксперимента по толкованию стимулов.

Представим более детальное описание ситуативного основания, так как

в предшествующей литературе подобные механизмы не описаны подробно. Среди работ, где обсуждаются ситуативная природа значения, следует упомянуть работы представителей фреймовой семантики, Московской семантической школы и когнитивной лингвистики (Апресян, 2009; Кустова, 2004; Apresjan, 1992; Fillmore, 1985; Croft, Cruse, 2004).

В первую очередь, важно определить понятие ситуации, которое допускает различные трактовки. Термин *ситуация* многозначен в современной лингвистике. Выделяются несколько типов ситуации: денотативная («куски» внеязыковой действительности, описываемые отдельным высказыванием), сигнификативная (семантическое соответствие денотативной ситуации), коммуникативная (ситуация непосредственной коммуникации) (Касевич, 2006). В соответствии с широким пониманием термина ситуацией называется «кадр действительности, попадающий в поле внимания говорящего» (там же: 421), «сцена, которую можно обозреть одновременно» (Глезер, 1985: 226) или «кусочек действительности, реальной или только мыслимой, в котором некие объекты (люди, предметы, непредметные сущности) в какой-то момент времени и в каком-то месте связаны друг с другом определёнными отношениями»⁹. Ситуациями называются, по Ю. Д. Апресяну, действия (*читать*), занятия (*гулять*), процессы (*гореть*), состояния (*слепой*), отношения (*друг*), интерпретация (*ошибаться*) и т.д. (там же). Свойствами ситуации являются целостность, которая позволяет объединить объекты в целую картину, и типизация, достигаемая за счёт многократного повторения событий и состояний (Арутюнова, 2003).

Например, значение синонимического ряда *подарок, дар,*

гостинец в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка толкуется как ‘то, что один подарил или собирается подарить другому’¹⁰. Употребление синонимов этого ряда предполагает существование определенной ситуации, которую можно условно обозначить следующим образом: ‘субъект X передает другому участнику ситуации Y предмет Z, при этом X не требует ничего взамен’ (где предметом Z является подарок). См. обобщенное представление компонентов этой ситуации на Схеме 2. Вне данной ситуации употребление анализируемых синонимов невозможно: все синонимы этого синонимического ряда (*дар, презент, гостинец* и другие) реализуют данную ситуацию на уровне высказывания. Так, в высказывании (8), где употребляется синоним *подарок*, субъектом X являются актеры, а участником ситуации Y – архитектор Ф. И. Шехтель, предметом Z – серебряный сундучок. В примере (9) при употреблении слова *гостинец* реализованы все участники ситуации: субъектом X является Дед Мороз, участником Y – дети, а предметом Z – сладости. Участники этой ситуации могут быть представлены не в одном предложении, а в широком контексте.

(8) *Актеры подарили Шехтелю серебряный сундучок с изображением театра, он подарком очень гордился* (НКРЯ: О. Кабанова, «Известия», 2002).

(9) - *Я и на хоровод согласный. У тебя тут в мешке хорошо. И вкусным пахнет. А можно, я чуть-чуть гостинцев попробую? – Можно, – усмехнулся Дед Мороз. – Только не увлекайся, а то живот заболит. Да и о детишках подумай* (Ю. Макаров, «Мурзилка», 2001).

При этом каждый из синонимов детализирует общую для ряда ситуацию. По Новому объяснительному словарю синонимов русского языка, подарок обычно вручается по время праздника, а гостинец – по случаю прихода, гостинцем

⁹ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. руководством Ю. Д. Апресяна. М: Языки славянской культуры, 2003. С. XLVI.

¹⁰ Там же. С. 774.

нередко называют съедобный предмет, а даром – особо ценный предмет.

Схема 2. Компоненты ситуации синонимического ряда *подарок, дар, гостинец*

Figure 2. Components of the situation of the synonymic group *gift, bestowal, present*

Гостинец чаще всего вручается близким людям, а слово *дар* чаще употребляется в официальной речи. Главное слово ряда *подарок* обладает более широким значением и может быть употреблена для описания обобщенной ситуации, что проявляется, в частности, в способности доминанты заменять другие синонимы ряда (см., например, высказывание (10)). Субдоминантные синонимы, внося дополнительные характеристики ситуации, как правило, не способны заменять доминанту без потери важной информации и искажения смысла высказывания: в предложении (11) замена на синоним *гостинец* неуместна, так как книгу нельзя назвать гостинцем. В определенных коммуникативных ситуациях и контекстах говорящему важно дифференцировать синонимы, поэтому различия между ними выходят на первый план.

(10) *Потом она попросила передать раненым привезённые ею для сына гостинцы [подарки] и положила на*

стол две коробки шпрот, пакетик конфет (НКРЯ: В. Гроссман, 1960).

(11) *Симпатичная книжка с двумя романами – неплохой подарок [гостинец] Василию Павловичу Аксенову к недавнему 75-летию, а также всем читателям* (Ю. Рахаева, «Известия», 2002).

Следует также разграничить понятия ситуации и фрейм. Фрейм – более широкое понятие: обычно фрейм предполагает объединение слов на основе знаний и опыта (Fillmore, 1985: 223-224). В этом понимании термин оказывается синонимичен другим терминам: *схема* (F. Bartlett), *сценарий (script)* (R. Schank, R. Abelson), *основание (base)* (R. Langacker) (Croft, Cruse, 2004). В рамках одного фрейма могут быть объединены не только синонимы, но и слова, относимые к одной лексико-семантической группе, семантическому полю. Разграничим понятия *ситуация* и *фрейм* на следующем примере. Фрейм ‘ресторан’ предусматривает участие официанта, посетителя и наличие меню, блюд и т.д. Однако слова *официант, посетитель, меню*, входящие во фрейм, нельзя рассматривать в качестве синонимов, так как их замена в контексте невозможна. Так, замена слов *официант, посетитель* и *блюда* в высказываниях приведет к непониманию. Фрейм предполагает несколько смежных ситуаций: официант и посетитель совершают разные действия в рамках этого фрейма, для этих участников этот фрейм интерпретируется как разные ситуации (то есть разные кадры, куски реальности, происходящей в ресторане). Например, официант обслуживает гостей заведения, а посетитель – заказывает в ресторане еду и напитки. Эти слова выражают разные ситуации в контексте, которые представлены с различных точек зрения.

Слово *ресторан*, связанное с ситуацией ‘торговое заведение, где возможность заказать еду и напитки’, синонимично словам *кафе, столовая,*

которые реализуют схожие ситуации (несмотря на отличающиеся детали, незначительные для говорящего при определенной коммуникативной стратегии). Например, в высказывании (12) говорящий не может дифференцировать эти синонимы.

(12) *Мы стояли в длинной очереди в ресторане или в столовой за какими-то черными галушками – мы их получали по карточкам* (НКРЯ: Л. Смирнова, 1997).

Таким образом, синонимы при реализации этого основания употребляются для передачи информации о ситуации. Синонимические связи, возможность их замены в контексте зависит от стремления говорящего детализировать и, напротив, нейтрализовать различающие компоненты ситуации. Сближение слов в тексте возможно за счёт того, что различающиеся компоненты в обозначаемой ситуации нейтрализованы для говорящего. Напротив, в определенных ситуациях, когда это предусмотрено коммуникативной стратегией языковой личности, требуется детализация, что препятствует синонимическим заменам. Коммуникативные стратегии говорящего во многом определяются жанром (Иссерс, 2008). Таким образом, ситуативное основание тесно связано, с одной стороны, с коммуникативными интенциями говорящего в конкретном высказывании и с его представлениями о действительности; с другой стороны, синонимические сближения возможны в рамках конкретной ситуации и высказывания. Представленные когнитивные основания синонимии обобщены в схеме 3.

Представленное здесь понимание ситуации, свойственной ИС, оказывается широким. В вербоцентрическом понимании языка считается, что ИС не способны выражать ситуацию в целом, а только называют субъекты и объекты ситуации (аргументы): «Сам по себе объект не задает ситуацию, так как этот

объект может вступать с другими в самые разнообразные отношения, участвовать в самых разных процессах, менять свои свойства» (Кобозева, 2004: 220).

Схема 3. Когнитивные основания лексической синонимии

Figure 3. Cognitive bases of lexical synonymy

Однако это положение требует уточнения и обсуждения. Во-первых, способность называть субъекты и объекты характерна преимущественно для конкретных, вещественных ИС и наименований лиц; соответственно, эти разряды в наименьшей степени способны выражать ситуацию; напротив, абстрактные ИС часто обозначают ситуацию в целом (Рахилина, 2008). Так, отглагольные ИС, обозначающие действия и состояния и относимые к абстрактным ИС, «семантически наиболее близкие глаголам» (там же: 36) и способны описывать ситуацию так же, как и глагол (Gurevich, Crouch, King, Paiva, 2008). Таким образом, в большей степени ситуативное основание отношений семантической близости характерно для абстрактных ИС.

Во-вторых, ИС, обозначая субъект или объект, может определять тип действия и другие параметры ситуации: достаточно часто предметы можно использовать лишь в определенных ситуациях, совершая конкретные действия: «Некоторые типы объектов (в первую очередь – артефакты) имеют специальные свойства и функции, которым соответствуют предикаты, обозначающие их способ функционирования или использования человеком» (Кустова, 2000: 8). Так, слово *барабанищик* называет не только человека, но и определенный тип его действий (см. толкование в Активном словаре русского языка: «Человек, играющий на барабанах»¹¹). В-третьих, для конкретных ИС и наименований лиц может быть характерна семантическая деривация, связанная с усилением ситуативной семантики. Например, первое значение слова *барбекю* («Жаркое, приготовленное на решетке, расположенной над углями»)¹² является конкретным. Однако даже в конкретном значении слово не просто называет предмет действительности, но и предполагает определенную ситуацию (где наиболее важным моментом является приготовление этого продукта). Прочная связь наименования предмета с определенной ситуацией приводит к семантической деривации, что приводит к формированию второго, абстрактного значения («Отдых вне дома, увеселительная прогулка, когда готовят такое жаркое»)¹³, которое ситуативно по своей природе; см. высказывание (13), где эта лексема представляет определенный тип отдыха.

(13) *Здесь заменят бортовой камень и ограждение вдоль реки, обновят газон, устроят площадку для барбекю и поставят детский городок* (Н. Корчмарек, «Известия», 2012).

¹¹ Активный словарь русского языка / отв. ред. Ю. Д. Апресян: в 3-х т. М.: Языки славянской культуры, 2014-2017. Т. I, С. 155.

¹² Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб: Норинт, 2000. URL: <http://gramota.ru> (дата обращения: 15.02.2022).

¹³ Там же.

Оба основания часто реализуются при толковании слов в словарях. Логическое основание представлено при описании значения многих конкретных ИС. Например, при толковании значения слова *акула* («Хищная морская рыба, некоторые виды которой превосходят по размеру всех других рыб, с удлинённым телом, мощным хвостом и плавниками и большим ртом на нижней стороне головы, обычно с несколькими рядами зубов на верхней и нижней челюсти»)¹⁴ представлено логическое основание. Синонимы в этом случае должны обладать такими же признаками и схожим толкованием, поэтому часто реализация этого основания приводит к ограниченности синонимических связей. Так, слово *акула* не формирует устойчивые синонимические связи, в высказываниях лексеме оказываются синонимичны гиперонимы *хищник*, *хищница*¹⁵. Ситуативное основание реализуется в следующем толковании слова *волшебник*: «Сказочный персонаж, который может совершать чудеса»¹⁶. В толковании задаются характерные для этого персонажа действия. Синонимами для носителя языка становятся те слова, которые обозначают персонажей, способных выполнять те же действия. В данном случае подобными словами становятся словарные синонимы (*маг*, *чародей*) и несловарные синонимы (*фокусник*, *волшебница*).

Однако логическое и ситуативное основания не всегда четко дифференцируются. Многозначные слова могут реализовывать несколько оснований одновременно. Так, на базе конкретного значения слова *акула* сформировано переносное значение, которое в словаре представлено как «человек, готовый нарушить любые нравственные нормы ради наживы»¹⁷ (оно реализует-

¹⁴ Активный словарь русского языка / отв. ред. Ю. Д. Апресян: в 3-х т. М.: Языки славянской культуры, 2014-2017. Т. I, С. 66.

¹⁵ Там же. С. 67.

¹⁶ Там же. Т. II, С. 235.

¹⁷ Там же. Т. I, С. 67.

ся в высказывании (14)). Для переносного значения характерно ситуативное основание, благодаря которому формируются синонимические связи со словами *олигарх*, *воротила*, *делец*, *капиталист* (см. примеры контекстных замен в предложениях (15-16)).

(14) *Муж, можно сказать, рискуя собой, полез прямо в пасть к акулам империализма, а тут говорят о каком-то собрании. Мадам Иванько доставляет в контору заявление с просьбой отложить рассмотрение их жилищного вопроса до возвращения мужа из заграничной командировки* (НКРЯ: В. Войнович, 1976).

(15) *У Дугласа всегда хорошо получались финансовые воротилы («Оскар» за роль акулы Гекко в драме «Уолл-Стрит» Оливера Стоуна)* (НКРЯ: неизвест. автор, «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 2003).

(16) *Зачем пускать капиталистов, этих акул, этих грабителей пролетариата!* (НКРЯ: Г.А. Соломон (Исецкий), 1930).

В целом ситуативное основание семантической близости открывает более широкие возможности для синонимизации, так как оно не предполагает точного совпадения значения, а предусматривает интуитивную близость значения, основанную на возможности обозначать схожие с точки зрения носителя языка ситуации.

Логическое и ситуативное основания, вероятно, детерминированы физиологически и определяются работой полушарий человеческого мозга (см., например, работы (Черниговская, Деглин, 1986; Federmeier, 2007)): левое полушарие связано с логическим основанием, а правое полушарие – с ситуативным.

Заключение

В работе были рассмотрены когнитивные основания синонимических отношений имен существительных, то есть

механизмы, которые использует носитель языка для создания семантической близости слов. В исследовании синонимия рассматривается как когнитивное явление, поэтому для ее изучения используются, прежде всего, эмпирические методы, которые позволяют описать реальные синонимические отношения.

Проведенное исследование позволяет подтвердить выдвинутую гипотезу, согласно которой в лексиконе носителя языка реализуются логическое и ситуативное основания семантической близости. Эти основания в разной степени релевантны для лексико-грамматических разрядов ИС: логическое основание семантической близости преимущественно характерно для конкретных ИС, а ситуативное основание наиболее ярко представлено для абстрактных ИС. Вместе с тем граница реализации этих оснований не всегда очевидна.

По всей видимости, выделенные основания проявляются в различных аспектах, связанных с лексическим значением, а на механизмы синонимизации слов значительно влияет коммуникативная стратегия говорящего, от которой зависит характер синонимических связей в конкретном тексте и коммуникативной ситуации.

Важным результатом работы является описание предрасположенности лексико-грамматических разрядов ИС к актуализации логического и ситуативного оснований. Предметная отнесенность, свойственная конкретным ИС, проявляется в стремлении говорящего упорядочить феномены действительности; это способствует развитию у ИС этого разряда логической категоризации и иерархических семантических связей. Отсутствие предметной отнесенности у абстрактных ИС приводит к более высокой степени неопределенности (диффузности) их лексического значения и, как следствие, к реализации ситуативного механизма семантической близости. В целом абстрактные ИС обладают более широкой

синонимической сетью, для данного разряда также свойственна наибольшая степень расхождения словарной и несловарной синонимии. Для наименований лиц, выделенных в составе конкретных ИС, характерно ситуативное основание; это свидетельствует о том, что данный класс ИС по семантическим признакам оказывается схож с абстрактными ИС.

Список литературы

- Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии: Т. 1: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). М.: УРСС, 2003. 384 с.
- Белов В. А. Способы наивного толкования лексического значения существительных // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 83-91.
- Бережан С. Г. Совпадение отдельных элементов смысловой структуры слов как основа синонимичности // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1967. № XXVI (3). С. 264-268.
- Брагина А. А. Синонимы в литературном языке. М.: Наука, 1986. 126 с.
- Глазанова Е. В., Штерн А. С. Градуальное измерение вербальной лексики // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. Вып. 4: Семантика и коммуникация. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. С. 177-189.
- Глезер В. Д. Зрение и мышление. Ленинград: Наука, 1985. 246 с.
- Григорьева А. Д. Заметки о лексической синонимии // Вопросы культуры речи. 1959. № 2. С. 7-30.
- Евгеньева А. П. Основные вопросы лексической синонимии // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М., Л.: Наука, 1966. С. 4-29.
- Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные работы. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
- Звегинцев В. А. Замечания о лексической синонимии // Вопросы теории и истории языка: Сборник в честь проф. Б. А. Ларина. Л.: Наука, 1963. С. 127-142.
- Иванова А. И. Контекстуальная синонимия как проявление номинативного варьирования в тексте: На материале журнальных статей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 22 с.
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русского языка. М.: УРСС, 2008. 228 с.
- Касевич В. Б. Труды по языкознанию: в 2-х томах. Т. 1. СПб: Филол. факультет Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2006. 664 с.
- Клюева В. Н. Синонимы в русском языке // Русский язык в школе. 1954. № 3. С. 1-9.
- Князева Ю. О. Корпусный анализ в исследовании синонимии // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2008. № 14 (4). С. 165-169.
- Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: УРСС, 2004. 352 с.
- Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: учебное пособие для филологических факультетов ун-тов. М.: Высшая школа, 1982. 215 с.
- Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
- Лагутина А. В. Абсолютные синонимы в синонимической системе языка // Лексическая синонимия. М.: Наука, 1967. С. 115-147.
- Лебедева С. В. Два подхода к исследованию лексической синонимии // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста: Межвузовский тематический сборник научных трудов. Тверь: Тверской государственный ун-т., 1999. С. 68-73.
- Новиков Л. А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.
- Палевская М. Ф. Синонимы в русском языке. М.: Просвещение, 1964. 120 с.
- Песина С. А. Слово в когнитивном аспекте. М.: Флинта, 2011. 344 с.
- Покровская Е. А. Лексическая синонимия в квантитативно-системном аспекте (на материале русского языка): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 170 с.
- Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.

Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. М., Берлин: Direct-Media, 2015. 211 с.

Стернин И. А. Психолингвистическое значение слова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2011. № 1. С. 5-13.

Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с.

Черниговская Т. В., Деглин В. Л. Метафорическое и силлогическое мышление как проявление функциональной асимметрии мозга // Ученые записки. Труды по знаковым системам. 1986. № 19. С. 68-84.

Черняк В. Д. Синонимические связи слов в лексической системе русского языка: Дис. ... д-р. филол. наук. СПб., 1992. 388 с.

Apresjan J. Lexical semantics: user's guide to contemporary Russian vocabulary. Ann Arbor: Karoma, 1992. 633 p.

Clark E. The principle of contrast // Mechanisms of language acquisition / ed. by B. MacWhinney. New York: Academic, 1987. Pp. 1-33.

Croft W., Cruse A. Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 356 p.

Cruse A. Lexical semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 310 p.

Danglli L., Abazaj G. Absolute versus Relative Synonymy // Linguistic and communicative performance. 2009. № 2 (2). Pp. 64-68.

Edmonds P., Hirst G. Near-synonymy and lexical choice // Computational Linguistics. 2002. № 28 (2). Pp. 105-114.

Federmeier K. Thinking ahead: the role and roots of prediction in language Comprehension // Psychophysiology. 2007. № 44 (4). Pp. 491-505.

Fillmore C. Frames and the semantics of understanding // Quaderni di Semantica. 1985. № 6 (2). Pp. 222-254.

Greenbaum S. Some verb-intensifier collocations in American and British English // American Speech. 1974. № 49. Pp. 79-89.

Gurevich O., Crouch R., King T., Paiva V. de Verbal Nouns in Knowledge Representation // Journal of Logic and Computation. 2008. № 18 (3). Pp. 385-404.

Hirst G., Wang T. Near-synonym Lexical Choice in Latent Semantic Space // 23rd International Conference on Computational Linguistics. Proceedings of the Conference. Beijing, 2010. Pp. 1182-1190.

Inkpen D., Hirst, G. Building and using a lexical knowledge base of near-synonym differences // Computational Linguistic. 2006. № 32 (2), Pp. 223-262.

Jackson H. Words and Their Meaning. London: Longman, 1988. 279 p.

Kasevich V. Goddard, Cliff and Anna Wierzbicka, (eds). Semantic and Lexical Universals // Studies in Language. 1997. № 21 (2). Pp. 411-416.

Lyons J. Linguistic Semantics: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 376 p.

Murphy L. Semantic Relation and the Lexicon. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 292 p.

Recanati F. Pragmatics and Semantics // The Handbook of Pragmatics / eds. by L. Horn, G. Ward. Oxford: Blackwell Publishing. 2008. Pp. 442-462.

Reiter E., Sripada S. Contextual influences on near-synonym choice // Natural Language Generation: Third International Conference. Berlin, Heidelberg, New York: Springer-Verlag, 2004. Pp. 161-170.

Sparck Jones K. Synonymy and semantic classification: Abstract of Ph.D. dissertation. Cambridge, University of Cambridge, 1964. 170 p.

Xiao R., Mcenery T. Collocation, semantic prosody, and near synonymy: a cross-linguistic perspective // Applied Linguistics. 2006. № 27 (1). Pp. 103-129.

Zapico M., Vivas J. Synonymy from a linguistic-cognitive perspective. Measuring semantic distance // Onomazein. 2015. № 32. Pp. 198-211.

Zeng Xian-mo Semantic relationships between contextual synonyms // US-China education review. 2007. № 4 (9). Pp. 33-37.

References

Apresjan, J. D. (2009). *Issledovaniya po semantike i leksikografii: T. 1: Paradigmatika* [Research on semantics and lexicography: Vol. 1: Paradigmatics], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia. (In Russian)

- Arutyunova, N. D. (2003). *Predlozheniye i yego smysl (logiko-semanticheskiye problemy)* [Sentence and its meaning (logo-semantic problems)], URSS, Moscow, Russia. (In Russian)
- Belov, V. A. (2018). Sposoby naivnogo tolkovaniya leksicheskogo znacheniya sushchestvitel'nykh [Ways of naive interpretation of the lexical meaning of nouns], *Verkhnevolzhsk philological bulletin*, 4, 83–91. (In Russian)
- Berezhnaya, S. G. (1967). Sovpadeniye otdel'nykh elementov smyslovoy struktury slov kak osnova sinonimichnosti [Coincidence of individual elements of the semantic structure of words as the basis of synonymy], *The Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR*, XXVI (3), 264–268. (In Russian)
- Bragina, A. A. (1986). *Sinonimy v literaturnom yazyke* [Synonyms in the literary language], Nauka, Moscow, USSR. (In Russian)
- Glazanova, Ye. V. and Shtern, A. S. (1996). Gradual'noye izmereniye verbal'noy leksiki [Gradual measurement of verbal vocabulary], *Problems of modern theoretical and synchronous-descriptive linguistics. Issue 4: Semantics and communication*, Publishing House of St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia, 177–189. (In Russian)
- Glezer, V. D. (1985). *Zreniye i myshleniye* [Vision and thinking], Nauka, Leningrad, USSR. (In Russian)
- Grigor'yeva, A. D. (1959). Zametki o leksicheskoy sinonimii [Notes on lexical synonymy], *Issues of the culture of speech*, 2, 7–30. (In Russian)
- Yevgen'yeva, A. P. (1966). Osnovnyye voprosy leksicheskoy sinonimiki [Basic questions of lexical synonymy], *Essays on the synonymy of the modern Russian literary language*, Nauka, Moscow, Leningrad, USSR, 4–29. (In Russian)
- Zalevskaya, A. A. (2005). *Psikholingvisticheskiye issledovaniya. Slovo. Tekst. Izbrannyye raboty* [Psycholinguistic research. Word. Text: Selected papers], Gnosis, Moscow, Russia. (In Russian)
- Zvegintsev, V. A. (1963). Notes on lexical synonymy, *Questions of theory and history of language: Collection in honor of prof. B. A. Larina*, Nauka, Leningrad, USSR, 127–142. (In Russian)
- Ivanova, A. I. (2006). *Kontekstual'naya sinonimiya kak proyavleniye nominativnogo var'irovaniya v tekste: Na materiale zhurnal'nykh statey* [Contextual synonymy as a manifestation of nominative variation in the text: Based on journal articles], Abstract of Ph.D. dissertation, Tver State University, Tver, Russia. (In Russian)
- Issers, O. S. (2008). *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkogo yazyka* [Communication strategies and tactics of the Russian language], URSS, Moscow, Russia. (In Russian)
- Kasevich, V. B. (2006). *Trudy po yazykoznaniiyu* [Papers on linguistics], Publishing House of St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia. (In Russian)
- Klyuyeva, V. N. (1954). *Sinonimy v russkom yazyke* [Synonyms in the Russian language], *Russian Language at School*, 3, 1–9. (In Russian)
- Knyazeva, Yu. O. (2008). Korpusnyy analiz v issledovanii sinonimii [Corpus analysis in the study of synonymy], *Vestnik Kostroma State University*, 14 (4), 165–169. (In Russian)
- Kobozeva, I. M. (2004). *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics], URSS, Moscow, Russia. (In Russian)
- Kuznetsova, E. V. (1982). *Leksikologiya russkogo yazyka* [Lexicology of the Russian language], Vysshaya shkola, Moscow, Russia. (In Russian)
- Kustova, G. I. (2004). *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derived values and mechanisms of language expansion], *Yazyki slavyanskoj kul'tury*, Moscow, Russia. (In Russian)
- Lagutina, A. V. (1967). Absolyutnyye sinonimy v sinonimicheskoy sisteme yazyka [Absolute synonyms in the synonymic system of the language], *Lexical synonymy*, Nauka, Moscow, USSR. (In Russian)
- Lebedeva, S. V. (1999). Dva podkhoda k issledovaniyu leksicheskoy sinonimii [Two approaches to the study of lexical synonymy], *Psycholinguistic studies of the meaning of the word and understanding of the text: Interuniversity thematic collection of scientific papers*, Tver State University, Tver, Russia. (In Russian)
- Novikov, L. A. (1982). *Semantika russkogo yazyka* [Semantics of the Russian language], Vysshaya shkola, Moscow, Russia. (In Russian)
- Palevskaya, M. F. (1964). *Sinonimy v russkom yazyke* [Synonyms in Russian], Prosveshcheniye, Moscow, USSR. (In Russian)

- Pesina, S. A. (2011). *Slovo v kognitivnom aspekte* [Word in the cognitive aspect], Flinta, Moscow, Russia. (In Russian)
- Pokrovskaya, Ye. A. (1999). *Leksicheskaya sinonimiya v kvantitativno-sistemnom aspekte (na materiale russkogo yazyka)* [Lexical synonymy in the quantitative-systemic aspect (on the material of the Russian language)], Ph.D. dissertation, M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. (In Russian)
- Rakhilina, Ye. V. (2008). *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetayemost'* [Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility], Russkiye slovari, Moscow, Russia. (In Russian)
- Sternin, I. A. (2011). Psikholingvisticheskoye znachenie slova [Psycholinguistic meaning of the word], *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series "Russian and foreign languages and methods of their teaching"*, 1, 5–13. (In Russian)
- Sternin, I. A. (2015). *Problemy analiza struktury znacheniya slova* [Problems of analysis of the structure of the meaning of a word], Direct-Media Moscow, Russia. Berlin, Germany. (In Russian)
- Cheremisina, M. I. (2004). *Teoreticheskiye problemy sintaksisa i leksikologii yazykov raznykh sistem* [Theoretical problems of syntax and lexicology of languages of different systems], Nauka, Novosibirsk, Russia. (In Russian)
- Chernigovskaya, T. V. and Deglin, B. L. (1986). Metaforicheskoye i sillogicheskoye myshleniye kak proyavleniye funktsional'noy asimmetrii mozga [Metaphorical and syllogical thinking as a manifestation of the functional asymmetry of the brain], *Uchenyye zapiski. Trudy po znakovym sistemam*, 19, 68–84. (In Russian)
- Chernyak, V. D. (1992). *Sinonimicheskiye svyazi slov v leksicheskoy sisteme russkogo yazyka* [Synonymic connections of words in the lexical system of the Russian language], Sc.D. dissertation, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia. (In Russian)
- Apresjan, J. (1992). *Lexical semantics: user's guide to contemporary Russian vocabulary*, Karoma, Ann Arbor, USA. (In English)
- Clark, E. (1987). The principle of contrast, in MacWhinney, B. (ed.), *Mechanisms of language acquisition*, Academic, New York, USA, 1–33. (In English)
- Croft, W. and Cruse, A. (2004). *Cognitive Linguistics*, Cambridge University Press, Cambridge, UK. (In English)
- Cruse, A. (1986). *Lexical semantics*, Cambridge University Press, Cambridge, UK. (In English)
- Danglli, L. and Abazaj, G. (2009). Absolute versus Relative Synonymy, *Linguistic and communicative performance*, 2 (2), 64–68. (In English)
- Edmonds, P. and Hirst, G. (2002). Near-synonymy and lexical choice, *Computational Linguistics*, 28 (2), 105–114. <https://doi.org/10.1162/089120102760173625> (In English)
- Federmeier, K. (2007). Thinking ahead: the role and roots of prediction in language Comprehension, *Psychophysiology*, 44 (4), 491–505. DOI: 10.1111/j.1469-8986.2007.00531.x. (In English)
- Fillmore, C. (1985). Frames and the semantics of understanding, *Quaderni di Semantica*, VI (2), 222–254. (In English)
- Greenbaum, S. (1974). Some verb-intensifier collocations in American and British English, *American Speech*, 49, 79–89. <https://doi.org/10.2307/3087920> (In English)
- Gurevich, O., Crouch, R., King, T. and Paiva, V. de (2008). Deverbal Nouns in Knowledge Representation, *Journal of Logic and Computation*, 18 (3), 385–404. <https://doi.org/10.1093/logcom/exm070> (In English)
- Hirst, G. and Wang, T. (2010). Near-synonym Lexical Choice in Latent Semantic Space, *23rd International Conference on Computational Linguistics. Proceedings of the Conference*, Beijing, China, 1182–1190. (In English)
- Inkpen, D. and Hirst, G. (2006). Building and using a lexical knowledge base of near-synonym differences, *Computational Linguistic*, 32 (2), 223–262. <https://doi.org/10.1162/coli.2006.32.2.223> (In English)
- Jackson, H. (1988). *Words and Their Meaning*, Longman, London, UK. (In English)
- Kasevich, V. (1997). Goddard, Cliff and Anna Wierzbicka, (ed.), *Semantic and Lexical Universals*, *Studies in Language*, 21 (2), 411–416. <https://doi.org/10.1075/sl.21.2.07kas> (In English)
- Lyons, J. (1995). *Linguistic Semantics: An Introduction*, Cambridge University Press,

Cambridge, UK.
<https://doi.org/10.1017/CBO9780511810213> (In English)

Murphy, L. (2002). *Semantic Relation and the Lexicon*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
<https://doi.org/10.1017/CBO9780511486494> (In English)

Recanati, F. (2008). Pragmatics and Semantics, in Horn, L. and Ward, G. (eds.), *The Handbook of Pragmatics*, Blackwell Publishing, Oxford, UK, 442–462. (In English)

Reiter, E. and Sripada, S. (2004). Contextual influences on near-synonym choice, *Natural Language Generation: Third International Conference*, Springer-Verlag, Berlin, Heidelberg, New York, Germany, USA, 161–170. (In English)

Sparck Jones, K. (1964). *Synonymy and semantic classification*, Abstract of Ph.D. dissertation, University of Cambridge, Cambridge, UK. (In English)

Xiao, R. and Mcenery, T. (2006). Collocation, semantic prosody, and near synonymy: a cross-linguistic perspective, *Applied*

Linguistics, 27 (1), 103–129.
<https://doi.org/10.1093/applin/ami045> (In English)

Zapico, M. and Vivas, J. (2015). Synonymy from a linguistic-cognitive perspective. Measuring semantic distance, *Onomazein*, 32, 198–211. (In English)

Zeng, Xian-mo (2007). Semantic relationships between contextual synonyms, *US-China education review*, 4 (9), 33–37. (In English)

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Вадим Алексеевич Белов, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации, Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия).

Vadim A. Belov, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Department of German Philology and Intercultural Communication, Cherepovets State University, Cherepovets, Russia.

УДК 81'42

DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-2

Воркачев С. Г.

Семантические комплексы в российской антропологической лингвистике: смысловые единства и их составляющие

Кубанский государственный технологический университет
ул. Московская, 2, Краснодар, 350072, Россия
E-mail: svork@mail.ru; vorkachevsergei@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-6290-2582

*Статья поступила 14 февраля 2022 г.; принята 27 апреля 2022 г.;
опубликована 30 июня 2022 г.*

Аннотация. Исследуются представления о семантических бинарных комплексах в российской антропологической лингвистике (лингвокультурологии) и описываются противосмыслы (антиконцепты) высшего уровня абстрактности «несчастье», «несправедливость» и «неблагодарность», которым пока что должного внимания не уделялось. Отмечается отсутствие единства мнений относительно сущности противопоставления членов биннома и относительно понимания смысла и противосмысла, где существуют две основных точки зрения: 1) антиконцепт противостоит концепту по любому признаку; 2) в основе противопоставленности концепта и антиконцепта лежит исключительно аксиологический признак. Также устанавливается, что наиболее значимым отличием несчастья от счастья выступает бóльшая конкретность первого, которая на языковом уровне проявляется в способности лексемы «несчастье» принимать форму множественного числа, невозможную для счастья. Если справедливость – образец абстрактной категории, то её «антипод» – несправедливость вполне конкретна: это некоторое положение вещей. Психологически несправедливость опережает по времени формирования справедливость и, если для абстрактного имени «справедливость» множественное число – это отклонение от нормы, то о конкретности имени «несправедливость» свидетельствует легкость, с которой оно принимает форму множественного числа. «Номинативная плотность» лексических показателей благодарности не особо велика, но она, безусловно, имеет место. В то же самое время неблагодарность никаких других средств выражения кроме производных от основы «неблагодарн-» не имеет. В семантике неблагодарности столько же, если не больше, характеристик, не связанных с общими с благодарностью антонимическими признаками. Таким образом, можно утверждать, что в психологическом плане формирование оппозитивных пар концептов высшего уровня начинается с более конкретного отрицательного противочлена, в то же самое время номинативная плотность средств выражения антиконцепта необязательно превышает номинативную плотность концепта.

Ключевые слова: Семантическое единство; Концепт; Антиконцепт; Оппозиция; Несчастье; Несправедливость; Неблагодарность

Информация для цитирования: Воркачев С. Г. Семантические комплексы в российской антропологической лингвистике: смысловые единства и их составляющие // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8. № 2. С. 24-40. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-2

UDC 81'42

DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-2

Sergey G.Vorkachev

**Semantic complexes in the Russian anthropological linguistics:
semantic entities and their components**

Kuban State Technological University
2, Moskovskaya St., Krasnodar, 350072, Russia
E-mail: svork@mail.ru; vorkachevsergei@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-6290-2582

Received 14 February 2022; accepted 27 April 2022; published 30 June 2022

Abstract. The author examines the notions of semantic binary complexes in Russian anthropological linguistics (linguoculturology) and counter-meanings (anti-concepts) of the highest level of abstractness “unhappiness”, “injustice” and “ungratefulness.” These notions have not yet been given due attention. There is a lack of unity of opinion regarding the essence of the contrasting members of the binomial and regarding the understanding of meaning and antithesis, where there are two main points of view: 1) the anti-concept opposes the concept on any basis; 2) the basis of the opposition of the concept and the anti-concept is exclusively an axiological feature. It is also established that the most significant difference between unhappiness and happiness is the greater specificity of the first, which at the linguistic level is manifested in the ability of the lexeme “neschastje” to take a plural form, which is impossible for “schastje”. If justice is an example of an abstract category, then its “antipode” – injustice is quite concrete: this is a certain state of affairs. Psychologically, injustice is ahead of justice in time of formation, and if for the abstract name “spravedlivost” the plural is a deviation from the norm, then the concreteness of the name “nespravedlivost” is evidenced by the ease with which it takes the form of the plural. The “nominative density” of lexical indicators of gratitude is not particularly high, but it certainly takes place. At the same time, ingratitude has no other means of expression other than those derived from the stem “nespravedliv-“. In the semantics of ingratitude, there are just as many, if not more, characteristics that are not associated with antonymic features common with gratitude. Thus, it can be argued that, psychologically, the formation of opposing pairs of higher-level concepts begins with a more specific negative counterterm, at the same time, the nominative density of the means of expressing the anti-concept does not necessarily exceed the nominative density of the concept.

Keywords: Semantic unity; Concept; Anti-Concept; Opposition; Unhappiness; Injustice; Ingratitude

How to cite: Vorkachev, S. G. (2022). Semantic complexes in the Russian anthropological linguistics: semantic entities and their components, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 8 (2), 24-40. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-2

Введение

«Кризис роста» постсоветского ономима антропологической лингвистики – лингвокультурологии и её ипостаси – лингвоконцептологии, случившийся в начале 2000-тысячных, разрешился путем экспансии её предмета, с одной стороны, «вглубь», когда объектом изучения стали составляющие лингвокультурного концепта

– главным образом, метафорически-образная, а, с другой, – «вширь», когда таким объектом стали множества различных смысловых образований – концептуальные поля, гипер-, сверх- и макроконцепты (Воркачев, 2011: 69–70). Особый исследовательский интерес в области множественных смысловых комплексов, как представляется, вызывают

семантические биномы – концептуальные пары, получающие имя «бинарных концептов», «сопряженных концептов», «сопряженных категорий», «концептуальной диады», «семантического единства», «ментальной структуры», «концептуальной оппозиции», «составляющих лингвокультурной идеи» либо не получающие специального названия.

Теоретический обзор

В состав концептуальных пар иногда входят близкие или даже смежные по смыслу семантические образования, такие как, например, зависть и ревность (Несветайлова, 2012), скромность и ханжество (Шевченко, 2010), однако по большей части здесь присутствуют смыслы, образующие оппозицию по тому или иному признаку: мать и отец (Листрова-Правда, 1999), гордость и стыд (Малахова, 2011), бог и дьявол (Передриенко, 2006), жизнь и смерть (Пономарева, 2008), память и забвение (Сабадашова, 2011), великое и ничтожное (Боева-Омелечко, 2013), лицемерие и искренность (Храмова, 2010), glory и disgrace (Русина, 2008) и пр.

Исследовательский интерес ко вторым членам оппозитивных пар, получивших название «антиконцептов», возник где-то на десяток лет позже интереса к первым членам этих пар – концептам. С начала нулевых появился целый ряд работ, в которых теоретически осмысливалась функциональная предназначенность концептуальных пар, их семантическая структура и взаимоотношения их членов, а также средства их вербализации (Новодранова, 2007; Гуреева, 2007; Степанов, 2007; Приходько, 2013; Боева-Омелечко, 2014; Буженинов, 2017 и др.).

В ходе исследования концептуальных биномов были установлены их базовые свойства и основные черты входящих в них противосмыслов – антиконцептов, разработаны принципы их классификации.

Так, по общему мнению, двоичная противопоставленность представляет собой универсальную и антропоцентричную

характеристику бытия, сознания и языка (Малинович, 2011: 61; Соловьева, 2016: 4). В онтологии этот экзистенциальный дуализм проявляется в категориях янь и инь, космоса и хаоса, мира и антимира, вещества и антивещества. Бинарные оппозиции в мышлении проявляются первыми и заложены у человека на бессознательном уровне (Соловьева, 2016: 7), они позволяют описывать любую картину мира¹. В то же самое время бинарные противопоставления соотносимы с синергетическими понятиями симметрии и асимметрии, лежащими в основе саморазвития систем.

Установлено, что в логико-философском плане бинарное противопоставление представляет собой семантический аналог антонимии (Новиков, 1973: 29; Боева-Омелечко, 2013: 124; Гуреева, 2007: 17), а смысловая структура оппозитивных биномов находится со структурой соответствующей антонимической парадигмы в отношении гомоморфизма. Отношения противостоящих членов подобных семантических биномов характеризуются контрарностью и взаимообусловленностью, они входят в одну и ту же семантическую область.

Относительно сути противопоставления членов биннома и, соответственно, относительно понимания и определения концепта и антиконцепта сложились две основных точки зрения. Согласно одной, предельно широкой, антиконцепт противопоставляется концепту внутри оппозитивной парадигмы по любому, неважно какому, признаку, когда антиконцепт – это просто «концепт, противопоставленный какому-то другому концепту» (Степанов, 2007: 20–21). Согласно другой, более узкой точке зрения, в основе противопоставленности концепта и антиконцепта лежит аксиологический признак, когда антиконцепт исключительно отражает какую-то антиценность (Приходько, 2013:

¹ Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века. М.: Аграф, 2001. С. 50.

67). Можно заметить, что «ценностная» точка зрения на противопоставленность концепта и антиконцепта несколько уязвима, поскольку любой концепт, а тем более лингвокультурный, формируется в сознании как «сгусток культуры в сознании человека» (Степанов, 1997: 40) лишь в том случае, если он представляет собой для человека определенную ценность: обладает свойством удовлетворять или препятствовать («антиценность») удовлетворению какой-либо его потребности. В то же самое время можно видеть концептуальные пары, в которых оба члена принадлежат одной и той же аксиологической области и обладают одинаковым оценочным знаком – гипертония и гипотония, например, а антиценности способны удовлетворять потребности человека – наркотики и порнография, например. В любом случае смысловое противопоставление осуществляется в границах общей для концепта и антиконцепта семантической области, которая получает название «метаконцепта» (Ларина, 2011: 5), «мезоконцепта» (Приходько, 2013: 68), «лингвокультурной идеи» (Воркачев, 2007: 19) и пр.

Антиконцепты, как и концепты, получают свою типологию и классификацию: по признаку кванторности выделяются универсальные, этноспецифические и индивидуальные антиконцепты, по форме присутствия в оппозитивном биноме положительные члены выделяются антиконцепты с эксплицитным, имплицитным и лакунарным контрагентом (Приходько, 2013: 74).

В ходе рассмотрения оппозитивных концептуальных биномов были установлены основные специфические свойства антиконцептов на фоне их противочленов – концептов (Буженинов, 2017: 167; Гуреева, 2007: 17), такие, как: 1) вторичность, производность от концепта; 2) более сложная семантическая структура и её большая наполненность; 3) большая номинативная плотность (вербализованность, объективированность), обязательность номинации; 4) несводи-

мость к антонимии, которая служит лишь средством его выражения.

Научные результаты и дискуссия

Инвариантные свойства антиконцептов устанавливались, главным образом, на материале терминологических систем – медицинской (Буженинов, 2017; Новодранова, 2001) и спортивной (Гуреева, 2007). Думается, было бы любопытно выяснить еще и то, как эти свойства представлены в области абеляровских концептов наиболее высокого уровня абстракции, с которых, собственно, и пошла быть концептология, – в обыденных аналогах этических терминов (Арутюнова, 1999: 617) и мировоззренческих универсалий, в которых концентрируются ценности культуры². Для описания семантики подобных абстракций высшего уровня, постигаемых умозрительно и обладающих многослойной и разнокачественной смысловой структурой, когнитивная методика, разработанная для изучения предметно-событийных концептов (Бабушкин, 1996: 43–68), оказывается недостаточной, её приходится дополнять методами лингвокультурологического анализа (Воркачев, 2011: 69). Семантические признаки выделяемых в семантическом составе положительных членов оппозитивных биномов – концептов могут не находить симметричного отражения в семантическом составе отрицательных членов – антиконцептов, причем это может происходить на уровне каждой их оставляющей («слоя» – Степанов, 1997: 45).

В основе семантической оппозитивности, как и в основе антонимии (Новиков, 1973: 31), лежит отношение противоположности (контрарности), которое, помимо дополнительности (комплементарности) как покрытия членами оппозиции всей семантической области родовой категории («живой» – «мертвый»), может отправлять к градуальному нарастанию или убыванию

² Степин В. С. Культура // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2001. С. 343.

признака в границах родовой категории, что допускает существование в оппозитивной схеме еще и третьего – среднего и оценочно нейтрального члена, что превращает бинум в тернарную конструкцию. Так, желание противостоит не только нежеланию как активному отвращению, но и безразличию (Воркачев, 2011а: 16), а любовь противостоит не только ненависти, но и равнодушию (Воркачев, 2011а: 217). Тернарную структуру, например, образует «градиент концепт» (Лунцова, 2008) «дружба – мир – вражда».

Как представляется, особый интерес вызывает исследование таких культурно значимых «антисмыслов», как несчастье, несправедливость и неблагодарность, тем более что положительные смыслы, которым они противостоят, были автором уже достаточно подробно описаны (Воркачев, 2004; Воркачев, 2020: 7–118, 119–224).

Несчастье

В лексической системе русского языка симметрия счастья и несчастья носит исключительно формальный, морфологический характер: на содержательном уровне несчастье антонимом счастья по большому счету не является. В первом же приближении несчастье, как, впрочем, и счастье, распадается на две семантические разновидности: несчастье «внешнее» – неблагоприятные и вредоносные для человека события и обстоятельства и несчастье «внутреннее» – эмоциональное переживание этих событий и обстоятельств (Степанов, 1997: 267). Оба этих несчастья входят в разные синонимические ряды: несчастье «внешнее», которое можно назвать двандвой «несчастье-беда», входит в ряд *беда, бедствие, напасть, лихо, поруха, злосудие, злосчастье, невзгоды, неудача, невезенье*, а несчастье «внутреннее», которое можно назвать двандвой «несчастье-горе», – в ряд *горе, горесть*. В то же самое время в речи лексема «несчастье» достаточно часто передает эти два значения нерасчлененно, что дает основания изучать несчастье как

«эмотивно-событийный концепт» (Мальцева, 2009). Нужно, однако, заметить, что в речи лексема «несчастье» в чисто эмоциональном значении встречается совсем не часто (Татаркевич, 1981: 98), что отражается на структуре словарной статьи «несчастье» в толковых словарях русского языка, где сначала идет событийное значение «беда», а только потом идет эмоциональное значение «горе»^{3,4,5}. Можно также отметить, что в семантическом составе «внешнего» несчастья нет ассоциаций с невезением, включенных в семантику счастья-удачи, а в семантическом составе «внутреннего» несчастья отсутствуют вероятностные ожидания, присущие радости (Воркачев, 2004: 136–137).

Философы древности обходились лишь счастьем, под которым они понимали некий идеальный эталон жизни, а отклонение от этого идеала – несчастье их не интересовало и рефлексии по поводу несостоятельности судьбы в их рассуждениях, очевидно, не было: «Негативный термин “несчастье” является особенностью современных языков. Философы говорили о счастье чаще всего в смысле идеала, а не характеристики жизни, поэтому они могли оперировать одним словом “счастье”, обходясь без его противоположности» (Татаркевич, 1981: 98–99). Думается, однако, что игнорировали они несчастье как объект изучения совершенно напрасно, тем самым ограничивая свой потенциал познания, поскольку, если идеал один, то отступлений от него бесконечное множество: «ошибаться можно различно (ибо зло беспредельно)» (Аристотель, 1998: 178),

³ Несчастье // Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. С. 643.

⁴ Несчастье // Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1953. С. 367.

⁵ Несчастье // Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Астрель-АСТ, 2000. С. 556.

поэтому, наверное, «*Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему*» (Л. Н. Толстой).

Пожалуй, наиболее значимым отличием несчастья от своего положительного противосмысла выступает его бóльшая конкретность: в подавляющем большинстве случаев несчастье – это вполне конкретное событие или вполне конкретные обстоятельства, причиняющие человеку боль, огорчение, расстройство, заставляющие его страдать. На уровне языка это отличие проявляется в способности лексики «несчастье» принимать форму множественного числа, невозможную для счастья: «Слово “счастье” не имеет множественного числа, а “несчастье” – имеет» (NN); «*Несчастья* опадают, словно листья, / и человек стоит и гол, и тверд» (С. Петров); «*Несчастья* – были. Умирали други. / Землетрясения крушили города» (Б. Слуцкий); «*Испытал я несчастья* и ласку, / стал потише, помедленней жить (Я. Смеляков); «От притеснений на земле все беды и *несчастья* (А. Адалис). Существует также мнение, что несчастье отличается от счастья еще и бóльшим постоянством и интенсивностью: «Счастье мимолетно, его трудно удержать; несчастье же, наоборот, отличается постоянством и редко бывает непродолжительным»; «Несчастье более интенсивно, чем счастье, а поэтому и более продолжительно: на несчастье не действует время; время излечивает боль, страдания, но не несчастье» (Татаркевич, 1981: 99–100).

Как представляется, бóльшая конкретность несчастья на фоне своего положительного противочлена позволяет усомниться в универсальности тезиса о производности антиконцепта от концепта, поскольку здесь он входит в прямое противоречие с базовым гносеологическим постулатом о первичности в познании именно конкретного: и в филогенезе, и в онтогенезе человек сначала на физиологическом и интуитивном уровне, на

уровне боли и страдания составляет представление о несчастье, а уж только затем у него формируется понятие идеальной жизни и судьбы.

Безусловно, несчастье нерасторжимо связано со своим положительным противосмыслом: оно выступает контрастным фоном для счастья и его условием, в то же самое время конкретные несчастья-неблагоприятные события могут не оказывать на удовлетворение жизнью в целом никакого влияния. Так, несчастье переживается с особой остротой при воспоминаниях о счастливых временах (Nessun maggior dolore che ricordarsi del tempo felice nella miseria – Dante), а в русской культуре невозможно оценить должным образом свое счастье, не испытав несчастье (Воркачев, 2012: 72) – «*Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам, / Не испытав его, нельзя понять и счастья*» (Е. Баратынский), а в отечественном православии к блаженству ведет страдание: «*Блаженны плачущие, ибо они утешатся*» (Мф. 5: 4). Парадокс «русского счастья» заключается еще и в том, что наибольшее ощущение счастья переживается человеком именно в самые сложные для него моменты, наполненные неблагоприятными событиями, т. е. несчастьями: войнами, революциями, катастрофами.

В семантическом составе счастья, помимо рационального момента – рефлексии по поводу успешности собственной жизни, обильно присутствует момент эмоциональный – переживание степени соответствия своей жизни её желанному идеалу, и переживание это поддается, как и большинство эмоциональных проявлений, градуации: оно соотносится либо с пронзительной радостью, либо с тихим удовлетворением (Татаркевич, 1981: 1000). В этом случае «фелицитарная логика» может стать трехзначной, включив в число операторов, помимо «высокого и огненного счастья» (А. Ахматова) и несчастья, еще и «средний член», получающий обычно имя благополучие (англ. well-being, фр. bien-

être, укр. добробут). Психологически такая структура вполне объяснима, поскольку благополучие чаще всего принимается за норму и не замечается, как здоровье (Татаркевич, 1981: 99): «Счастье – как здоровье: когда его не замечаешь, значит оно есть» (И. Тургенев). В то же самое время в этой логике несчастье как неблагоприятные события может выноситься за скобки, и тогда здесь останется противопоставление «высокого счастья» и «мещанского благополучия» (Воркачев, 2012: 71; Карасик, 2013: 155–156;), уравниваемого с несчастьем, подвига и скуки у людей романтического либо пассионарного склада личности, которым, как герою пьесы А. Островского актеру-трагику Геннадию Несчастливцеву, в отсутствии неприятностей «удавиться хочется».

В психологические фелицитарные теории, где под счастьем понимается обоснованная удовлетворенность жизнью в целом (Татаркевич, 1981: 41; Аргайл, 1990: 5–6), вполне симметрично вписывается несчастье как отсутствие подобной удовлетворенности – неудовлетворенность (Татаркевич, 1981: 99–100). Состояние несчастья, как и состояние счастья, в первую очередь зависит от той фелицитарной концепции (Воркачев, 2004: 62–77), которую разделяет человек, а выбор этой концепции в свою очередь зависит от типа личности, определяющего жизненные установки человека.

Так, для носителей гедонической концепции счастья, усматривающих высшее благо в наслаждениях, и для носителей её ослабленного варианта – эпикурейской концепции, для которых счастье – это отсутствие несчастья («Счастье состоит не столько в наличии удовольствия, сколько в отсутствии страдания» – А. Шопенгауэр), удовлетворенность жизнью в целом аннулируется событиями, приносящими продолжительные физические или моральные страдания, которые выступают здесь в функции факторов несчастья. В то же самое

время для носителей пассионарной фелицитарной концепции факторами несчастья будут скука и рутинность – отсутствие значимых событий, в том числе и неблагоприятных. Для последователей стоицизма – сторонников фелицитарной концепции добродетели счастье состоит в следовании нравственным принципам, а несчастье, соответственно, в отступлении от них, беда только в том, что эмоции, (а счастье, главным образом, – эмоциональное состояние), неподконтрольны воле человека, и достаточно сомнительно, чтобы чувство удовлетворенности жизнью в целом можно было бы вызвать только осознанием выполненного долга. Для редких сторонников телеономной концепции счастья как «меры достижения смысла жизни» (Попов, 1986: 9) или реализованности человеком своего предназначения несчастье, соответственно, – это невозможность самореализации, невозможность «состояться», соответствовать своему жизненному призванию и своей миссии. Можно еще раз отметить, что множественность представлений о счастье обуславливает тот факт, что отдельные неблагоприятные события не могут перекрыть конечного, «холодного» удовлетворения жизнью в целом.

Несправедливость

Справедливость вместе с благодарностью для Дж. Локка представляется эталоном, образцом абстрактной категории – «отвлеченной идеей добродетели» (Локк, 1985, т.1: 493). Она «не имеет реального, онтологического существования – есть лишь нормы и представления об идеале» (Кучуради, 2003: 20). В то же самое время её «антипод» – несправедливость существует реально, она конкретна, её легко можно увидеть, это «некоторое положение вещей» (Кучуради, 2003: 20). И, наверное, совсем неслучайно на просьбу привести пример несправедливости в опросной анкете респонденты советуют составителю анкеты «кругом посмотреть» (Воркачев, 2009: 126). Психологически, и в онтогенезе, и в филогенезе несправед-

ливость как «всяческое зло» (Платон, 1971, т.3: 240), встреча с которым «нас приводит в ярость... и доводит до иступления» (Зайцев, 1999: 148), опережает и по времени формирования и по интенсивности переживания свой положительный семантический противочлен (Рикёр, 2005: 13), который на её фоне имеет достаточно «бледный вид» (Дубко-Титов, 1989: 164), т.е. здесь, как и в случае счастья-несчастья, антиконцепт «производит» концепт: «С тех пор, как человек понял – он живет в несправедливом мире, он начал искать справедливость» (Г. Козинцев).

Если для абстрактного имени «справедливость» множественное число – это, скорее, экзотика, отклонение от нормы и неологизм («За стенками склянок столько тайн. / Ты знаешь высшие *справедливости*. / Аптекарь, / дай / душу / без боли / в просторы вывести» – В. Маяковский), то в пользу конкретного характера имени «несправедливость» свидетельствует легкость, с которой оно принимает форму множественного числа: «Этот источник – отсутствие любви в человеке – порождает все *несправедливости*, как в плане личном, так и в плане социальном» (А. Осипов); «Поистине величайшие *несправедливости* совершаются теми, кто стремится к излишествам, а не теми, кого гонит нужда» (Е. Съянова). В то же самое время несправедливость вполне предметна и объектна – она творится и совершается: «Сам государь не знал, что *творит несправедливость*» (С. Волконский); «После чего они с легким сердцем *совершили* свою обычную *несправедливость*: влетело брату словесно, а мне иным образом» (С. Алешин). О конкретности несправедливости косвенно свидетельствует также её преобладающий логико-психологический категориальный статус: в речи имя «несправедливость», прежде всего, квалифицируется как ощущение (Воркачев 2020: 94): «У нее родилось стойкое *ощущение* чудовищной *несправедливости*, убеждение, что красота ее недоплачивается» (Ф. Искандер);

«Например, *ощущение несправедливости*, которое я испытывал с раннего детства – речь идет о социальной несправедливости в чистом виде, – создавало во мне определенный критический настрой» (Б. Немцов).

Наблюдения над речевым употреблением имени «несправедливость» в НКРЯ⁶ показывают, что в отсутствие развернутого определения несправедливости она толкуется преимущественно через отождествление с такими из её семантических признаков, как неравенство, пристрастие и незаслуженность: «*Несправедливость неравенства*, о которой я неясно думал и прежде, вдруг представилась мне с такой очевидностью, как будто я отвечал за нее» (В. Каверин); «За них и прощаешь *несправедливость*, исходно заложенную в *неравенстве*» (Л. Зорин); «Сначала она ко мне благоволила, выказывала даже *пристрастие*, которое коробило меня, так как было *несправедливостью* по отношению к другим, а дома благодаря отношению родителей к детям во мне развилось чувство равенства и потребность в нем» (В. Фигнер); «Нельзя не увидеть возмутительную и кощунственную *несправедливость: несоответствие между достоинствами и недостатками людей*, и облегающими их, одних соболями, других лохмотьями» (М. Агеев).

В то же самое время специфические категориальные признаки справедливости (Воркачев, 2020: 113) в семантике её противочлена получают зеркальное отражение, но с противоположным аксиологическим знаком: мерность воздаяния представлена отсутствием меры («*Мера* везде нужна. Жестокость, *несправедливость* – это гнусные крайности» – А. Шеллер-Михайлов), универсальная социальность – конфликтогенностью, криминогенностью и деструктив-

⁶ Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 21.04.2021).

ностью для общественных связей («Нуждались ли люди в сверхъестественном откровении, – восклицает Гольбах, – чтобы узнать, что справедливость необходима для сохранения общества и что *несправедливость создает только скопища врагов, старающихся вредить друг другу?*») – Г. Плеханов).

Несправедливость, безусловно, – категория оценочная, и как любая оценка поддается градуации: эмфатизируется, называется *большой, вящей, крупной, великой, величайшей, громадной, огромной, колоссальной, крайней, чрезвычайной, безграничной, безмерной, невиданной, неслыханной, поразительной, совершенной, абсолютной, явной, всяческой* и пр. («Это была *большая несправедливость*, лишившая пенсий десятки тысяч человек» – А. Бовин; «О нет, это *величайшая несправедливость* – предпочть мне бессловесного Жака!» – М. Булгаков) и деэмфатизируется, называется *малой, мелкой, определенной, обычной* и пр. («Он преисполнен любви к человеку, ко всему человеческому роду. *Малейшая несправедливость* больно ранит его» – В. Кормер; «Поддавляет *мелкая несправедливость*, подлость ближнего, разгул пороков и господство грубой силы» – Н. Никулин). Эмфатизация несправедливости активно осуществляется также лексическими единицами, производными от эмоционально окрашенных имен – *ужасная, страшная, жуткая, чудовищная, дикая* и пр.: «*Ужасная несправедливость*: мужчины краснеют до шестидесяти лет, женщины – до шестнадцати» (А. Мариенгоф); «Какое ужасное невежество и какая *страшная несправедливость!*» (Н. Лесков); «Совершается *чудовищная несправедливость*, на фоне которой потеря земли и дома кажется пустяком» (В. Краснова). Еще активнее она эмфатизируется метафоризированными лексическими показателями – *глубокая, горькая, тяжкая, жгучая, беспросветная, вопиющая, жестокая, немилосердная, зверская, грубая, злая, глупая, наглая, бессмысленная, безумная, упорная,*

беззащитная и пр.: «Как министр сельского хозяйства, ощущаю это особенно остро и считаю *глубочайшей несправедливостью*» (С. Павлов); «Понимал, что *горькая несправедливость* требует иных поступков, чем жалкие подачки» (К. Паустовский); «И очень часто слишком долгий мир накапливает собою *тяжкую социальную несправедливость*, из которой нет выхода» (М. Меньшиков); «Но слезы вскипали вновь и вновь – не от предстоящей солдатчины, а от *жгучей несправедливости*, учиненной над ним отцом» (Ю. Нагибин).

Несправедливость отличается крайней эмоциогенностью, она вызывает разнообразные вербальные и поведенческие реакции. Зрелище несправедливости вызывает у человека целый спектр отрицательных эмоций различной интенсивности, начиная от огорчения и раздражения и заканчивая ненавистью и яростью («Меня *огорчает несправедливость* людей» – П. Яковлев; «Человеческое сердце *скорбит*, видя вокруг себя торжество зла, *несправедливости*, оно не может примириться с неправдою жизни мирской» – В. Свенцицкий; «Он был в переделках и похуже этой, но *возмуцала несправедливость*» – А. Н. Толстой; «Ты дрожишь от *негодования* на людскую *несправедливость*: слагай это в своем сердце» – Н. Лесков; «У меня тоже были круглые глаза, и я тоже трясся от возбуждения, но это был не страх, а *ярость на несправедливость* судьбы» – В. Ломов). Несправедливость также вызывает эмоции, связанные с уничтожением личного достоинства человека – *обиду, унижение, оскорбление* («Однако его не могли не *обижать* сухость и *несправедливость* отца» – К. Куприна; «Значение приговора комиссии Карнеги имело для болгар тем большее значение, что мы нашли Болгарию подавленной и *униженной жестокой несправедливостью* Бухарестского договора» – П. Милуков; «Наконец, *оскорбленный несправедливостью*, я сказал что-то неприятное главной инспекторше;

меня посекали розгами, и я пришел в отчаяние!» – Ф. Булгарин), она причиняет мучения и страдания («К тому же его мучила несправедливость – ведь детеныши хоть в детстве поплавали, а взрослые?» – А. Олейников); «Да, да, папахен; мы с тобой вообще много страдаем от людской несправедливости» – Д. Мамин-Сибиряк). Несправедливость вызывает физиологические и соматические проявления эмоций – плач, вопли, прерывистое дыхание, покраснение, жар, тошноту, ступор, боль и пр. («Внутри все горело от несправедливости, а надо придавить в себе амбиции, иначе будет только хуже» – Н. Бестемьянова; «Но тошнота от несправедливости, даже не касавшейся лично его, поднялась в нем до той высоты, когда уже не хочется и жить» – А. Солженицын; «Мне от несправедливости больно, – рассуждал Женя, отчаянно жестикулируя» – Т. Крюкова). Реакция на несправедливость проявляется не только вербально, в виде жалоб, сетований, роптания, укоризны («Он рассказал о ссоре своей с Годуновым, горька жалуюсь на несправедливость царя» – А. К. Толстой; «Враги Суворова радовались; доброжелатели сетовали на несправедливость; в армии негодовали» – С. Григорьев), но и поведенчески, в форме протеста, бунта, мести («Ее черные глаза метали молнии – в данный момент она протестовала против всей несправедливости, творившейся в мире» – Т. Тронина; «Человек никогда не мог примириться с тем, что он смертен. Бунтовал против чудовищной, бессмысленной несправедливости судьбы» – Е. Парнов; «Крысолов – символ жесточайшей мести за малейшую несправедливость» – А. Иванов).

Если «из всех добродетелей самая редкая – справедливость» (Грильпарцер), то её антипод несправедливость – повсеместна, вездесуща и вековечна («Разговаривал с Савостиным насчет жизни и несправедливости, повсюду царящей» – В. Гельфанд; «Везде одна несправедливость, да притеснение, да злодейство» –

И. Тургенев; «Пишу о Толстом и жалуясь, через него, на вечную несправедливость во всех людях» – В. Катанян; «Вековая несправедливость, от одного этого запишешься в феминисты» – В. Аксенов), она неизбежна и неустранима («Блат, как и несправедливость в России, неустрабимы при любой власти» – В. Баранец; «Вы понимаете, Василий Васильевич, тут ужасная несправедливость – кит, которого ничем не сдвинешь» – А. Ремизов).

Речевое употребление имени «несправедливость» свидетельствует также о том, что в этой категории отражаются возрастные характеристики ее протагонистов: человек особенно чувствителен к проявлениям несправедливости в юности («Всякая несправедливость острее всего ощущается в молодости» – В. Быков-О. Деркач; «Конечно, он не мог не почувствовать несправедливости, что в молодые годы особенно ранит» – К. Кожевникова).

Неблагодарность

Если благодарность – «самая похвальная из всех добродетелей» (Дж. Бокаччо) и «прекраснейший из цветков души» (Г. Бичер), то её антипод, неблагодарность, соответственно – «худший из пороков» (Т. Фуллер) и «роскошь хама» (Ф. Искандер).

«Номинативная плотность» лексических показателей благодарности не особо велика, но она, безусловно, имеет место: в синонимический ряд благодарности в русском языке входят имена «благодарность» и «признательность», а также выражения «спасибо», «благодарю (покорно)», «благодарствуйте (благодарствую)», «очень (премного) благодарен», «признателен», «мерси» (Воркачев, 2018: 9). В то же самое время неблагодарность никаких других средств выражения кроме производных от основы «неблагодарн-» не имеет и, тем самым, у «неблагодарности» отсутствуют внеконтекстные синонимы.

Если в индоевропейских языках оппозитивное семантическое единство

«благодарность-неблагодарность» образуется лексическим отрицанием одной и той же основы (лат. *gratia-ingratia*; греч. *εὐχαριστία-ἀνευχαριστία*; фр. *gratitude-ingratitude*, нем. *Dankbarkeit-Undankbarkeit*, укр. *вдячність-невдячність* и пр.), то в турецком языке, например, члены этого единства образуются супплетивно, от разных основ: *şükran-nankörlük*, и, нужно сказать, это имеет под собой определенные основания, так как в семантике неблагодарности столько же, если не больше, характеристик, не связанных с общими с благодарностью антонимическими, отрицаемыми признаками (Воркачев, 2020: 198–199). Действительно, в то время как чувство благодарности вызывается осознанием благодеяния и связанного с ним морального обязательства, в семантике неблагодарности присутствует забвение благодеяния либо усмотрение корыстной мотивировки в действиях мнимого благотворителя. Чувство признательности здесь замещается безразличием либо враждебностью. Неблагодарность отмечена противоположной благодарности направленностью: если благодарность идет от облагодетельствованного к благотворителю, то неблагодарность – это уже реакция благодетеля на отсутствие ожидаемой благодарности. Если функционально благодарность – регулятор межличностных отношений и в определенной мере гарант социального мира, то её антипод – конфликтогенное моральное качество⁷, разрушающее добрые отношения между людьми.

Наблюдения над речевым употреблением имени «неблагодарность» в НКРЯ⁸ позволяют выделить и другие свойства этого антиконцепта.

Так, неблагодарность, как и её антипод (Воркачев, 2020: 161), – это семиотическая категория, план выражения которой представлен чаще всего какой-либо эмоциональной реакцией или враждебным действием. В качестве крайне отрицательного морального свойства получателя благодеяния неблагодарность вызывает отрицательную реакцию, как у благотворителя, так и у постороннего наблюдателя. Она вызывает, прежде всего, возмущение, негодование, обиду и досаду: «Согласитесь, что нельзя не *возмутиться* подобной *неблагодарностью*» (П. Чайковский); «Днем страх прошел. Осталась только *обида* на *кошачью неблагодарность*» (А. Яшин). Из речевых актов, вызываемых неблагодарностью, чаще всего встречаются обвинение, упрек и укор, жалоба: «Домовой продолжал его укорять, *обвиняя* в *черной неблагодарности*» (И. Бояшов); «Вы *упрекаете* русский народ в *неблагодарности* и тем самым лишаете его величия» (Н. Рерих); «Гинтерштейн принялся *жаловаться* на *неблагодарность* Федора Михайловича, не желающего уплатить долг, который он так долго на нем терпел» (А. Достоевская). Нередко реакция на неблагодарность проявляется в стыде, ужасе, удивлении, оскорблении, страдании: «Нет, – сказал я, *стыдясь своей неблагодарности*, – я его жду» (Ф. Искандер); «Вот почему, если они снова сойдут на арену, они *ужаснутся* людской *неблагодарности* и пусть останутся при этой мысли, пусть думают, что это одна неблагодарность» (А. Герцен); «Все это припомнил теперь Спирька и мог только *удивляться* *черной неблагодарности* переселенцев» (Д. Мамин-Сибиряк).

Атрибутивное расширение имени «неблагодарность» (*чудовищная, гнусная, мерзкая, бесстыдная, низкая, подлая, адская, хамская, возмутительная* и пр.) в первую очередь указывает на эмфатизацию реакции на отсутствие должного ответа на благодеяние. В то же самое время почти в половине случаев подобного расширения

⁷ Козлов Н. И. Благодарность. URL: <http://www.psychologos.ru/articles/view/blagodarnost> (дата обращения: 07.01.2021).

⁸ Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 21.04.2021).

«неблагодарности» присутствует прилагательное – скорее, эпитет – «черная»: «Зачем же ты, солнышко мое, платишь мне за это *черной неблагодарностью?*» (Е. Шварц); «Думаю, авось опомнится; не хочется, знаете ли, верить злу, *черной неблагодарности* в человеке» (И. Тургенев). Определение «черная» помимо эмфатизации означает не просто отсутствие ответной реакции на благодеяние, а проявление враждебности по отношению к благотворителю (Воркачев, 2018: 11): «Русские ответили мне *черной неблагодарностью*, заключивши союз с Англией и Францией против меня» (В. Шульгин); «Хозяинов отплатил ему *черной неблагодарностью*. В январе 1953 года, когда на партийном собрании ИФП обсуждалось “дело” врачей, Хозяинов бил себя в грудь и рассказывал, как Ландау плохо им руководил» (И. Халатников).

Неблагодарность – повсеместное и достаточно заурядное свойство человеческой натуры («*Людам свойственна неблагодарность*. Им свойственно забывать первопроходцев» – А. Проханов), русский паремический фонд наполнен пословицами, отражающим скептицизм относительно человеческой благодарности: «Ни одно доброе дело не остается безнаказанным»; «Припомню я тебе доброхотство твое»; «Не делай добра – не получишь зла»; «За добро не жди добра»; «Если не хочешь от людей зло получить, не делай им добро» и пр.

Заключение

Особый исследовательский интерес в области множественных смысловых комплексов вызывают семантические бинумы – концептуальные пары, в состав которых входят преимущественно смыслы, образующие оппозицию по тому или иному признаку. Исследование вторых членов оппозитивных пар, получивших название «антиконцептов», началось где-то на десяток лет позже изучения первых членов этих пар – концептов. В ходе исследования концептуальных бинумов были установлены базовые свойства входящих в них противосмыслов. Относительно сути

противопоставления членов бинума и, соответственно, относительно понимания и определения концепта и антиконцепта сложились две основных точки зрения. Согласно одной, предельно широкой, антиконцепт противостоит концепту внутри оппозитивной парадигмы по любому, неважно какому, признаку, согласно другой, более узкой точке зрения, в основе противопоставленности концепта и антиконцепта лежит аксиологический признак, когда антиконцепт исключительно отражает какую-то антиценность.

В ходе рассмотрения оппозитивных концептуальных бинумов среднего уровня (медицинских и спортивных терминов) были установлены основные специфические свойства антиконцептов на фоне их противочленов – концептов, такие, как: 1) вторичность, производность от концепта; 2) более сложная семантическая структура и её большая наполненность; 3) большая номинативная плотность (вербализованность, объективированность), обязательность номинации; 4) несводимость к антонимии, которая служит лишь средством его выражения, однако отношения между членами оппозитивных пар, образованных концептами наиболее высокого уровня абстракции, в которых концентрируются ценности культуры, таких, как несчастье, несправедливость и неблагодарность, требуют своего рассмотрения.

Наиболее значимым отличием несчастья от своего положительного противосмысла выступает его бóльшая конкретность, которая на языковом уровне проявляется в способности лексемы «несчастье» принимать форму множественного числа, невозможную для счастья. Бóльшая конкретность несчастья на фоне своего положительного противочлена позволяет усомниться в универсальности тезиса о производности антиконцепта от концепта, поскольку здесь он входит в прямое противоречие с базовым гносеологическим постулатом о первичности в познании именно

конкретного. Несчастье нерасторжимо связано со своим положительным противосмыслом: оно выступает контрастным фоном для счастья и его условием, в то же самое время конкретные несчастья – неблагоприятные события могут не оказывать на удовлетворение жизнью в целом никакого влияния. В семантическом составе счастья, помимо рефлексии по поводу успешности собственной жизни, присутствует момент эмоциональный – переживание степени соответствия своей жизни её желанному идеалу, и переживание это поддается градуации, а «фелицитарная логика» может стать трехзначной, включив в число операторов, помимо счастья и несчастья, еще и «средний член», получающий обычно имя «благополучие».

Если справедливость – образец абстрактной категории, то её «антипод» – несправедливость вполне конкретна, её легко можно увидеть, это некоторое положение вещей. Психологически, и в онтогенезе, и в филогенезе несправедливость опережает по времени формирования свой положительный семантический противочлен, т. е. здесь антиконцепт «производит» концепт. Если для абстрактного имени «справедливость» множественное число – это, скорее, экзотика, отклонение от нормы и неологизм, то в пользу конкретного характера имени «несправедливость» свидетельствует легкость, с которой оно принимает форму множественного числа. Специфические категориальные признаки справедливости в семантике её противочлена получают зеркальное отражение, но с противоположным аксиологическим знаком: мерность воздаяния представлена отсутствием меры, универсальность социальность – конфликтогенностью, криминогенностью и деструктивностью для общественных связей. Несправедливость отличается крайней эмоциогенностью, она вызывает разнообразные эмоциональные, вербальные и поведенческие реакции.

«Номинативная плотность» лексических показателей благодарности не особо велика, но она, безусловно, имеет место. В то же самое время неблагодарность никаких других средств выражения кроме производных от основы «неблагодарн-» не имеет. В семантике неблагодарности столько же, если не больше, характеристик, не связанных с общими с благодарностью антонимическими, отрицаемыми признаками. Неблагодарность – это семиотическая категория, план выражения которой представлен чаще всего какой-либо эмоциональной реакцией или враждебным действием. В качестве крайне отрицательного морального свойства получателя благодеяния неблагодарность вызывает отрицательную реакцию, как у благодетеля, так и у стороннего наблюдателя.

Таким образом, в психологическом плане формирование оппозитивных пар концептов высшего уровня начинается с отрицательного противочлена, когда вектор направлен от несчастья к счастью, от несправедливости к справедливости и от неблагодарности к благодарности. В то же самое время номинативная плотность средств выражения антиконцепта необязательно превышает номинативную плотность концепта, примером чего служит неблагодарность.

Список литературы

- Аргайл М. Психология счастья. М.: Прогресс, 1990. 336 с.
- Аристотель. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Мн.: Литература, 1998. 1392 с.
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: ВГУ, 1996. 104 с.
- Боева-Омелечко Н. Б. Средства вербализации сопряженных концептов «великое/ничтожное» в произведении Дж. Г. Байрона «Дон Жуан» // Научная мысль Кавказа. 2013. № 3. С. 123–126.
- Боева-Омелечко Н. Б. Концепт и антиконцепт как диалектическое единство //

Когнитивные исследования языка. 2014. № 18. С. 39–42.

Буженинов А. Э. Атиконцепт и концепт как структуры различных категорий в терминологии (на материале гомеопатической терминологии) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 167–171. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-167-171.

Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.

Воркачев С. Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66. № 2. С. 13–22.

Воркачев С. Г. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре. Волгоград: Парадигма, 2009. 190 с.

Воркачев С. Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 5. С. 64–74.

Воркачев С. Г. Базовая семантика и лингвоконцептология: на стыке парадигм гуманитарного знания. Saarbrücken: LambertAcademicPublishing, 2011a. 540 с.

Воркачев С. Г. К эволюции языкового менталитета: «русское счастье» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия Филология. 2012. № 2 (18). С. 69–75.

Воркачев С. Г. Благодарность в лексикографическом представлении // Русистика без границы: Муждународно научно списание. София. 2018. № 1. С. 8–14.

Воркачев С. Г. Какою мерою мерите: идея воздаяния в лингвокультуре. М.: Флинта, 2020. 372 с.

Гуреева Е. И. Понятие «концепт» и «антиконцепт» (на материале спортивной терминологии) // Вестник ЧелГУ. 2007. № 8. С. 16–20.

Дубко Е. Л., Титов В. А. Идеал, справедливость, счастье. М.: МГУ, 1989. 191 с.

Зайцев С. А. К вопросу о понятии справедливости // Вестник Омского университета. 1999. № 4. С. 148–151.

Карасик В. И. Концептуализация благополучия // Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. С. 150–160.

Кучуради И. Справедливость – социальная и глобальная // Вопросы философии. 2003. № 9. С. 17–29.

Ларина М. Б. Корреляция концепта и антиконцепта в лингвокультуре (на материале концептов *magic* и *glamour*): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2011. 19 с.

Листрова-Правда Ю. Т. Концепты МАТЬ и ОТЕЦ в русских пословицах и поговорках // Язык и национальное сознание. Воронеж, 1999. № 2. С. 23–24.

Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1985.

Лунцова О. М. Градиент-концепт дружба – мир – вражда в русской и английской лингвокультурах (на материале лексики и фразеологии): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 21 с.

Малахова С. А. Личностно-эмоциональные концепты «гордость» и «стыд» в русской и английской лингвокультурах. Армавир: АГПА, 2011. 208 с.

Малинович Ю. М. Функционально-семантические категории бинарной оппозиции (лингвофилософский очерк) // Текстовая реализация функционально-семантических категорий и полей. Ростов н/Д., 2011. С. 50–69.

Мальцева Л. В. Эмотивно-событийный концепт «горе, беда, несчастье» в русской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009. 24 с.

Несветайлова И. В. Эмоциональные концепты «зависть» и «ревность» в русской и английской лингвокультурах. Армавир: АГПА, 2012. 176 с.

Новиков Л. А. Антонимия в русском языке: семантический анализ противоположности в лексике. М.: МГУ, 1973. 289 с.

Новодранова В. Ф. Концепты и антиконцепты в медицине // Научно-техническая терминология: Науч.-техн. реф. сб. № 2. М.: ВНИИКИ, 2001. С. 71.

Новодранова В. Ф. Концепты и антиконцепты и их репрезентация языковыми средствами // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. М.; Калуга: Эйдос, 2007. С. 148–155.

Передриенко Т. Ю. Концепты бог и дьявол в русской и английской лингвокультурах (на материале паремий и афоризмов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 23 с.

Платон. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1971. 606 с.

Пономарева Е. Ю. Концептуальная оппозиция «жизнь – смерть» в поэтическом дискурсе (на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008. 24 с.

Попов Б. Н. Взаимосвязь категорий счастья и смысла жизни. М.: Наука, 1986. 91 с.

Рикёр П. Справедливое. М.: Гнозис-Логос, 2005. 304 с.

Русина Е. В. Бинарные концепты *glory* и *disgrace* в американской лингвокультуре: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 19 с.

Сабадашова М. Г. Лексико-фразеологические способы выражения семантического единства «память/забвение» в русском и английском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 18 с.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

Степанов Ю. С. «Понятие», «Концепт», «Антиконцепт». Векторные явления в семантике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. М.-Калуга: ИП Кошелев, 2007. С. 19–26.

Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М.: Прогресс, 1981. 365 с.

Храмова Ю. А. Концептуальная диада «лицемерие-искренность» (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 21 с.

Шевченко И. С. Дискурсообразующие концепты викторианства: скромность vs ханжество // Когниция, коммуникация, дискурс: Междунар. электронный сб. науч. трудов. Харьков: ХНУ им. В. Н. Каразина, 2010. № 2. С. 73–84. URL: <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse> (дата обращения: 21.04.2021).

References

Argyle, M. (1990). *Psikhologija schast'ja* [Psychology of happiness], Progress, Moscow, Russia. (In Russian)

Aristotle (1998). *Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii* [Politics. Rhetoric. Poetics. Categories], Literatura, Minsk, Belorussia. (In Russian)

Arutyunova, N. D. (1999). *Jazyk i mir che-loveka* [Language and the world of man], Jazyki russkoj kul'tury, Moscow, Russia. (In Russian)

Babushkin, A. P. (1996). *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoj semantike jazyka* [Types of concepts in the lexico-phraseological semantics of language], Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, Voronezh, Russia. (In Russian)

Boeva-Omelechko, N. B. (2013). Means of verbalization of conjugated concepts “great/insignificant” in the work of G. G. Byron Don Juan, *Nauchnaj mysl' Kavkaza*, 3, 123–126. (In Russian)

Boeva-Omelechko, N. B. (2014). Concept and anti-concept as a dialectical unity, *Kognitivnye issledovanija jazyka*, 18, 39–42. (In Russian)

Buzheninov, A. Je. (2017). Anti-concept and concept as structures of various categories in terminology (based on homeopathic terminology), *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, 167–171. (In Russian)

Vorkachev, S. G. (2004). *Schast'e kak lingvokul'turnyj kontsept* [Happiness as a linguocultural concept], Gnozis, Moscow, Russia. (In Russian)

Vorkachev, S. G. (2007). Linguistic and cultural conceptology: formation and prospects, *Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka*, 66 (2), 13–22. (In Russian)

Vorkachev, S. G. (2009). *Pravdy ishchi: ideja spravedlivosti v russkoj lingvokul'ture* [Look for the truth: the idea of justice in Russian linguistic culture], Paradigma, Volgograd, Russia. (In Russian)

Vorkachev, S. G. (2011). Russian linguistic and cultural conceptology: current state, problems, vector of development, *Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka*, 70 (5), 64–74. (In Russian)

Vorkachev, S. G. (2011a). *Bazovaja semantika i lingvokonceptologija: na styke paradigm gumanitarnogo znanija* [Basic semantics and linguoconceptology: at the intersection of humanitarian knowledge paradigms], Lambert Academic Publishing, Saarbrücken, Germany. (In Russian)

Vorkachev, S. G. (2012). Toward the evolution of linguistic mentality: “Russian happiness”, *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Serija Filologija*, 2 (18), 69–75. (In Russian)

Vorkachev, S. G. (2018). Blagodarnost' v leksikograficheskom pred-stavlenii, *Rusistika bez granitsi*, 1, 8–14. (In Russian)

- Vorkachev, S. G. (2020). *Kakomu meroju merite: ideja vozdajaniya v lin-gvokul'ture* [With the measure you use: the idea of retribution in linguistic culture], Flinta, Moscow, Russia. (In Russian)
- Gureeva, E. I. (2007). The concept of concept and anti-concept (based on sports terminology), *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 8, 16–20. (In Russian)
- Dubko, E. L. and Titov, V. A. (1989). *Ideal, spravedlivost', schast'e* [Ideal, justice, happiness], Moskovskij gosudarstvennyj universitet, Moscow, Russia. (In Russian)
- Zajcev, S. A. (1999). To the question of the concept of justice, *Vestnik Omskogo universiteta*, 4, 148–151. (In Russian)
- Karasik, V. I. (2013). Conceptualization of well-being, *Jazykovaja matritsa kul'tury* [Language matrix of culture], Gnozis, Moscow, Russia, 150–160. (In Russian)
- Kuchuradi, I. (2003). Justice – social and global, *Voprosy filosofii*, 9, 17–29. (In Russian)
- Larina, M. B. (2011). Correlation of concept and anti-concept in linguistic culture (based on the concepts of *magic* and *glamor*), Abstract of Ph. D. dissertation, Philology, Kemerovskij gosudarstvennyj universitet, Kemerovo, Russia. (In Russian)
- Listrova-Pravda, Ju. T. (1999) Concepts MOTHER and FATHER in Russian proverbs and sayings, *Jazyk i natsional'noe soznanie*, 2, 23–24. (In Russian)
- Locke, J. (1985). *Sochinenija: v 3 t.* [Works: in 3 volumes], Transl. by Savin, A. N., Mysl', Moscow, Russia. (In Russian)
- Luncova, O. M. (2008). Gradient-concept *friendship – peace – enmity* in Russian and English linguocultures (based on vocabulary and phraseology), Abstract of Ph. D. dissertation, Philology, Volgogradskij gosudarstvennyj universitet, Volgograd, Russia. (In Russian)
- Malakhova, S. A. (2011). *Lichnostno-emotsional'nye kontsepty «gordost'» i «styd» v russkoj i anglijskoj lingvokul'turah* [Personal-emotional concepts “pride” and “shame” in Russian and English linguistic cultures], Armavirskaja gosudarstvennaja pedagogičeskaja akademija, Armavir, Russia. (In Russian)
- Malinovich, Ju. M. (2011). Functional-semantic categories of binary opposition (linguophilosophical essay), *Tekstovaja realizacija funkcional'no-semantičeskijh kategorij i polej* [Text implementation of functional-semantic categories and fields], Rostov-on-Don, Russia, 50–69. (In Russian)
- Mal'tseva, L. V. (2009). Emotive-event concept *grief, misfortune* in the Russian language picture of the world, Abstract of Ph. D. dissertation, Philology, Novosibirskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet, Novosibirsk, Russia. (In Russian)
- Nesvetajlova, I. V. (2012). *Emotsional'nye kontsepty “zavist'” i “revnost'” v russkoj i anglijskoj lingvokul'turah* [Emotional concepts “envy” and “jealousy” in Russian and English linguistic cultures], Armavirskaja gosudarstvennaja pedagogičeskaja akademija, Armavir, Russia. (In Russian)
- Novikov, L. A. (1973). *Antonimija v russkom jazyke: semantičeskij analiz protivopozhnosti v leksike* [Antonymy in Russian: semantic analysis of opposites in vocabulary], Moskovskij gosudarstvennyj universitet, Moscow, Russia. (In Russian)
- Novodranova, V. F. (2001). Concepts and anti-concepts in medicine, *Nauchno-tehničeskaja terminologija* [Scientific and technical terminology], National Research Institute for Classification and Coding of Technical Information, Moscow, Russia, 2, 71. (In Russian)
- Novodranova, V. F. (2007). Concepts and anti-concepts and their representation by language means, *Kontseptual'nyj analiz jazyka: sovremennye napravlenija issledovanija* [Conceptual analysis of language: modern research directions], Ejdos, Moscow-Kaluga, Russia, 148–155. (In Russian)
- Peredrienko, T. Ju. (2006). Concepts *god* and *devil* in Russian and English linguistic cultures (based on proverbs and aphorisms), Abstract of Ph. D. dissertation, Philology, Ural'skij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet, Cheljabinsk, Russia. (In Russian)
- Plato (1971). *Sochinenija: v 3 t.* [Works: in 3 volumes], Mysl', Moscow, Russia. (In Russian)
- Ponomareva, E. Ju. (2008). Conceptual opposition “life – death” in poetic discourse (based on the poetry of D. Thomas and V. Bryusov), Abstract of Ph. D. dissertation, Philology, Tjumen'skij gosudarstvennyj universitet, Tjumen', Russia. (In Russian)
- Popov, B. N. (1986). *Vzaimosvjaz' kategorij schast'ja i smysla zhizni* [The relationship between the categories of happiness and the meaning of life], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)

Ricaeur, P. (2005). *Spravedlivoje* [Le juste], Transl. by Skuratov, B., Gnozis-Logos, Moscow, Russia. (*In Russian*)

Rusina, E. V. (2008). Binary concepts of “glory” and “disgrace” in American linguistic culture, Abstract of Ph. D. dissertation, Philology, Volgogradskij gosudarstvennyj universitet, Volgograd, Russia. (*In Russian*)

Sabadashova, M. G. (2011). Lexico-phraseological ways of expressing the semantic unity “memory/oblivion” in Russian and English, Abstract of Ph. D. dissertation, Philology, Volgogradskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, Volgograd, Russia. (*In Russian*)

Stepanov, Ju. S. (1997). *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija* [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience], Jazyki russkoj kul'tury, Moscow, Russia. (*In Russian*)

Stepanov, Ju. S. (2007). “Poniatie”, “Kontsept”, “Antikontsept”. Vektornye iavleniia v semantike [‘Notion’, ‘Concept’, ‘Anti-concept’. Vector phenomena in semantics], *Kontseptual'nyi analiz iazyka: sovremennye napravleniia issledovanii* [Conceptual analysis of language: Modern trends of research], IP Koshelev A. B. Publ., Eidos Publ., Moscow, Kaluga, Russia, 19–26. (*In Russian*)

Tatarkevich, V. (1981). *O schast'e i sovershenstve cheloveka* [O szczęściu. O

doskonałości], Transl. by Konovalova, L. V., Progress, Moscow, Russia. (*In Russian*)

Hramova, Ju. A. (2010). Conceptual dyad “hypocrisy-sincerity” (on the material of Russian and English languages), Abstract of Ph. D. dissertation, Philology, Volgogradskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, Volgograd, Russia. (*In Russian*)

Shevchenko, I. S. (2010). Discourse-forming concepts of Victorianism: modesty vs hypocrisy, *Kognitsija, komunikatsija, diskurs* [Cognition, communication, discourse], V. N. Karazin Har'kovskij natsional'nyj universitet, Har'kov, Ukraine, 2, 73–84, available at: <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse> (Accessed 21 April 2021).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Сергей Григорьевич Воркачев, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет, доктор филологических наук, профессор.

Sergey G. Vorkachev. Professor, Foreign Languages Department, Kuban State Technological University; Doctor of Philology (advanced studies), Professor.

DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-3

Vladimir B. Medvedev

Extracts from the comparative description of linguistic images
in the phraseological systems of Hebrew and Yiddish

Kazan Federal University
18 Kremlevskaya St., Kazan, 420008, Russia
E-mail: medvedev-mail@bk.ru
ORCID iD: 0000-0001-7587-5221

Received 12 May 2022; accepted 13 June 2022; published 30 June 2022

Abstract. This work is devoted to the study of the formation of the Hebrew phraseological system from the perspective of the supposed influence of the phraseological system of Yiddish on it. The choice of this Germanic language among the many Jewish languages as an object of research is explained by the fact that for the overwhelming majority of immigrants to their historical homeland, even Yiddish was the spoken language. On the basis of examples collected from Russian, Israeli, German and Polish sources, the article substantiates the theoretical prerequisites for the possible interaction of phraseological systems of both languages and notes cases of its absence. The study was carried out selectively in several thematic groups, a comparative analysis of which made it possible to establish significant interlingual inconsistencies, caused, in particular, by a change in the phraseological image of Hebrew. It was found that the process of independent development of the Hebrew phraseological system without a significant influence on it of the Yiddish system of stable expressions is naturally conditioned by the change of realities, which contributed to the formation of a new nationally mediated phraseological image. The own forces of the Hebrew language were able to give impetus to the formation of a phraseological system that was not subject to significant external linguistic influences. The article proposes further development of the Hebrew phraseological system, including through closer interaction with the Yiddish language.

Keywords: Phraseological unit; Proverb; Phraseological image; Interaction of languages; Reality

How to cite: Medvedev, V. B. (2022). Extracts from the comparative description of linguistic images in the phraseological systems of Hebrew and Yiddish, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 8 (2), 41-51. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-3

DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-3

Медведев В. Б.

Извлечения из сравнительного описания фразеологических
систем иврита и идиша

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, Казань, 420008, Россия
E-mail: medvedev-mail@bk.ru
ORCID iD: 0000-0001-7587-5221

Статья поступила 12 мая 2022 г.; принята 13 июня 2022 г.;
опубликована 30 июня 2022 г.

Аннотация. Данная работа посвящена изучению формирования фразеологической системы языка иврит с точки зрения предполагаемого влияния на нее фразеологической системы идиш. Выбор среди множества еврейских языков в качестве объекта исследования именно этого германского языка объясняется тем, что для подавляющего большинства переселенцев на историческую родину разговорным языком являлся идиш. На основе примеров, собранных из русских, израильских, немецких и польских источников, в статье обосновываются теоретические предпосылки возможного взаимодействия фразеологических систем обоих языков и отмечаются случаи его отсутствия. Исследование проводилось выборочно в нескольких тематических группах, сравнительный анализ которых позволил установить существенные межъязыковые несоответствия, вызванные, в частности, изменением фразеологического образа иврита. Установлено, что процесс самостоятельного развития фразеологической системы иврита без существенного влияния на нее системы устойчивых выражений идиша закономерно обусловлен изменением реалий, способствовавших формированию нового национально-опосредованного фразеологического образа. Собственные силы языка иврит смогли дать толчок к формированию фразеологической системы, не подверженной значительным внешним языковым воздействиям. В статье предлагается дальнейшее развитие фразеологической системы иврита, в том числе за счет более тесного взаимодействия с языком идиш.

Ключевые слова: Фразеологизм; Пословица; Фразеологический образ; Взаимодействие языков; Реалия

Информация для цитирования: Медведев В. Б. Извлечения из сравнительного описания фразеологических систем иврита и идиша // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8. № 2. С. 41-51. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-3

Introduction

The desire of Hebrew creators to innovate in the field of lexicology is well known. It is aimed at creating a lexicon while preserving linguistic identity (Zuckermann, 2003). This task was facilitated by a two-thousand-year gap in the history of the development of spoken Hebrew, which was not given, like other languages, to enrich itself with borrowings from ancient Greek and Latin (Druskinas, 2002: 89).

However, set expressions that have absorbed the folk wisdom of more than one generation of native speakers from the countries of origin should in this case represent an exception to the rules and enter the phraseological system of the updated biblical language. This does not mean biblicalisms present in many modern languages, and are not quoted from the Talmud or Tanakh, which were destined to become an invariable attribute

of Hebrew, but precisely those juicy and apt expressions that are the spirit of the people and the adornment of their native, or rather, ethnic language. For the overwhelming majority of immigrants to their historical homeland this was Yiddish, not excluding, although not so significantly expressed, participation in this creative process of speakers of other Jewish languages.

In connection with this circumstance, the question arises regarding the possible interaction of the phraseological systems of the Yiddish language and the Hebrew that is being revived by the efforts of enthusiasts, as well as the degree of participation of Yiddish phraseological units (PU) in the formation of the phraseological corpus of Hebrew. This assumption is based on the well-known statement of W. von Humboldt regarding the impossibility of an individual to leave the limits of his native language when changing

the language of communication (Humboldt, 1859: 56), as well as studies of domestic linguists E. Akhunzyanov (Akhunzyanov, 1978), E. Solodukho (Solodukho, 1982, 2008) V. Mokienko (Mokienko, 1989) and others and foreign scientists U. Weinreich (Weinreich, 1979), S. Thomason (Thomason, 2001), G. Zuckermann (Zuckermann, 2003) and others, devoted to the analysis of language contacts. However, there are no works that consider the problem of the possible influence of the Yiddish language on the formation of the phraseological system of Hebrew.

The purpose of this research is to examine the ways in which the Hebrew phraseological system was formed in the light of the possible influence of the Yiddish language on this process, which could ultimately reveal the continuity of the cultures assigned to the linguistic signs. In the studied works, the description of the phraseological units of Yiddish and Hebrew was carried out, as a rule, separately from each other (Derbaremdiker, 1999, Druskinas, 2002, Niran, 2011, Landsberger, 1912, Trakhtman, 1996) or in parallel (Guri, 2012), but without an appropriate comparative analysis of phraseological systems and special attention to phraseological image¹, enclosed in phraseological elements, as an integral part of the national-linguistic picture of the world. *The novelty* of this research lies in the study of the interaction of individual segments of the phraseological systems of Hebrew and Yiddish in order to establish possible parallels and / or points of contact between the two systems.

The objectives of this study included the analysis of phraseological units from sources published in countries with a compact residence of the Jewish population speaking Yiddish: Israel (Guri, 2012), Russia (in the certain period of the USSR and post-Soviet countries) (Debaremdiker, 1999), Poland

(Adalberg, 2014), Germany (Landsberger, 1912), followed by thematic systematization of the material;

- selective thematic setting of groups of Hebrew and Yiddish fixed expressions;
- comparative study of selected thematic groups of phraseological units of both languages in order to identify the alleged influence of the Yiddish language or its absence on the formation of the phraseological system of Hebrew.

The study covered five groups of phraseological units:

- Confessional affiliation and interfaith relations;
- Peculiarities of national character;
- Self-irony as a way of survival;
- Nation-fighter/Nation-patient;
- Working days;
- Flora and fauna.

1.1 Confessional affiliation and interfaith relations

The analysis of the collected material showed that the acquisition of statehood by the Jewish people made many proverbs unclaimed due to the change in the way of life. The search for representatives of one's own nation or attempts to keep one's origins private, as we see in the following Yiddish proverbs, have lost their significance in the nation-state. Cf.:

Yiddish	Translation into English ²
Brekht zikh aoyf a broyt un a id shpringt aroys. (es zeyen idn iber der velt.) ³	Break the bread and a Jew will jump out of there (there are Jews all over the world).
aoyb ir aoykh aynviklen in a hazir hoyt, mi derkent syivie az ir zent a id.	Even if you put on the skin of a pig, you will still be recognized as a Jew.

² Hereinafter, translation into English is carried out by the author of the article.

³ The examples are given in the unchanged language format in which they were gleaned from the corresponding source (German, Transliterated Yiddish, Polish, Hebrew).

¹ The phraseological image is understood in this work as "A holistic, direct representation, revealing in a visual form the relation to the depicted reality" (Zherebilo, 2011). More about the phraseological image (Filonenko, 2004).

The emotiveness of these phraseological units is enhanced by the choice of attributes that are especially significant for the representatives of the biblical people: daily bread, as the most frequently consumed product, and pigs, which are considered in Judaism unclean animals.

In the reconstituted Jewish state, the issue of a Jew's change of faith was unclaimed:

Yiddish	Translation into English
zol der tayvl nemen a getoiften id, a eydeler poyer un a getsamten volf.	Let the devil take a baptized Jew, a peasant in the nobility and a tamed wolf.

We should pay attention to the frequent use of proverbs in Yiddish as a formation of the negative phraseological image of the forest dweller, the wolf, which has been safely replaced in Hebrew parables by animals characteristic of the new habitat.

In Yiddish proverbs, a whole section is dedicated to the desire of representatives of Judaism to live among fellow believers, as demonstrated in the following phraseological unit. The component that enhances emphatic perception is the grotesque image of a person bound hand and foot. Cf.:

German version	Translation into English
Bind' mir Hände und Füße, aber wirf mich unter die Meinen.	Bind my hands and feet, but cast me among mine.

Continuing the previous phraseological unit, set expressions are cited indicating that a Jew, even living in a non-Jewish environment, for example, due to business necessity, must die among his fellow tribesmen. Cf.:

Yiddish	Translation into English
mi zol lebn tsvishn idn, handl tsvishn kristn.	One must live among the Jews, but engage in trade with Christians.
mi zol lebn tsvishn kristn, shtarbn tsvishn idn.	One should live among Christians and die among Jews.

For obvious reasons, this section disappeared from the collection of Hebrew proverbs after the people gained statehood. An exception is the phraseological unit, in which the modern interethnic confrontation between the Jewish population and the hostile environment is viewed through the prism of the misadventures of the Jews in ancient Persia, which almost ended tragically for the Jewish people. The vivid phraseological image is based on real historical characters, emphasizing the centuries-old confrontation between representatives of both great religions. Cf.:

Hebrew	Translation into English
לא מאהבת מרדכי אלא משנאת המן	Not out of love for Mordechai, but out of hatred for Haman. (In a broad sense, "Not out of love for the Jews, but out of hatred for their enemies").

Yiddish proverbs reflect the traditional national traits of native speakers of this language: efficiency, intelligence.

German version	Translation into English
Was man immer vom Juden sagen mag, ein Narr ist er nicht.	No matter what they say about Jews, the mind cannot be taken away from them.
Der Jude hat von allem zu wenig, nur Verstand hat er genug.	A Jew is lacking in everything, except for the mind.
Ein Jud' und ein Wolf gehen nie müßig herum.	A Jew and a wolf do not stagger idly.

1.2 Self-irony as a way of survival

As we know, the peculiarity of Jewish humor lies in the ability to laugh at oneself, which greatly facilitated the difficulties of life in the Diaspora and could not fail to be

reflected in the PU. For example, the following Yiddish proverbs are not devoid of sarcasm and self-criticism. Cf.:

Yiddish	Translation into English
גאָט זאָל דיר באַשיצן פֿון קריסטלעכע הענט און פֿון ייִדישע קעפּ – got zol dir bashitsn fun kristlekhe hent un fun eydishe kep	May G-d save you from Christian hands and Jewish heads.
אויב איר ווילט אָפּנאַרן אַ איד, מוזט איר אויפּשטיין פּרי – aoyb ir vilt opnarn a id, muzt ir aoyfshteyn fri	If you want to deceive a Jew, you have to get up early.
עס איז נאָר גוט צו גיין אין איד – שולע מיט אַ איד – es iz nor gut tsu geyn in shule mit a id	It's only good to walk with a Jew to a prayer house.

Cf. also:

German version	Translation into English
Einem Juden soll man nie so viel geben, wie er verlangt. Er würde sich ärgern, daß er nicht mehr verlangt hat.	A Jew cannot be given at once as much as he asks, so that he does not show dissatisfaction, that he has asked little.

These phraseological units demonstrate a clear difference from the Hebrew phraseological units, which are alien to a person's view of himself from the outside, suggesting an involuntary comparison of himself with the people among whom Yiddish speakers once had to live in the diaspora.

It is not without humor that the proverb speaks of the unwillingness or inability of some co-religionists to work with their hands. The phraseological image is distinguished in this case by the completeness of the use of confessional marked realities. Cf.:

German version	Translation into English
Ein Jude versteht sich auf jedes Handwerk. Ostern bäckt er Mazeß (Osterbrot). Zu Pfingsten ist er ein Gärtner (er schmückt das Bethaus und sein Heim mit grünem Laub). Tischubow ist er ein Soldat (die Kinder fertigen sich aus Dachschindeln Gewehre und Säbel an, um gegen die Feinde Israels Krieg zu führen), und Roszhazkunu bläst er Schofar.	The Jew knows all crafts. On Easter he bakes matzoth, on Sukkot he works as a gardener, decorating the synagogue and his house with green branches, on the Tisha B'Av holiday he is a soldier (his children make rifles and sabers from tiles to fight the enemies of Israel), and on New Year he blows the shofar (horn).

Attention is drawn to the absence in the Hebrew phraseological units of indications of the national-religious affiliation of the native speakers with certain individual qualities, as is observed in a number of Yiddish set expressions. Cf.:

Hebrew	Translation into English
אין חכם כבעל ניסיון	Wise is the one who is experienced.
אל תהיה צודק – תהיה חכם; בכביש אל תהיה צודק – תהיה חכם	Don't be right, be wise!

1.3 People-fighter/people-sufferer

Yiddish proverbs of an anti-war and conciliatory nature turned out to be unacceptable for a new life, and, consequently, for a new language. Cf.:

German version	Translation into English
Wer die Gefahr liebt, der geht darin unter.	He who loves danger will perish from it.
Wenn du den Pulverrauch nicht vertragen kannst, so ziehe nicht in den Krieg.	If you can't stand the smell of gunpowder, don't go to war.

And the next proverb “N Patsch steck’ dir in de Tasch’ und hol’n raus, wenn er sich passt.”- “Put the slap in your pocket and take it out by opportunity” is accompanied by a commentary about the presence in this expression of the "morality of the oppressed". In this row proverbs of fatal content should be mentioned:

German version	Translation into English
Kämpfst du gegen das Schicksal an, so unterliegst du ihm. Fügst du dich aber, so bleibst du deines Schicksals Herr.	Resisting fate, you bow down to it; submitting to fate, you remain its master.
Hat der Jude recht, dann bekommt er erst recht Schläge.	If the Jew is right, he gets beaten.

On the contrary, there is a Yiddish proverb imbued with optimism, which speaks of the hope of the Jewish people for the future struggle: Es wird kommen e Jüdche⁴ un wird sich auskriegen mei Kriegche.“- “A Jew will come (in this case, a collective phraseological image) and continue my struggle”. It should be noted that the need to observe one's honor and dignity is noted in both Hebrew and Yiddish proverbs. The only difference is that Hebrew speaks of a willingness to die in defense of one's honor, while Yiddish sees a more benign option – an alternative between obvious shame and heartache. Cf.:

Hebrew	German version
אלף מיתות ולא בושה אחת – Better to die a thousand times than to live through shame once.	Besser der Schmerz im Herzen als die Schande im Gesicht. – Better pain in the heart than shame on the face.

⁴ Jüdche, also Jüd) are used in the Cologne dialect rather in a positive sense to denote a representative of Judaism.

According to the authors of “Essential Papers on Jews and the Left”, Jüdche means “little Jew” (EPJ 1997: 389).

It is logical to consider the Yiddish proverb, in which the phraseological image contains a clear indication of firmness of character. Cf.:

Der Mensch ist stärker als Eisen. – A man is stronger than iron.

The idea of obedience and non-resistance to violence sounds most clearly in the well-known postulate of Judaism during the destruction of the Kingdom of Judah, rejected by the founders of the State of Israel. The phraseological image is made up of the names of the forefathers, being a collective designation of the Jewish tribe. Cf.:

Hebrew	Translation into English
אין הוא בן אברהם יצחק ויעקב מי שנוטר כלי זין ביד	He is not the son of Abraham, Isaac and Jacob who takes up arms. In other words, the one who takes up arms is not a Jew.

In Hebrew, on the other hand, we meet a proverb indicating the need to resist violence. Cf.:

Hebrew	Translation into English
ככול שדוחקים אותו הוא מתפרץ	The more he is pressed, the more he resists.

The call for open confrontation sounds even more frankly in the next PU, significant, among other things, also with a local flavor, reflecting the realities of a new life. Cf.:

Hebrew	Translation into English
טוב שבנהשים רצוץ את מוחו	Smash the head of even the nicest snake!

Here it is appropriate to quote a proverb reflecting the historical fact of the fall of the fortress city of Gamla, thousands of whose

inhabitants died trying to repel the onslaught of the Romans, as well as the events that preceded the exodus of the Jews from Egypt. Cf.:

Hebrew	Translation into English
גמלא לא תיפול שנית	Gamla will not fall twice.
עברנו את פרעה, נעבור גם את זה	We have survived the Pharaoh, we will survive that (misfortune) too.

In these phraseological units, the phraseological image is based on historical realities that mark the milestones in the formation of the Israeli nation.

This topic also includes a proverb, the content of which testifies to the participation of the people of Israel in hostilities. The English equivalent indicates rather the inappropriate behavior of the character.

Hebrew	Translation into English
כבש קריה קבושה	Force an open door. Literal translation (Lit.): Capture a captured city.

And in conclusion of the military theme, two more phraseological units from Hebrew, in which the phraseological image contains a clear enumeration of the realities of a new life in an independent state of the people standing guard over their borders ("guns, recruit, veteran, trigger"). Cf.:

Иврит	Translation into English
כשהתותחים רועמים, המוזות שותקות	When the cannons roar, the muses are silent.
אל יתהלל חוגר כמפתח	A rookie shouldn't be boasting like a veteran.
אצבע קלה על ההדק	Make a rash decision (Lit.): The finger falls easily on the trigger (shoot unnecessarily).

1.4 Working days

Many set expressions in Hebrew reflect elements of a new way of life, until now alien to the people who lived in urban ghettos or the Pale of Settlement: maritime business, winemaking, attributes of peasant labor. Cf.:

Hebrew	Translation into English
מרוב מלחים טבעה הספינה	Too many cooks spoil the broth=Many commanders sink the ship. Lit.: Due to the multitude of sailors, the ship sank.
חומץ בן יין	Blessing in disguise. Lit.: Vinegar is obtained from wine.
הסוסים כבר ברחו מהאורווה	Losers weepers, finders keepers. Lit.: The horses have already escaped from the stable.
יותר משעגל רוצה לינוק הפרה רוצה להניק	The cow wants to feed more than the calf to drink.
אם אין צאן אין רועה	There is no shepherd without sheep
בזמן שהרועה תועה. הצאן תועות אחריו	A lost shepherd's flock wanders with him.
באין הרועה ובאין הזאב נפקע השנה	Quarrels ruin the business. Lit.: The shepherd and the wolf did not share the lamb.
צאן אין רועה למה	In the absence of a herd, a shepherd is not needed.
לטובתי נשברה רגל פרתי	Blessing in disguise. Lit.: Luckily for me, my cow broke her leg.
אליה וקוץ בה	A fly in the ointment. Lit.: A sheep's tail is fat, but a thorn is on it.
קצור שחת בעוד השמש זורחת	Mow the grass before dark!

In the phraseological unit of Hebrew it is noted a conscientious attitude towards the work of people who set about improving the land of their ancestors. Cf.:

Hebrew	Translation into English
אינו טומן ידו בצלחת	Doesn't sit on one's hands. Lit.: Doesn't sit, hiding his hands in a plate.

The following proverbs call on not to postpone what you have begun and to bring it to completion. Cf.:

Hebrew	Translation into English
רואה בעבים לא יקצור	Don't put off until tomorrow what you can do today.
המתחיל במצווה, אומרים לו גמור	If you pledge, don't hedge. Lit.: A good deed is brought to an end.
כל ההתחלות קשות	The beginnings are always hard. Lit.: All beginnings are difficult.
יגעת ומצאת תאמין	A seeker will always find. Lit.: Made an effort and found it!

In both Yiddish and Hebrew phraseological units, conditions are noted that allow a Jew to violate the strict rules of rest on Shabbat, in particular, in case of extreme need or when a person's life is threatened. Cf.:

Hebrew	German version
שה שבתך חול ואל תצטרך – Better to break the commandment and work on Saturdays than to depend on people.	Eher mache deinen Sabbath zu einem Werktag, als daß du von den Menschen etwas verlangst. – Make Saturday a working day, but don't ask people for anything.
	Wer am Sabbath nicht hungern will, darf am Wochentag nicht müßig gehen.- If you don't want to starve on Shabbat, don't quit your job.
פיקוח נפש דוחה שבת – Danger to life cancels Shabbat.	

There is also a set expression in Hebrew, which speaks of a useless occupation. Cf.:

שלה לחמו על פני המים – To carry water in a sieve. Lit.: Raft bread on water.

Phraseological units are also found in Yiddish that support persistent and conscientious work and condemn laziness. Cf.:

German version	Translation into English
Gesegnet sind die Hände, die alles allein tun.	Blessed are the hands that can do everything by themselves.
Müßige Hände verderben die Wände.	Idle hands ruin the walls.

Finally, the one who does nothing is not mistaken. This is precisely what states the following proverb. Cf.:

German version	Translation into English
Nimm dir nicht's vor, schlägst du nicht fehl.	Don't start anything, you won't miss.

However, in a person who makes mistakes, is also noted the opposite effect – the ability to notice shortcomings. Cf.:

German version	Translation into English
Wer Fehler schreibt, kann auch Fehler lesen.	Whoever writes with errors can read them.

To an even greater extent, the right to error is allowed in the Hebrew phraseological units. An emotive amplifier in this statement is a phraseological image, which consists in a reference to the biblical authority, which received the stone tablets with the covenants from the hands of the Almighty. Cf.:

Hebrew	Translation into English
אפילו מושה רבנו טעה	Even Moses, our teacher, was once wrong.

However, if in some cases indulgence is shown to mistakes, then in general ignorance is at best ridiculed, as evidenced by the following phraseological units. Cf.:

Hebrew	Translation into English
הוא כותב נח בשבע שגיאות	He writes "Noah" with seven errors.
אינו יודע באין ימינו לשמאלו	He cannot distinguish the left hand from the right.

The expectation of precipitation, rare for the Israeli climate, gave rise to a proverb that is radically different in content from the Yiddish PU, which is equivalent to the proverb of many other languages. Cf.:

Hebrew	Yiddish
נשיאים ורוח וגשם אין Much ado about nothing. Lit. : There are clouds and wind, but no rain.	פיל תומולת וועגן גאַרנישט- fil tumult vun gornisht. Much ado about nothing.

1.5 Flora and fauna

Former residents of urban ghettos, deprived of green spaces, in their historical homeland had the opportunity to find a home with a lawn (a kind of personification in a phraseological image of a symbol of a new life), as evidenced by the phraseological unit of Hebrew. Cf.:

Hebrew	Translation into English
הדשא של השכן ירוק יותר	It is always better there where we are not. Lit.: The neighbor's lawn is greener.

However, in Hebrew we also note phraseological units, not without sarcasm, depicting the cases of banal incompetence of a person. The expressiveness of the following statement develops due to the creation of a phraseological image of a dense ignoramus, bypassed by elementary knowledge of biblical foundations. Cf.:

Hebrew	Translation into English
כרחוק מזרח ממערב	As far apart as the West is from the East.
מה הם רבים זרמו מאז בירדן	Much water has flowed since then in the Jordan.

Many phraseological units arose under the influence of the unknown animal and plant world that opened up to the settlers. Cf.:

Hebrew	Translation into English
שם כספו על כרן הצבי	Throw money down the drain. Lit.: Hang your money on the gazelle horns.
הוי זנב לאריות ואל תהיה ראש לשועלים	It is better to be the tail of a lion than the head of a fox.
הקש ששבר את גב הגמל	A drop that overflowed the bowl. Lit.: A straw that broke the back of a camel.

In some cases, an equivalent phraseological unit, possibly borrowed from German, is found in Yiddish using European realities, whereas in Hebrew the PU refers to a representative of the animal world of Asia.

Hebrew	German version
אין הקומץ משביע את הארי You can't feed a lion from the hand.	Ein Adler fängt keine Fliegen. – An eagle does not catch flies.

Cf. also:

Polish version	Translation into English
Owies nie jest kupowany dla gęsi.	Oats are not bought for geese.

Conclusions

The study showed that *within the analyzed thematic groups of set expressions*, the phraseological system of Yiddish, unfortunately, was not destined to pass the cultural and linguistic baton to Hebrew, thus enriching it with a centuries-old collection of a storehouse of wisdom, inescapable sadness, sparkling humor of the people who created masterpieces of folk art and world literature in this language. With the revival of Hebrew, the Yiddish phraseological system slowed down its forward movement, and Hebrew, as the study shows, continued its independent movement towards the formation of a unique system of phraseological units with its own phraseological images incompatible with the Yiddish phraseological units symbolism. This process is natural for many reasons:

- a substantial layer of set expressions accumulated by Yiddish speakers in the diaspora turned out to be unacceptable in the life of the people building their own independent state;
- some of the Yiddish phraseological units have outlived their days with a change in the social order;
- the transition to a new phraseological system was inevitable due to the change in realities that contributed to the formation of a new phraseological image.
- the own powers of the Hebrew language were able to give impetus to the formation of an independent phraseological system, independent of external linguistic influence.

Nevertheless, as some examples testify, it can be assumed that in the future the development of the phraseological system of Hebrew will occur, among other things, due to closer interaction with the system of the Yiddish language as this language becomes more popular.

References

- Adalberg, S. (2014). *Przysłowia żydowskie* [Jewish proverbs], Wydawnictwo Armoryka, Sandomierz, Polska. (In Polish)
- Akhunzyanov, E. M. (1978). *Dvuyazychie i lexiko-semanticheskaya interferenciya* [Bilingualism and lexico-semantic interference], Kazan University, Kazan, Russia. (In Russian)
- Debaremdiker, M. (1999) *O chem govoryat poslovitsy na yidish?* [What do the Yiddish proverbs say?], The Center of Jewish Education in Ukraine, available at: <https://sem40.co.il> (In Russian)
- Druskinas, Z. (2000). *Phraseologiya i ideograficheskaya klassifikatsiya iwritskikh phraseologizmov* [Phraseology and ideographic classification of Hebrew phraseological units], *Yazyk Iwrit: issledovanie i prepodavanie: materialy 9 ezhegodnoi mezhdunarodnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsyi po iudayke* [The Hebrew Language: Research and Teaching: Proc. of the 9th Annual International Interdisciplinary Conference on Jewish Studies], Moscow, Russia, 89–100. (In Russian)
- EPJ – *Essential Papers on Jews and the left* (1997), in Mendelssohn, E. (ed.), NY University Press, NY and London, USA – GB. (In English)
- Filonenko, T. (2004). *Phraseologicheskiy obraz v yazykovykh modeliyakh prostranstva, vremeni i kolichestva: Na materiale phraseologiyi sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseological Image in Language Models of Space, Time and Quantity: Based on the Phraseology of the Modern Russian Language], Abstract of Ph.D. dissertation, Magnitogorsk State University, Magnitogorsk, Russia. (In Russian)
- Guri, Y. (2012). *Sokrovishnitsa idiom yazyka yidish* [Treasury of Yiddish idioms], Jerusalem University, אוצר הניבים של היידיש. גורי יוסף, Israel. (In Russian)
- Humboldt, W. (1859). *O razlichiyi organizmov chelovecheskogo yazyka i o vliyaniy etogo razlichiya na umstvennoe razlichyie chelovecheskogo roda* [On the difference in the organisms of human language and on the influence of this difference on the mental difference of the human race], Saint Petersburg, Russia. (In Russian)
- Landsberger, A. (1912) *Jüdische Sprichwörter* [Jewish proverbs], Ernst Rowohlt Verlag. Spammersche Buchdruckerei, Leipzig, Germany, available at:

<http://www.lexikus.de/bibliothek/Juedische-Sprichwoerter> (In German)

Mokienko, V. M. (1989). *Slavianskaya phraseologiya* [Slavic phraseology], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)

Niran, M. *Poslovitsy i pogovorki na iwrite* [Proverbs and sayings in Hebrew], פתגמים בעברית, עם תרגום לרוסית, available at: axaz.org (In Russian)

Solodukho, E. (2008). *Teoriya phraseologicheskogo sbližheniya: na material yazykov slavianskoi, germanskoi i romanskoi grupp* [The theory of phraseological rapprochement: on the material of the languages of the Slavic, Germanic and Romance groups], URSS, Moscow, Russia. (In Russian)

Solodukho, E. M. (1982). *Problemy internatsionalizatsyi phraseology: na materiale yazykov slavianskoi, germanskoi i romanskoi grupp* [Problems of internationalization of phraseology: based on the languages of the Slavic, Germanic and Romance groups], Kazan University Publishing House, Kazan, Russia. (In Russian)

Thomason, S. (2001). *Language Contact – An Introduction*, Georgetown University Press, Georgetown, USA. (In English)

Trakhtman, E. (1996). *Poslovitsy i pogovorki na iwrite* [Proverbs and sayings in Hebrew], Jerusalem, Israel. (In Russian)

Weinreich, U. (1979). *Languages in Contact*, De Gruyter Mouton, Hague, Netherlands. (In English)

Zherebilo, T. (2011). *Terminy i ponyatiya lingvistiki: Lexika. Lexikologiya. Phraseologiya. Lexikografiya Slovar-spravochnik* [Terms and concepts of linguistics: Vocabulary. Lexicology. Phraseology. Lexicography: Dictionary – reference book], Pilgrim, Nazran, Russia. (In Russian)

Zuckermann, G. (2003). *Language Contact and Lexical Enrichment in Israeli Hebrew*, Palgrave Macmillan, New York, USA. (In English)

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Владимир Борисович Медведев, доктор филол. наук, доцент, ведущий специалист, НИЛ «Текстовая аналитика», Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский федеральный университет.

Vladimir B. Medvedev, Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Specialist, Text Analytics Laboratory, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University.

УДК 81.2:338.2; 373.5.016:811.161.1'367

DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-4

Хилханова Э. В.

Экономика языка и многоязычие:
опыт исследования в Татарстане

Институт языкознания Российской академии наук, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям
Б. Кисловский пер., 1/1, Москва, 125009, Россия
E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru
ORCID iD: 0000-0001-9369-343X

Статья поступила 21 апреля 2022 г.; принята 10 июня 2022 г.;
опубликована 30 июня 2022 г.

Информация об источниках финансирования или грантах: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

Аннотация. Статья носит междисциплинарный характер и написана на стыке этнографии языковой политики и экономики языка – науки, недооцененной как (социо)лингвистами, так и экономистами. Целью статьи является выявление того, влияет ли владение миноритарным языком на доход людей на примере одного из регионов Российской Федерации – Республики Татарстан. Информация собиралась в октябре 2021 года методом социолингвистического опроса, интервьюирования и этнографического наблюдения. Эмпирический анализ выявил отсутствие положительной корреляции между доходом большинства респондентов и знанием татарского языка. В то же время для трети опрошенных такая связь есть, и она имеет как положительный, так и отрицательный характер. В первом случае знание татарского языка приносит как непосредственные, так и опосредованные дивиденды, от установления деловых и личных контактов с тюркоязычным миром до возможностей трудоустройства и подработок в сферах, где необходимо владение татарским языком. Отрицательная взаимосвязь между знанием татарского языка и доходом в первую очередь обусловлена государственной языковой политикой и законодательством страны, направленными на продвижение русского языка. В целом по результатам исследования делается вывод о сохраняющейся низкой экономической ценности миноритарных языков и о различных типах аргументов в пользу выбора языка. Выбор миноритарного языка мотивируется аргументами культурного, этноидентификационного плана, выбор доминирующего языка – аргументами экономического, прагматичного плана (soft arguments vs. hard arguments). Важность денежной составляющей в принимаемых людьми языковых решениях позволяет сделать скорее пессимистичный прогноз относительно будущего миноритарных языков.

Ключевые слова: Экономика Языка; Многоязычие; Миноритарные Языки; Доход; Языковое Законодательство; Республика Татарстан

Информация для цитирования: Хилханова Э. В. Экономика языка и многоязычие: опыт исследования в Татарстане // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8. № 2. С. 52-65. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-4

UDC 81.2:338.2; 373.5.016:811.161.1'367

DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-4

Erzhen V. Khilkhanova | Language economy and multilingualism: the case of Tatarstan

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Research Center on Ethnic and Language Relations

1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia

E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

ORCID iD: 0000-0001-9369-343X

Received 21 April 2022; accepted 10 June 2022; published 30 June 2022

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and DFG, project number № 21-512-12002 НННО_а “Prognostic methods and future scenarios in language policy – multilingual Russia as an example”.

Abstract. This interdisciplinary article is written at the intersection of ethnography of language policy and language economy – a science, underestimated both by (socio)linguists and economists. It aims to identify whether the competence in a minority language affects people's income taking the example of one of the regions of the Russian Federation – the Republic of Tatarstan. The data were collected in October 2021 through a sociolinguistic survey, interviewing, and ethnographic observation. The empirical analysis revealed the absence of a positive correlation between the income of the majority of respondents and their knowledge of the Tatar language. At the same time, for a third of the respondents such knowledge brings both direct and indirect benefits, from establishing business and personal contacts with the Turkic-speaking world to employment opportunities and part-time jobs in the areas where knowledge of Tatar is necessary. The negative relationship between the Tatar language proficiency and income is primarily due to the state language policy and legislation of the country aimed at promoting the Russian language. Overall, the study concludes that the economic value of minority languages remains low and that there are different types of arguments for language choice. The choice of a minority language is motivated by the importance of language for culture and ethnic identity, while the choice of a dominant language is motivated by economic and pragmatic arguments (soft arguments vs. hard arguments). The importance of the monetary component in people's language decisions allows making a rather pessimistic forecast about the future of minority languages.

Keywords: Language Economy; Multilingualism; Minority Languages; Income; Language Legislation; Republic of Tatarstan

How to cite: Khilkhanova, E. V. (2022). Language economy and multilingualism: the case of Tatarstan, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 8 (2), 52-65. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-4

Введение: к постановке проблемы

Когда ученые говорят о необходимости сохранения и поддержки миноритарных языков, приводимые ими аргументы – почему это необходимо – апеллируют к общегуманитарным и культурным ценностям, т.е. важности языков для идентичности их носителей и в целом для сохранения культурно-языкового разнообразия на планете. Эти аргументы можно назвать «мягкими» (soft arguments). При этом, несмотря на меняющееся отношение людей к языковому разнообразию и миноритарным языкам, во всем мире, включая Россию, эти языки продолжают выходить из сферы коммуникации с угрожающей быстротой, межпоколенческая трансмиссия для многих языков прервана.

О причинах этих процессов написано много, и список факторов, влияющих на это, длинен. Однако общее неблагополучие и неблагоприятные перспективы миноритарных языков¹, часто упоминаемые лингвистами, явно свидетельствуют о том, что «мягким» аргументам противостоят «жесткие» – аргументы и мотивы экономического характера. Эти мотивы диктуются, в свою очередь, целым рядом факторов – от личностных установок и амбиций до глобальных причин в виде колониального наследия и сохранения языкового неравенства, тесно связанного с общим неравенством людей и стран (см. об этом также: May, 2001). Языковое неравенство, разная ценность языков на лингвистическом рынке (не только символическая, но и реальная, экономическая) – это то, что заставляет людей осознанно или неосознанно принимать решения в пользу доминирующих языков. Знание миноритарных языков таких дивидендов не дает на лингвистическом рынке (language market) в массовом масштабе².

¹ Мы не говорим сейчас о таких более успешных примерах, как баскский или каталонский языки, которых явное меньшинство в мировом масштабе.

² Под массовым масштабом имеется в виду то, что для лингвиста знание редкого языка может иметь

Исходя из вышесказанного, в этой статье мы хотели бы остановиться на одном из факторов, которому редко уделяется внимание лингвистами – *экономическом факторе*. Как справедливо отмечают ученые, экономика и социолингвистика развиваются изолированно (Gazzola, Wickström, 2016). Между тем, многие предметные области социолингвистики имеют явное экономическое измерение. Сильнее всего связана с экономикой языковая политика любого уровня – государственная, корпоративная, семейная, о чем будет сказано далее. Наука, изучающая связь лингвистики с экономикой, обозначается как *экономика языка* – *language economy* (Gazzola et al., 2015) или *language economics* (Breton, 1998). Экономика языка затрагивает широкий спектр экономических аспектов управления языковым разнообразием и функционирования языков в стране.

Теоретический анализ и обзор исследований связи многоязычия с экономикой будет представлен в разделе 2. Материалам, методам и обоснованию выбора региона в качестве административно-территориального объекта исследования посвящен раздел 3. При изучении экономической ценности (или ее отсутствия) владения миноритарным языком анализ экономической, денежной составляющей необходимо рассмотреть и с точки зрения юридических рамок, регулирующих многоязычие в РФ (раздел 4). Непосредственно вопрос о том, влияет или не влияет владение миноритарными языками в России на экономическое благополучие граждан (на их доход), будет рассмотрен в разделе 3 на примере Республики Татарстан (РТ). Отметим, что обширная тема влияния знания *иностранных языков* на экономическое благополучие людей намеренно останется за пределами нашего внимания,

определенные дивиденды в профессиональной деятельности, при трудоустройстве и т.д., однако для большинства людей это знание не монетизируется.

т.к. объектом нашего исследования являются не иностранные языки, а языки коренных народов РФ (на примере татарского языка).

Экономика языка и многоязычие: краткая история вопроса и основные направления исследований

Об экономической ценности многоязычия существует много исследований, в подавляющем большинстве за пределами российского ареала. *Экономика языка* как область исследований, изучающая отношения между экономическими и языковыми переменными, возникла в 1960-х годах и была разработана в основном в 1990-х годах. Большой вклад в разработку этой проблематики внесла Канада, в которой нынешнее официальное англо-французское двуязычие имеет долгую историю. Выработка языковой политики, которая удовлетворяла бы интересам и англофонов, и франкофонов, основывалась на большом количестве научных исследований по билингвизму, языковым конфликтам и другим социолингвистическим темам (Кожемякина, 2010), что создало идеальную интеллектуальную среду, благоприятствующую появлению и экономического анализа языковых проблем. Именно в Канаде постепенно появилась литература по языковой политике и взаимосвязи между языком и доходом. В частности, А. Бретон одним из первых применил экономический анализ к языковым явлениям (Breton, 1998; Zhang and Grenier, 2012).

В целом, экономика языка является обширной областью, имеющей ряд своих собственных направлений, которые ученые пытаются по-разному классифицировать. По *тематическому принципу* можно выделить исследования по таким темам, как язык и доход, языковая дискриминация в экономическом ракурсе - language disenfranchisement (Gazzola and Wickström, 2016; Zhang and Grenier, 2012), экономика и иностранные языки, владение языками мигрантами и доход и т.д. С одной

стороны, все эти направления связаны друг с другом и не имеют жестких границ. С другой стороны, хотя вопросы экономической ценности иностранных и миноритарных языков зачастую изучаются вместе, на наш взгляд, их необходимо различать. Владение иностранным языком в глобализованном мире является очевидным конкурентным преимуществом, значение которого будет только расти. Также необходимо выделить в отдельную категорию значимость (в том числе и экономическую) знания официального (государственного, доминирующего) языка страны иммигрантами.

Много эмпирических исследований *взаимосвязи между языком и заработками* было проведено в Канаде и США (Grenier, 1987; Grenier and Vaillancourt, 1983). Связь между языком и заработками/доходом – наиболее очевидный и логичный способ оценки экономической ценности языка. Он состоит в том, измерить различия в заработной плате между людьми, которые имеют равный профессиональный уровень (например, такой же стаж работы и т. д.), но разные языковые навыки. Если знание некоего языка действительно важно на рынке труда, то можно ожидать, что при прочих равных профессиональных характеристиках полиглот будет “вознагражден” большим доходом, чем одноязычный сотрудник. Взаимосвязь между лингвистическими навыками и трудовым доходом (а точнее, различиями в доходах) является одним из классических предметов в экономике языка и представляет собой большую часть литературы по экономике языка.

Важную роль в развитии этой дисциплины сыграла *теория человеческого капитала*, которую некоторые ученые считают концептуальной основой для большинства эмпирических работ как в области экономики языка, так и в отдельных сферах языковой политики (Breton, 1998: 36). Теория предполагает, что изучение (второго, иностранного) языка – это инвестиция, ценность и

полезный навык, так что можно просчитать затраты на него и выгоды, получаемые от владения языком/языками (Breton, 1998; Zhang and Grenier, 2012). Утверждается даже, что языки изучаются только ради их потенциальной экономической выгоды, а не по личным или культурным причинам (Breton, 1998: 48). Постулат о том, что язык (знание языка) в качестве человеческого капитала играет решающую роль в уровне доходов, был многократно подтвержден эмпирическим путем (Breton, 1998; Wickström, 2014; Ambrosch-Baroua et al., 2017). Особенно ярко связь между языком и доходом видна, если речь идет об иммигрантах и их владении языком принимающей страны (Chiswick and Miller, 2003).

Важно заметить, что языковые навыки приносят пользу не только отдельным людям, которые ими владеют. Исследования показали, что на совокупном уровне языки могут способствовать доходу страны, который измеряется через индекс ВВП (валовой внутренний продукт). Языковые навыки (например, знание второго или иностранного языков) являются важным элементом производственных процессов, а также ресурсом, используемым в бизнес-процессах (закупках, производстве и продаже). Например, Британским национальным языковым центром (The National Centre for Languages - CiLT) в 2005 году было проведено исследование о влиянии на экономику Евросоюза недостатка знания иностранных языков в компаниях (сокращенно – ELAN). Это исследование является первой систематической попыткой «квантифицировать» экономическую потребность в языковых знаниях для европейских компаний. В рамках данного исследования было опрошено в совокупности 2000 европейских компаний на предмет потребностей в языках и языковой практике на предприятиях. Одним из результатов исследования было то, что ориентация компании на экспорт и

производительность, с одной стороны, и инвестиции в языковые стратегии, с другой стороны, тесно связаны. Примерно одна десятая часть опрошенных компаний заявила, что не получила или потеряла контракт из-за отсутствия языковых навыков и в результате зафиксировала экономические потери. Поэтому в 40% европейских компаний принято нанимать сотрудников, обладающих знаниями в других, особенно европейских, языках. Однако теперь все чаще в центре внимания оказываются неевропейские языки, такие как арабский или китайский, которые одна из участвовавших в опросе компаний даже называет «языками будущего» (ELAN, 2006: 39). Основываясь на выводах опроса, исследование ELAN рекомендует (Там же: 58-59) компаниям в Европе систематически подходить к использованию имеющихся – часто в силу миграционного происхождения – языковых навыков сотрудников. Также рекомендуется, кроме того, внедрять специфические для данной компании способы поощрения необходимых языковых навыков.

При этом, как отмечают Gazzola и Wickström, удивительно, что исследования о языке и доходах редко упоминаются учеными в области языковой политики и планирования (Gazzola and Wickström, 2016: 12). Также на фоне достаточно большого количества работ, посвященных экономическому эффекту от знания иностранных языков, гораздо меньше работ, посвященных изучению связи экономики и миноритарных языков (Sperlich and Uriarte, 2015; Uriarte and Sperlich, 2016; Hefin et al., 2020).

Материалы, методы и объект исследования

Основным экономическим понятием, используемым в качестве независимой переменной, с которым могут соотноситься различные показатели языкового разнообразия, является *экономическое процветание*. Процветание (благосостояние, благополучие) – сложное явление, включающее в себя множество

факторов. Однако к нему можно подойти, используя некоторые количественные показатели, такие как:

- Валовой внутренний продукт (ВВП, при необходимости скорректированный с учетом численности населения),
- ВВП на душу населения,
- Паритет покупательной способности (ППС),
- заработная плата (средняя и/или медианная).

Иногда применяются дополнительные показатели благосостояния, которые являются косвенными индикаторами того, что обычно называется качеством жизни, включая:

- среднюю продолжительность жизни,
- детскую смертность,
- уровень грамотности,
- заместительные средства измерения (чистота воздуха, количество квадратных метров жилья или даже индекс биг мака) (Pawlowski, 2020).

В нашем исследовании используется подход, обозначаемый в современной науке как *этнография языковой политики* (далее – ЭЯП). Основная идея ЭЯП состоит в том, чтобы включить этнографическую составляющую в изучение процессов и контекстов языковой политики. Основным принципом ЭЯП является изучение «агентов, контекстов и процессов на нескольких уровнях создания, интерпретации и присвоения языковой политики» (Johnson, 2013: 44). Таким образом, основным достоинством ЭЯП является то, что она может снять противоречия между взглядом на ЯП как исключительно на действия властей (макроуровень) и учетом активного творчества отдельных говорящих (микроуровень). ЭЯП обладает и практическим потенциалом, т. к. критическое описание и анализ конкретной языковой политики, по сути, нацелены на расширение возможностей практиков на местах, чтобы добиться значимых социальных изменений и, возможно,

улучшить ситуацию с языковым неравенством (Johnson, 2009; McCarty, 2015).

Для целей этнографически-ориентированного исследования связи доходов и знания миноритарного языка наиболее адекватным индикатором является *уровень заработной платы*. Другие экономические показатели, например, ВВП по стране или по регионам или ВВП на душу населения, не дают никаких сведений о том, связан ли этот ВВП с владением языками. Посмотрим, например, на сведения об уровне заработной платы по регионам России, подготовленные агентством РИА Рейтинг³. Очевидно, что на уровень заработной платы влияют совершенно иные факторы, чем языковая компетенция жителей этих регионов. Согласно данным этого исследования за период с августа 2019 года по август 2020 года, в тройку лидеров по наиболее высоким зарплатам входят Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа и Москва. Высокие зарплаты в этих регионах никак не связаны с языковым разнообразием и вообще с языками, а обусловлены спецификой экономического устройства страны. В частности, в случае с Чукотским и Ямало-Ненецким автономными округами они обусловлены спецификой экономики региона, основанной главным образом на добыче углеводородов. И хотя приличную планку заработной платы в арктических регионах стараются держать и для работников социально востребованных профессий (учителей, врачей и т.д.), высокие цены на продукты питания существенно нивелируют их⁴.

Поэтому для этнографически-ориентированного исследования, где важен

³ Рейтинг российских регионов по уровню зарплат — 2020. 2020. URL: <https://ria.ru/20201123/zarplata-1585826589.html> (дата обращения: 26.10.2021).

⁴ Почему на Ямале высокая зарплата. 2018. URL: <https://rg.ru/2018/12/03/reg-urfo/pochemu-na-iamale-vysokaia-zarplata.html> (дата обращения: 26.10.2021).

микроуровень языковой политики, т.е. мнения и действия «обычных людей», наиболее достоверным источником является не официальная статистика, а сведения, полученные от самих людей.

Анализ взаимосвязи заработной платы (дохода) и владения миноритарными языками в России будет производиться на примере одного региона Российской Федерации – Республики Татарстан. Татарстан был выбран в качестве пилотного региона в силу ряда причин. Во-первых, это относительно благополучное положение татарского языка на фоне других титульных языков РФ. Во-вторых, именно в Татарстане был в 1992 году принят закон о надбавках (см. об этом в разделе 4). В-третьих, в целом Татарстан является регионом-донором, и на поддержку татарского языка выделяется немало средств, чего многие другие, дотационные регионы РФ себе позволить не могут⁵. Соответственно, если в Татарстане не будет выявлено положительное влияние владения миноритарного языка на доход жителей региона, то можно предположить, что в других регионах, еще менее благополучных и с экономической, и с социолингвистической точек зрения, вряд ли можно этого ожидать.

Полевое исследование в Республике Татарстан было проведено в октябре 2021 года сотрудниками Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН С. В. Кириленко и автором данной статьи.

⁵ К примеру, на 11 заседании Дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике в Институте языкознания РАН А. В. Чемышевым озвучивалась цифра в 40 миллионов рублей, выделенных правительством Республики Татарстан НИИ прикладной семиотики при Академии наук РТ на разработку татарского-русского онлайн-переводчика TatSoft (Видеозапись 11-го заседания Дискуссионно-аналитического клуба по вопросам языковой политики. 2021. URL: https://iling-ran.ru/web/ru/news/211022_daclp (дата обращения: 04.11.2021)).

Оно включало, помимо этнографического наблюдения, два основных метода: социолингвистический онлайн-опрос и интервьюирование (экспертные интервью). Экспертные интервью проводились среди следующих экспертных групп: 1) представители исполнительной власти; 2) работники СМИ; 3) представители академической науки; 4) преподаватели вузов; 5) представители творческой интеллигенции. В целом было взято 21 интервью. Длительность интервью была от получаса и более.

Генеральную совокупность для социолингвистического онлайн-опроса составила та категория населения, речевое поведение которой формирует настоящую и будущую языковую ситуацию в данном регионе, т.е. молодежь. Другим важным критерием при определении генеральной совокупности была национальность: нас больше интересовали мнения и установки представителей татарской национальности, т.к. именно от них в первую очередь зависит будущее татарского языка. Поэтому оптимальной стала целевая выборка, составленная из студентов разных высших учебных заведений г. Казани, преимущественно татарской национальности. Количество опрошенных составило 192 человека. Анализу подверглось только знание татарского языка; знание других миноритарных языков, бытующих в Татарстане, в нашем исследовании учитываться не будет.

Экономика языка и российское законодательство в сфере управления многоязычием

С юридической точки зрения законодательство Российской Федерации не предполагает доплат или иных способов поощрения владения гражданами языков коренных народов РФ. Можно было бы предположить, что федеративное устройство предполагает регулирование этого вопроса законами и иными юридическими документами регионального уровня, однако это не так. Даже если в региональных законах это

прописано, на деле это не выполняется (см. об этом далее).

Из законов разных уровней – республиканских, краевых, областных, городов федерального значения (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь), автономной области (Еврейская автономная область) и автономных округов при наличии общих фраз о необходимости сохранения и поддержки местных языков финансовые, законодательно прописанные меры не упоминаются. Исключения из этого единичны. Таким исключением является, например, Закон Сахалинской области от 16 октября 2007 года N 91-ЗО «О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Сахалинской области». В его статье 5 «Поощрение за изучение, исследование, преподавание и пропаганду языков коренных народов» говорится:

1. Педагогическим работникам, преподающим родные языки коренных народов в образовательных учреждениях, устанавливается доплата за счет средств областного бюджета в размере 15 процентов тарифной ставки (оклада) Единой тарифной сетки по оплате труда работников бюджетной сферы. Финансирование указанных расходов осуществляется в порядке, установленном законом Сахалинской области об областном бюджете Сахалинской области на очередной финансовый год.

2. Правительство Сахалинской области устанавливает меры и порядок дополнительного стимулирования лиц, деятельность которых направлена на изучение, исследование и пропаганду языков коренных народов⁶.

Тем не менее, как говорилось на 5-м заседании Дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике в Институте языкознания РАН, где выступал ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Федеральный

⁶ Закон Сахалинской области от 16 октября 2007 года N 91-ЗО. URL: <https://docs.cntd.ru/document/819021191> (дата обращения: 10.10.2021).

центр образовательного законодательства», кандидат юридических наук Д. В. Бондаренко и упоминался этот закон, эксперты говорили, что в реальности он не исполняется⁷.

Другое исключение – Закон Республики Татарстан от 08.07.1992 N 1560-ХП «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан», который предусматривает дополнительную оплату за знание татарского. В документе указано, что «гражданам, в работе которых необходимо знание и практическое применение двух государственных языков Республики Татарстан, устанавливаются надбавки в размере до 15 процентов от должностного оклада. Условия и порядок установления указанных надбавок определяются Кабинетом Министров Республики Татарстан»⁸. На протяжении нескольких лет с 1996 года государственные служащие, которые знали и использовали татарский язык в своей работе, получали дополнительно 15% к своей зарплате. Затем, по словам очевидцев, доплату начали начислять и тем, кто не знал татарского, и в итоге программа была отменена⁹. По данным нашего полевого

⁷ Видеозапись 5-го заседания Дискуссионно-аналитического клуба по вопросам языковой политики. 2020. URL: https://iling-ran.ru/web/ru/news/210217_dacp_video (дата обращения: 11.10.2021).

⁸ Закон Республики Татарстан от 08.07.1992 N 1560-ХП «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» (Закон Республики Татарстан (в ред. Законов РТ от 28.07.2004 N 44-ЗРТ, от 03.12.2009 N 54-ЗРТ, от 3.03.2012 N 16-ЗРТ, от 12.06.2014 N 53-ЗРТ, с изм., внесенными Законом РТ от 27.04.2017 N 27-ЗРТ). URL: https://kitaphane.tatarstan.ru/legal_info/zrt/lang.htm (дата обращения: 27.11.2021).

⁹ В Татарстане хотят вернуть доплаты работникам, использующим татарский язык. 2020. URL: <https://www.trrussian.com/politika-rossiya/v-tatarstane-hotyat-vernut-doplaty-rabotnikam-ispolzuyushim-tatarskij-yazyk-3366843> (дата обращения: 30.10.2021).

исследования 2021 года, этой доплаты действительно сегодня не существует.

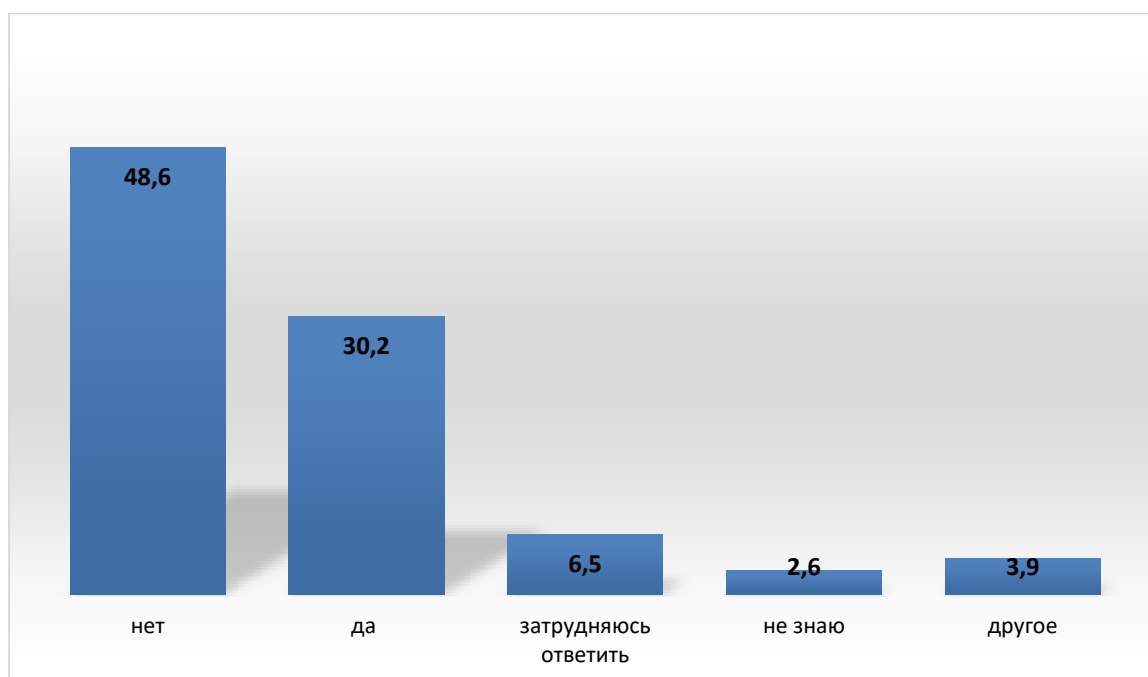
Таким образом, в подавляющем большинстве законодательства субъектов федерации разных уровней не предполагают какого-либо финансового поощрения владения языками народов РФ. Конечно, строго говоря, прописанного в законодательстве финансового поощрения за владение русским языком также нет, но очевидно, что, как и в Советском Союзе, вся система выстроена так, что не овладеть им невозможно, а хорошее владение является неотъемлемым условием не только для вертикальной и горизонтальной

мобильности, но и просто для существования любого члена российского общества.

Миноритарный язык и заработная плата (на материалах Республики Татарстан)

При социолингвистическом опросе из 192 респондентов 78 человек ответили на вопрос «По Вашим сведениям, влияет ли знание татарского языка на доход? Если да, как именно (пожалуйста, напишите)». За вычетом двух недействительных ответов мнения распределились следующим образом (см. рисунок).

Рисунок. Мнения респондентов о влиянии знания татарского языка на доход, %
Figure. Respondents' opinions on the impact of knowledge of the Tatar language on income, %

Как мы видим, большинство ответивших (48,6%, т.е. почти половина) ответили на этот вопрос отрицательно. Треть опрошенных, однако, считает, что знание татарского языка влияет на доход. Более интересными, однако, представляются комментарии по поводу того, как именно влияет или не влияет знание татарского языка на доход. Так, по мнению респондентов, знание татарского языка положительно влияет на доход, если

человек работает в научной сфере, в сфере культуры, в масс медиа. Как выразился один респондент, «если ты хорошо владеешь татарским языком, то ты легко можешь попасть на татарское телевидение, где будешь получать доход». Также знание татарского языка позволяет работать ведущим на мероприятиях (свадьбах,

корпоративах и т.д.)¹ и «петь на татарском за деньги», что хорошо оплачивается. Отмечалось, что знание татарского языка представляет собой «лояльность к представителям своей нации», увеличивает возможность трудоустройства, расширяет круг потребителей. В целом «владение двумя и более языками помогает найти общий язык с другими людьми», предоставляет «больше возможностей».

Помимо положительного, было зафиксировано, по мнению респондентов, и отрицательное влияние на доход – это в случае, если человек работает учителем татарского языка. Приведем цитату: «В школах, скорее всего, да, влияет, т.к. у учителей татарского языка мало часов, тем самым они получают меньше, чем остальные». Многие участники интервью говорили о том, что после принятия Федерального закона от 3 августа 2018 года № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона „Об образовании в Российской Федерации“» многие учителя татарского языка, особенно молодые, ввиду сокращения часов на преподавание татарского языка были вынуждены переквалифицироваться в учителей русского языка, истории и т.д. Сведения о сокращении часов, потере работы и переквалификации учителей татарского языка, полученные напрямую от информантов, подтверждаются сведениями, публикуемыми в СМИ.

О дискриминации, не столько по языковому, сколько по этническому (хотя эти, безусловно, взаимосвязанные параметры), свидетельствует ответ «татарам платят ниже». Этому субъективному мнению, в отличие от предыдущего (касательно более низких зарплаток учителей татарского языка), не нашлось подкрепления фактами или свидетельствами других участников полевого исследования.

¹ Тут уместно вспомнить, что именно от Татарстана в популярной игре КВН участвовала команда «Сборная банкетных ведущих», игравшая в Высшей лиге и других чемпионатах КВН.

Таким образом, мы видим, что мнения участвовавших в опросе жителей РТ о влиянии знания татарского языка на доход разделились. Хотя большинство считает, что знание татарского языка не влияет на доход жителей региона ни в положительную, ни в отрицательную сторону, все же значительная часть (одна треть участников) придерживается противоположного мнения. Характер этого влияния, судя по ответам респондентов, имеет регионально-специфическую окраску, которая сама по себе связана с экономическим благосостоянием региона: развитостью системы татароязычных СМИ, художественной литературы, наличием сети научных учреждений с функционированием татарского языка, обилием культурных мероприятий на татарском языке, обычаем широко праздновать корпоративы, свадьбы и другие торжества на татарском и татарско-русском языках. Все это предоставляет довольно широкие возможности для трудоустройства, заработка и подработок для людей, владеющих татарским языком. Помимо регионально-специфических, участниками назывались и более общие причины влияния владения татарским языком на доход, такие, как экономическая ценность многоязычия вообще, т.к. оно расширяет возможности взаимопонимания. Участники интервью более подробно останавливались на этом аспекте, говоря о том, что знание татарского языка открывает широкие возможности общения с тюркоязычным миром как внутри России, так и вне ее. Приводились примеры, как это знание можно успешно использовать при покупке товаров, установлении деловых и личных контактов в Турции и других тюркоязычных регионах.

Негативная связь дохода и языковой компетенции в татарском языке связана с языковой политикой федерального уровня, а именно с доминированием русского языка во всех сферах общественной жизни и особенно – с принятием закона о добровольности изучения родных языков в

школе. Вследствие этого многие родители принимают решение в пользу русского языка, желая уменьшить учебную нагрузку своих детей, увеличить их шансы хорошо сдать ЕГЭ и, соответственно, обеспечить их дальнейшую успешную карьеру. Закон имел крайне негативные последствия для учителей татарского языка и для татароязычного образования в целом.

Заключение

В настоящей статье в первом приближении была рассмотрена взаимосвязь экономических факторов и многоязычия, малоизученная в российском контексте. Теоретический анализ работ в этой области на примере разных стран показал, что знание иностранных и вторых языков является хорошей инвестицией для человека, при этом экономическая ценность языков зависит от региона, отрасли экономики и других параметров. Например, в Европе ценится знание других европейских языков, в глобальном масштабе растет коммодификационная ценность китайского и арабского языков.

В отличие от иностранных языков, миноритарные языки по-прежнему имеют низкую экономическую ценность в качестве формы человеческого капитала на иерархическом лингвистическом рынке. Существующие исследования связи экономики и многоязычия свидетельствуют о том, что многоязычие в первую очередь сопряжено с издержками. Согласно данным Совета Европы по состоянию на 28 апреля 2020 года, каждая из 25 стран, ратифицировавших Европейскую Хартию региональных или миноритарных языков, имеет от 1 до 20 региональных языков или языков меньшинств; самой многоязычной страной с 20 языками является Румыния². Ни одна из них не сопоставима по уровню многоязычия с Россией, где, по

² Государства-Стороны в Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств и их региональные языки или языки меньшинств – на русском языке. 2020. URL: [16809e5320 \(coe.int\)](https://www.coe.int/t/rus/ta/ta2020/ta2020_ru.pdf) (дата обращения: 16.05.2022).

предварительным подсчетам Института языкознания РАН (версия 2022 года), есть 159 языков³, из чего следует, что и уровень затрат на ратификацию и последующую имплементацию Хартии в России будет на порядок выше, чем в любой другой стране.

Эмпирический анализ взаимосвязи между миноритарным языком и заработной платой на примере Республики Татарстан выявил как общие для всей страны, так и регионально-специфические черты. Общим является доминирование русского языка во всех сферах общественной жизни и национально-языковая политика федерального центра. Эта политика проявляется в первую очередь в том, что законодательство Российской Федерации не предполагает доплат или иных способов поощрения владения гражданами языками коренных народов РФ. Следуя этому вектору, законы субъектов федерации разных уровней также не предполагают какого-либо финансового поощрения за владение данными языками. При этом есть по крайней мере один федеральный закон, который имел явный негативный экономический эффект – это Федеральный закон от 3 августа 2018 года № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона „Об образовании в Российской Федерации“». Добровольность выбора родных и государственных языков негативно сказалась на татароязычном образовании и количестве учителей татарского языка, что повлияло и на доходы работающих в этой сфере людей.

При этом наше исследование показало, что положительная взаимосвязь миноритарного языка и дохода также имеется. Знание татарского языка приносит как непосредственные, так и опосредованные дивиденды, от установления деловых и личных контактов с тюркоязычным миром до возможностей

³ Список языков России (v2022). 2022. URL: http://jazykirf.iling-ran.ru/list_2022.shtml (дата обращения: 10.02.2022).

трудоустройства и подработок в сферах, где необходимо владение татарским языком.

Подводя итог, скажем, что постепенный уход из коммуникативной сферы, низкий престиж и трудности сохранения миноритарных языков России связаны с тем, что аргументация культурного плана, перечисленная во Введении, входит в противоречие с экономической, прагматичной аргументацией (soft arguments vs. hard arguments). С одной стороны, языки важны для идентичности, как компонент культуры и т.д., но с другой стороны, как ответило большинство опрошенных в Татарстане, знание миноритарного языка (в данном случае татарского) не влияет на доход. Важность денежной составляющей в принимаемых людьми языковых решениях позволяет сделать скорее пессимистичный прогноз относительно будущего миноритарных языков.

Список литературы

- Кожемякина В. А. Многоязычная Канада: социолингвистический портрет // Вопросы филологии. 2010. № 2 (35). С. 23-31.
- Breton A. (ed.). *New Canadian Perspectives: Economic Approaches to Language and to Bilingualism*. Canadian Heritage, Ottawa – Ontario, Canada, 1998. 261 p.
- Chiswick B., Miller P. The Complementarity of Language and Other Human Capital: Immigrant Earnings in Canada // *Economics of Education Review*. 2003. 22 (5). Pp. 469-480.
- Gazzola M., Wickström B.-A. Introduction // *The economics of language policy* / Eds. M. Gazzola, B.-A. Wickström. Cambridge: MIT Press, 2016. Pp. 1–18.
- Grenier G. Earnings by Language Group in Quebec in 1980 and Emigration From Quebec Between 1976 and 1981 // *Canadian Journal of Economics*. 1987. 20. Pp. 774-791.
- Grenier G., Vaillancourt, F. An Economic Perspective on Learning a Second Language // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 1983. 4 (6). Pp. 471-483.
- Hefin T., Brett D., Glover A., Eluned G. The Welsh language and the economy: a review of evidence and methods. Cardiff: Welsh Government, GSR report number 10/2020. 2020. URL: <https://gov.wales/welsh-language-and-economy> (accessed: 02.11.2021).
- Johnson D. *Language policy*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. 291 p.
- Johnson D. *Ethnography of language policy* // *Language Policy*. 2009. Vol. 8. Iss. 2. Pp. 139–159.
- May S. *Language and Minority Rights. Ethnicity, Nationalism and the Politics of Language*. Harlow: Pearson Education, 2001. 384 p.
- McCarty T. *Ethnography in language planning and policy research* // *Research methods in language policy and planning: A practical guide* / Eds. F. Hult, D. Johnson. Oxford: Wiley Blackwell, 2015. Pp. 81–93.
- Pawlowski A. Does multilingualism pay off? Reflections on the economics of language // *Language and Economy: Language industries in a Multilingual Europe. Contributions to the EFNIL Conference 2019 in Tallinn* / Eds. T. Tender, L. M. Eichinger. Budapest: Research Institute for Linguistics, Hungarian Academy of Sciences, 2020. Pp. 111-120.
- Sperlich S., Uriarte J.-R. *Economics and (Minority) Language: Why is it so hard to save a threatened language?* 2015. URL: <https://www.parisschoolofeconomics.eu/IMG/pdf/economiclanguage240515.pdf> (accessed: 02.11.2021).
- Uriarte J. R., Sperlich S. *Economic Theory and Minority Language* // *The Economics of language policy*. 2016. URL: <https://archive-ouverte.unige.ch/unige:124680> (accessed: 02.11.2021) <http://dx.doi.org/10.7551/mitpress/9780262034708.003.0007>.
- Zhang W., Grenier G. How can language be linked to economics? A survey of two strands of research // *Language Problems and Language Planning*. 2012. Vol. 37. Iss. 3. Pp. 203-226.
- Ambrosch-Baroua T., Kropp A., Müller-Lancé J. (Hg.). *Mehrsprachigkeit und Ökonomie*. München: Open Publishing LMU, 2017. 223 p.
- ELAN: Auswirkungen mangelnder Fremdsprachenkenntnisse in den Unternehmen auf die europäische Wirtschaft. December 2006. URL: https://ec.europa.eu/assets/eac/languages/policy/strategic-framework/documents/elan_de.pdf (accessed: 01.11.2021).

Wickström B.-A. Nachhaltiges Überleben von Minderheitensprachen: eine Übersicht einiger Modelle // *Dogma und Evolution: Beiträge zum 60. Geburtstag von Dietmar Meyer*. Herausgegeben von Jörg Dötsch. Marburg: Metropolis-Verlag. 2014. Pp. 101–126.

Gazzola M. Il Valore Economico Delle Lingue (The Economic Value of Languages). 2015. URL: <https://ssrn.com/abstract=2691086> (accessed: 02.12.2021). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2691086>

References

Kozhemyakina, V. A. (2010). Mnogoyazychnaya Kanada: sotsiolingvisticheskiy portret [Multilingual Canada: a sociolinguistic portrait], *Voprosy filologii*, 2 (35), 23-31. (In Russian)

Breton, A. (ed.) (1998). *New Canadian Perspectives: Economic Approaches to Language and to Bilingualism*, Canadian Heritage, Ottawa – Ontario, Canada. (In English)

Chiswick, B. and Miller, P. (2003). The Complementarity of Language and Other Human Capital: Immigrant Earnings in Canada, *Economics of Education Review*, 22 (5), 469-480. (In English)

Gazzola, M. and Wickström, B.-A. (2016). Introduction, in Gazzola, M. and Wickström, B.-A. (eds.), *The economics of language policy*, MIT Press, Cambridge, UK, 1–18. (In English)

Grenier, G. and Vaillancourt, F. (1983). An Economic Perspective on Learning a Second Language, *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 4 (6), 471-483. (In English)

Grenier, G. (1987). Earnings by Language Group in Quebec in 1980 and Emigration From Quebec Between 1976 and 1981, *Canadian Journal of Economics*, 20, 774-791. (In English)

Hefin, T., Brett, D., Glover, A. and Eluned, G. (2020). *The Welsh language and the economy: a review of evidence and methods*, Cardiff: Welsh Government, GSR report number 10/2020, available at: <https://gov.wales/welsh-language-and-economy> (Accessed 2 November 2021). (In English)

Johnson, D. (2009). Ethnography of language policy, *Language Policy*, 8 (2), 139–159. (In English)

Johnson, D. (2013). *Language policy*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK. <https://doi.org/10.1057/9781137316202> (In English)

May, S. (2001). *Language and Minority Rights. Ethnicity, Nationalism and the Politics of Language*, Pearson Education, Harlow, UK. (In English)

McCarty, T. (2015). Ethnography in language planning and policy research, in Hult, F. and Johnson, D. (eds.), *Research methods in language policy and planning: A practical guide*, Wiley Blackwell, Oxford, UK, 81–93. (In English)

Pawlowski, A. (2020). Does multilingualism pay off? Reflections on the economics of language, in Tender, T. and Eichinger, L. M. (eds.), *Language and Economy: Language industries in a Multilingual Europe. Contributions to the EFNIL Conference 2019 in Tallinn*, Research Institute for Linguistics, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary, 111-120. (In English)

Sperlich, S. and Uriarte, J.-R. (2015). Economics and (Minority) Language: Why is it so hard to save a threatened language? Available at: <https://www.parisschoolofeconomics.eu/IMG/pdf/economicslanguage240515.pdf> (Accessed 2 November 2021). (In English)

Uriarte, J.-R. and Sperlich, S. (2016). Economic Theory and Minority Language, *The Economics of language policy*, available at: <https://archive-ouverte.unige.ch/unige:124680> (Accessed 2 November 2021). <http://dx.doi.org/10.7551/mitpress/9780262034708.003.0007> (In English)

Zhang, W. and Grenier, G. (2012). How can Language be linked to Economics? A Survey of Two Strands of Research, *Language Problems and Language Planning*, 37, 203-226. (In English)

Ambrosch-Baroua, T., Kropp, A. and Müller-Lancé, J. (Hg) (2017). *Mehrsprachigkeit und Ökonomie*, Open Publishing LMU, München, Germany. (In German)

ELAN: *Auswirkungen mangelnder Fremdsprachenkenntnisse in den Unternehmen auf die europäische Wirtschaft*. December 2006, available at: https://ec.europa.eu/assets/eac/languages/policy/strategic-framework/documents/elan_de.pdf (Accessed 1 November 2021). (In German)

Wickström, B.-A. (2014). Nachhaltiges Überleben von Minderheitensprachen: eine Übersicht einiger Modelle, in Dötsch, J. (Hg.), *Dogma und Evolution: Beiträge zum 60.*

Geburtstag von Dietmar Meyer, Metropolis-Verlag, Marburg, Germany, 101–126. (In German)
Gazzola, M. (2015). *Il Valore Economico Delle Lingue (The Economic Value of Languages)*, available at: <https://ssrn.com/abstract=2691086> (Accessed 2 December 2021). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2691086> (In Italian)

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Эржен Владимировна Хилханова, ведущий научный сотрудник, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания Российской академии наук, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям.

Erzhen V. Khilkhanova, Leading Researcher, Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Research Center on Ethnic and Language Relations.

РАЗДЕЛ II. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
SECTION II. COMPARATIVE LINGUISTICS

UDC 81-23

DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-5

Lyudmila Yu. Korolyova

Interrogative sentences and their functions in Russian
and American political discourse: a comparative analysis

Tambov State Technical University
106 Sovetskaya St., Tambov, 392000, Russia
E-mail: lyu-korolyova@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0003-0682-2657

Received 01 February 2022; accepted 22 May 2022; published 30 June 2022

Abstract. Despite the vast research on questions in linguistics, little is known about their functioning in political discourse. So the paper considers questions, their types and functions in political discourse. We pay attention to polar, embedded and non-canonical questions (rhetorical, tag, declarative, special and echo questions), and study their functions depending on discourse participants' intentions. We also make a qualitative and quantitative analysis and compare the use of questions by V. Putin (Russia) and J. Biden (USA) in interviews to TV channels and during press conferences in order to identify types of questions asked by both presidents and journalists, their functions and connection of the proposed meaning of questions and their interpretation in 60 fragments of political discourse. The study shows that four types of questions are typical for political discourse of Russia and the USA: polar (10% and 34.5%), rhetorical (60% and 65.5%), special (15% and 0%) and echo questions (15% and 0%). Unlike their proposed meaning, polar questions are structured so that the interviewer can get a preferred response; echo questions are aimed at drawing the attention of journalists and the audience to certain parts or expressing negative emotions; rhetorical questions are used by politicians to make the audience think about specific facts, events or consequences or highlight the role of the country on the world arena. Special questions are asked to get accurate information that coincides with their original connotation. The results obtained are promising for further study of the functioning of questions in the speech of politicians.

Keywords: Intention; Interaction; Linguistic research; Political discourse; Question

How to cite: Korolyova, L. Yu. (2022). Interrogative sentences and their functions in Russian and American political discourse: a comparative analysis, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 8 (2), 66-83. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-5

УДК 81-23

DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-5

Королева Л. Ю.

Функции вопросительных предложений в русском
и американском политическом дискурсе:
сравнительный анализ

Тамбовский государственный технический университет
ул. Советская, 106, Тамбов, 392000, Россия
E-mail: lyu-korolyova@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0003-0682-2657

Статья поступила 01 февраля 2022 г.; принята 22 мая 2022 г.;
опубликована 30 июня 2022 г.

Аннотация. Несмотря на обширные исследования вопросительных предложений в лингвистике, мало известно об их функционировании в политическом дискурсе. Термины «вопрос» и «вопросительное предложение» также вызывают споры, хотя несколько лет назад наметилась тенденция к использованию первого в семантике и прагматике, а второго в синтаксисе. На основе этого данная работа рассматривает вопросы, их типы, функции и роль в политическом дискурсе. Мы обращаем внимание на такие виды вопросов, как полярные, встроенные, неканонические вопросы, включающие риторические, разделительные, декларативные, специальные и эхо-вопросы, рассматриваем их функции в зависимости от интенций участников дискурса и проводим качественный и количественный анализ и сравнение использования вопросов в интервью телевизионным каналам, а также во время пресс-конференций президентом РФ В. В. Путиным и президентом США Дж. Байденом с целью выявления типов вопросов, задаваемых обоими президентами, а также журналистами, их функций и связи предполагаемой коннотации вопросов и их интерпретации в 60 фрагментах политического дискурса. Проведенное исследование показывает, что 4 вида вопросов типичны для политического дискурса России и США: полярные (10% и 34,5%), риторические (60% и 65,5%), специальные (15% и 0%) и эхо-вопросы (15% и 0%). В отличие от своей предполагаемой коннотации, полярные вопросы структурированы так, чтобы получить предпочтительный для задающего ответ; эхо вопросы нацелены на акцентирование внимания журналистов и аудитории на определенные моменты или выражение негативных эмоций; риторические вопросы необходимы политикам для привлечения внимания аудитории к фактам, событиям, последствиям или подчеркивания роли страны на мировой арене. Специальные вопросы задают для получения конкретной информации и это совпадает с их изначальной коннотацией. Полученные результаты перспективны для дальнейшего изучения функционирования вопросов в речи политиков.

Ключевые слова: Вопрос; Интенция; Интеракция; Лингвистическое исследование; Политический дискурс

Информация для цитирования: Королева Л. Ю. Функции вопросительных предложений в русском и американском политическом дискурсе: сравнительный анализ // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8. № 2. С. 66-83. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-5

Introduction

Interrogative sentences have been the focus of linguistic research for a long time (Karttunen, 1977; Heritage et al., 1985; Black, 1992; Huddleston, 1994; Mithun, 2012; Agbara, 2016; Dayal, 2016; Arita,

2021). It is evident that questions are typical for any person's life. People can ask questions often without thinking about the consequences they can cause or vice versa. For instance, there may be questions that influence public opinion on some problem or

encourage recipients to reply in a way that is profitable for some party, or aggressive questions on the part of journalists (Watson, 2020). The terms “*question*” and “*interrogative*” themselves have been debated for a long time regarding the fact that both of them are equally used in syntax but there was a tendency several years ago to treat “*interrogative*” as a syntactic term and “*question*” as a semantic and pragmatic term (Jespersen, 1924; Huddleston, 1994).

Interrogative sentences are multi-functional and can be used for different purposes depending on the type of discourse they refer to. Functions of questions in discourse are still a relevant problem for such areas as theoretical linguistics in general and pragmatics in particular. They are studied in relation to intonation and lexical or syntactic marking although many aspects have not been researched yet especially those concerning categories of questions and speakers’ intentions in the process of using interrogative sentences (Hautli-Janisz et al., 2021).

Political discourse is not an exception. From the point of view of linguistics, the former is centered around political communication, its strategies and tactics, genres of political speech, political phraseology and terminology, political spheres and its levels, political texts and political language (Chudinov, 2006; Chilton, 2004; van Dijk, 2002; Fetzer, 2002; Eisenberg, Gamble, 1991; Hague et al., 1998; Roseman et al., 1986). The interaction between participants of political discourse is quite versatile and its success is stipulated by many factors, one of which is the proper use of political language as well as strategies. Thus, it is interesting to consider questions and their functions as one of the strategies chosen by politicians in general and political leaders in particular.

It should be noted that questions can be examined from different angles:

- their types and functions;
- speakers using questions in their speech;

- recipients comprehending questions and replying to them;

- participants of political discourse interacting with each other and using questions as part of the interaction.

Types of questions and their functions

In general, questions are considered to be “a quintessential interface phenomenon” (Dayal, 2016: 1). Syntax, pragmatics and semantics are the aspects that are taken into account when questions must be defined. According to the Cambridge Dictionary *question* is interpreted as “anything we write or say which requires a response”¹. It is asserted that any interrogative sentence is some canonical form required when information is needed and it is quite important to understand the relationship between “the interrogative form and the speech act of questioning” (Dayal, 2016: 2). As I. Koshik claims questions are often asked to convey assertions instead of seeking new information that is supposed to be one of the main functions of questions. And in this way such questions constitute live conversations when recipients’ answers show how well the latter understand some types of actions that these questions are related to (Koshik, 2005). It is worth paying attention to the idea that question forms can be used not only for questioning but also for other actions. At the same time, questioning can be done not only by questions themselves but other linguistic forms as well (Schegloff, 1984).

Thus, questions are dealt with as both syntactic forms and as an activity (Heritage and Roth, 1995; Schegloff, 1984). According to J. Heritage, a speaker cannot pronounce a meaningful phrase until he/she completes the sentence with that lexicon and prosody that are adapted to the individual identity of the recipient and allow the speaker to presume that the recipient knows some information and therefore it is possible to openly presume that (Heritage, 2012). It must be added that any interaction is based on the cognitive

---

¹ *Cambridge dictionary*, retrieved from <https://dictionary.cambridge.org>

relationship that participants of discourse have. And it is evident that this relationship can be changed and adapted to the specifics of the situation during any conversation. However, the relationship is thought to be extrasituational relying on the information participants of discourse have about the information each of them has concerning the world or some state of affairs (Goffman, 1983).

So, if the speaker asks the recipient about something, the speech act usually covers several propositions:

- the speaker does not know the truth about the issue under consideration;
- the speaker wants to learn the truth about the issue under consideration;
- the speaker believes the recipient knows the truth about the issue under consideration (Dayal, 2016).

There are several theories concerning different approaches to the semantics of interrogative sentences. According to one of them, which is the earliest and well-known theory, it is claimed that a question is a set of propositions that provide possible answers to it (Hamblin, 1970).

The following types of questions are focused on in theoretical linguistics:

- polar questions;
- embedded questions;
- non-canonical questions (Dayal, 2016).

Polar questions or yes/no questions are considered to be one of the most persuasive techniques in interaction as they are widely used to distribute knowledge and information in all spheres of human activity. Producing such questions speakers usually expect a “yes” or “no” response but it is possible for them to structure their questions in such a way that recipients can choose the preferable answer for speakers (Raymond, 2003).

For example,

<Can you give me the information about this conference?>

The preferred and expected answer to this request is “yes”. However, the speaker can alter the question and ask it as follows:

<You can't give me the information about this conference, can you?>

The request is still embodied into the question, but the expected response is “no” (ibid.).

It should be noted that the use of appropriate techniques is the initiative and choice of the speakers, but their main purpose is to produce preferred responses, restraining at the same time undesirable responses (Heritage, 1984). It is argued that the grammatical structure of polar questions formed with the help of putting the auxiliary verb, the needed form of the verb “do” or some modal verb before the subject provides for the relevant choice between “yes” and “no” (Raymond, 2003). Such responses whether they are preferred or dispreferred are called “type-conforming responses” whereas there can be situations when recipients make a decision to “avoid the constraints set in motion by the grammatical form” of the question saying neither “yes” nor “no” and they form “nonconforming responses” (Raymond, 2003: 946).

G. Raymond also states that type-conforming responses are more frequently used than nonconforming responses which are caused by specific situations (ibid.).

Furthermore, a yes-no question or its embedded variant implies some propositions. For example:

<Did they go abroad last year?> or its variant *<Do you know if they went abroad last year?>* implies propositions that *<they went abroad last year>* and *<they did not go abroad last year>* as well as *<Yes I do>*, *<No, I do not know>*. In this case these propositions are considered to be the true ones and they comprise the model suggested by L. Karttunen (1977) unlike Hamblin’s model that supposes all sorts of propositions not only the true ones. For example,

<Who read that paper?> or its embedded option *<Can you tell me who read that paper?>*. There can be such responses as: *<X read it>*, *<Y read it>* and a multitude of the same replies, and the true answers: *<Yes, I can>*, *<No, I cannot>*.

It should be added that some verbs in embedded questions can use the content of the interrogative sentence as their argument, for instance, *<ask>* and *<wonder>*, and they are called “question-embedding” verbs while the verbs *<know>* and *<tell>* insert the responses to questions therefore the argument of the verb can serve as a proposition that provides the answer to the question (Ginzburg, 1991).

Moreover, besides the types of embedded questions examined above there are questions made up in accordance with the following model with the verb *<know>*: *<Steve knows whose report this is>*. It implies that *if Steve knows whose report this is*, he believes that he really knows that. But if none of the people whom Steve knows wrote this report, the proposition turns out to be empty. So it is claimed that two cases should be considered here: when the proposition is not empty, *<know>* works as before, and when it is empty, it is necessary to meet an additional requirement that stipulates one’s belief in the proposition being empty (Heim, 1994).

Non-canonical questions include such types that deviate from conventional standards, e.g. declarative questions, echo questions, rhetorical and tag questions etc.

The issue of non-canonical questions itself is an interesting and complicated phenomenon in linguistics as these questions are rather challenging. To begin with, a rhetorical question, for example, is defined as “a question, asked in order to make a statement that does not expect an answer” (The Cambridge Dictionary). Although it is argued that this question is sometimes asked to get some answer and it is regarded as socially mandating, that is why the reply may be chosen from a limited number of responses including a reply itself or an evasion or a recipient can admit his/her lack of knowledge on the issue under consideration. It is also stated that a rhetorical question has a clear persuasive effect (Black, 1992).

Besides, rhetorical questions are described as questions that have the ability to convey negative assertions in case there are some kinds of negative environments and

negative polarity items such as “*ever*”, “*any*” etc. are used, e.g.

<Who has ever defended this person?>

The speaker initially implies the negative response: “*No one*” (Horn, 1978).

A rhetorical question might be “so profound that answering it is obviously impossible or so superficial that answering it is impossibly obvious” (Black, 1992: 2). Moreover, this type of questions is often associated with the specific intonation pattern. Then it can be definitely considered to be an assertion rather than a request for information (Gutierrez-Rexach, 1998).

No less problematic are declarative questions that are interpreted as statements “with final rising question intonation” (Quirk et al., 1985: 814). However, it is argued that intonation cannot be the main indicator of this type of questions as there are declarative clauses with rising intonation that do not have functions of questions in some conversations (Bolinger, 1989). So, it is up to recipients to identify the appropriate function of the declarative clause in every case. E. Weber proposes that speakers mark declarative sentences somehow while producing them in real time, thus, elements of declaratives possess some order which is perceived by participants of discourse who understand whether it is a question or a statement (Weber, 1993). It should be also noted that some conjunctions, adverbs and discourse particles such as “*because*”, “*but*”, “*well*”, “*then*”, “*oh*”, “*if*” etc. are distinguished as markers of declarative questions. They can be used separately and together with other elements that help interpret the clause as doing questioning, e.g. *<well, if you don’t want me to help you>* (ibid.).

One more interesting aspect regarding declarative questions is their formation with the help of some particles or words at the end of a clause, e.g. *<they didn’t do it, huh>*. Furthermore, it is stated that declarative questions can be marked in three different ways, namely:

- marking within the declarative sentence;

- marking prior to the declarative sentence;
- marking subsequent to the declarative sentence (Weber, 1993).

It is also clear that speakers expect to get affirmative answers to most declarative questions due to the fact that participants of discourse asking such questions simply want to confirm some facts that they already know or draw recipients' attention to some points (Penz, 1996).

Turning to tag questions it should be noted that their interpretation is not a debated aspect and it is evident that these are "utterances with an interrogative tag" (Kimps, 2018: 1). It is claimed that tag questions can be dependent or independent from the point of view of their grammar. For example, <*The PM's report was short, wasn't it?*> or <*They left for Italy last month, didn't they?*> are dependent questions; <*You know this fact very well, is that right?*> or <*You are good at public speaking, eh?*> are independent questions. The last variant is close to declarative questions considered above.

It is believed that questions of this type have two kinds of meanings: interactional and stance. The former meaning implies some interactional position a speaker has in discourse and some response that he/she expects from a recipient (McGregor, 1997). The latter focuses on the influence of tags on the relation between the main part of tag questions and expectations and attitudes of participants of discourse (ibid.). Much attention is paid to intonation as a formal indicator that affects basic meaning differences. Thus, tag questions pronounced with the rising intonation on the tag imply some doubt causing the recipient to decide if the information given in the main part is true or not. And in this case they are considered to be biased concerning the polarity of the main part. On the contrary, if the tag is pronounced with the falling tone, the speaker has no doubts about the information in the main part and the recipient is supposed to confirm it and as a result, such questions are thought not to be real questions (Quirk et al., 1985).

So, questions play different functions in any discourse and the choice of the appropriate question type depends on participants of this discourse, their objectives, suppositions concerning knowledge of needed information on the part of other participants and intentions. According to A. Hautli-Janisz et al., intentions also vary regarding both discourse and participants but their four types are suggested:

- pure questioning (speakers expect recipients to give necessary information);
- challenge questioning (speakers ask recipients to prove their point of view);
- rhetorical questioning (speakers make assertions implying questions);
- assertive questioning (speakers ask recipients to express their point of view on some topic and simultaneously give their own opinion publicly) (Hautli-Janisz et al., 2022).

It is evident that speakers' intentions are interconnected with questions and their types and functioning of the latter in any discourse is crucial, serving various purposes. As our study is aimed at political discourse and the use of questions there, it is important to focus on its main participants.

Questions in political discourse

The key participant or actor of political discourse is a politician. It is asserted that politicians have all abilities and opportunities to modify and even challenge those ideologies that they share with their audiences. To do this they use different linguistic tools including questions that they ask to achieve a success in their interaction with other participants of political discourse, namely, ordinary people, representatives of political groups and institutions, journalists etc. (Reyes, 2011).

It is interesting to note that politicians can even play different roles, among which the roles of narrators, interlocutors, characters are distinguished. The roles are needed to establish contacts with other participants of discourse, to create a good image of themselves or align with famous and respected people. The narrator role is the most frequently played one as it is necessary for politicians to present some information (facts,

events, analysis etc.) and prove it. The interlocutor role requires the use of questions first of all that help build rapport with the audience and in many cases create a relaxed atmosphere. The role of a character is essential when politicians want to resemble well-known public figures and quote them (ibid.).

However, in our opinion, it is quite controversial to say that questions are used only for performing the interlocutor role as all other roles can provide for questioning. Furthermore, politicians can perform several roles simultaneously. And it is not surprising that many politicians are famous due to their use of language means to control and guide their audiences (Reyes, 2011).

The problem of intentionality on the part of politicians is also relevant. The main challenge is that politicians' speeches can often be spontaneous and that prevents recipients from understanding their true intentions. Moreover, recipients can interpret a politician's words incorrectly. To avoid this, most politicians try to prepare for delivering a talk even if it is an interview despite the fact that spontaneous actions are practically inevitable in this case. So meditation and premeditation are thought to be significant in the process of preparing a speech that can contain questions as part of the communicative strategy. It is claimed that politicians refer to questions when they want to interact with the audience and questions themselves serve as markers of the tone and familiarity of the speech event (ibid.).

In this regard, it is interesting to analyze the use of questions in the interviews to TV channels and during press conferences given by political leaders, namely the president of the Russian Federation V. Putin and the president of the United States of America J. Biden. The analysis is aimed at the identification of questions types, their functions and intentions of the presidents as well as the consideration of questions asked by journalists since it is necessary to trace the connection between the meaning proposed by

a specific type of question and its interpretation within discourse.

The analysis of questions in Russian political discourse

In the course of the press conference that took place on December 23, 2021, one of the representatives of the agency "Interfax" asked V.V. Putin the questions:

*"В связи с тем, что Вы сказали, что Вы будете говорить о том, как будет развиваться экономика, – мир эти два года вёл всемирную «войну» с коронавирусом, а сейчас будет с «омикроном», вероятно. Как затронула эта война экономику России? А она практически затронула всех людей. Как выбираться из этого экономического кризиса, из этой ямы, какие драйверы? Надо ли ожидать полную вакцинацию населения, чтобы говорить о возможности успешного развития экономики?"*².

The underlined questions *<Как затронула эта война экономику России?>*, *<Как выбираться из этого экономического кризиса, из этой ямы, какие драйверы?>* refer to open-type questions, according to Russian Grammar, and correspond to special questions in English Grammar. They are asked in such a way that it is clear that the journalist expects the president's justification of the negative fact that the country has an economic crisis and "the war" has affected the economy badly, but he hopes that V. Putin can propose some ways out of this situation. The third question *<Надо ли ожидать полную вакцинацию населения, чтобы говорить о возможности успешного развития экономики?>* is a close-type question or polar question and it implies the positive response being connected with the previous questions focusing on the economic crisis and ways out of it.

In his reply V. Putin used questions:

² *Bol'shaya press-konferenciya Vladimira Putina ot 23.12.2021 [The big press-conference of V. Putin of 23.12.2021]*, retrieved from <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67438>

“Да, теперь драйверы роста. Вы сказали: **какие драйверы роста? И по поводу вакцинации – полная, неполная нужна?**”³.

The first question <**какие драйверы роста?**> is an echo question that gives the president an opportunity to buy some time and think about the information to be presented. The second question <**полная, неполная нужна?**> refers to an alternative question although it is partly an echo question. The president tries to meditate in the process of giving a reply and evaluate all pros and cons of vaccination.

One more fragment of the Russian president's reply to the above question about vaccination:

“И наконец, ещё один Ваш вопрос касается полной вакцинации. У нас, к сожалению, так же, как во многих других странах, – возьмите некоторые европейские страны, они тоже переживают по поводу того, что низкий уровень вакцинации, – скажем, в Федеративной Республике Германия, в стране с очень хорошо развитой системой здравоохранения, хотя и там тоже много критики в адрес системы здравоохранения, но всё-таки одна из наиболее эффективных систем в Европе, – низкий уровень. У нас он какой? 59,4 процента на сегодняшний день...”⁴.

The question <**У нас он какой?**> is a special question that is asked to understand if the audience knows some figures and statistics and confirm the data the president has about the level of vaccination in the Russian Federation.

Another journalist asked V. Putin the following question:

“В целом как бы Вы охарактеризовали новый бюджет: как бюджет развития или социально ориентированный бюджет?”⁵

This is again a special question but it contains the part where the president is given two options between which he can choose <**как бюджет развития или социально ориентированный бюджет**> thus it forces the president to consider only two options although he can have a different point of view on this problem and more than two options for characterizing the budget. So the journalist wishes to impose restrictions on the president in this area and look at his reaction.

In his response to the questions V. Putin said, “Во-первых, **какого качества бюджет?** Конечно, это социально ориентированный бюджет. Конечно.”⁶

The president uses the question <**какого качества бюджет?**> that refers to special questions to draw the journalists' attention to the specific aspect and that is <качество> and based on this he chooses the second option <**это социально ориентированный бюджет**>.

Some more questions on the part of journalists:

“**Как Вы оцениваете работу региональных руководителей?** Они на фоне пандемии получили очень большие полномочия и по-разному ими распорядились, вводили разного рода ограничения. **Как Вы думаете, насколько они удачно это делали, и какую бы Вы оценку им поставили?**”⁷

The underlined questions are ordinary special questions that require specific information.

V. Putin replied:

“На самом деле, мы же первые об этом сказали, что страна большая, ситуация в разных регионах разная, по-разному складывается, и поэтому при общем руководстве со стороны федерального центра – и для этого была создана правительственная комиссия – нам нужно всё-таки отдать на уровне регионов возможность тонко регулировать ситуацию в самом регионе.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

Разве можно сравнить, я не знаю, Чукотку и Москву?"⁸

The question **<Разве можно сравнить, я не знаю, Чукотку и Москву?>** is a polar question that can be considered to be rhetorical and the president expects the "no" answer to it as it is implied in the content of the question and the president's intonation. The positive response in this case would be dispreferred.

Let us consider one more fragment of the discourse. The journalist asked:

"... Может быть, ввести какие-то уголовные наказания для тех, кто призывает не ходить к докторам? Просто я знаю, Владимир Владимирович, о чём подумал? Я вспоминаю Ваши заявления о том, что России очень тяжело, нас окружают и всё такое. Мы не можем сейчас, по-моему, позволить, мы и в другие времена не можем этого позволить, чтобы тысячи человек гибли каждый день. ...Может быть, нужна какая-то политическая воля руководства страны. Мы Вас поддержим, Владимир Владимирович. Вы поняли, о чём я говорю."⁹

It is interesting to note that one and the same issue is raised several times and it is the current pandemic which is undoubtedly relevant. The journalist's questions **<Может быть, ввести какие-то уголовные наказания для тех, кто призывает не ходить к докторам?>**, **<Просто я знаю, Владимир Владимирович, о чём подумал?>** represent in fact his meditation process and the efforts to find a possible way out of the situation together with the president. The statement **<Может быть, нужна какая-то политическая воля руководства страны>** is a rhetorical question with the proposition that certain actions on the part of the government and the president are needed to improve the situation and what is more, compulsory vaccination is meant here.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

V. Putin gave the following answer:

"Вы знаете, это просто ужасно, но здесь, что касается смертности от ковида, это сложно посчитать. Не потому, что кто-то чего-то пытается скрыть, совсем нет... Нужно ли вводить какие-то меры преследования на этот счёт? Я думаю, что нет."¹⁰

The underlined question **<Нужно ли вводить какие-то меры преследования на этот счёт?>** is a polar and rhetorical question at the same time that suggests the negative response and the president himself answers it negatively **<Я думаю, что нет>**. V. Putin tries to explain to the audience the reasons which prevent the president and the government from imposing compulsory vaccination in the country.

In the next fragment of political discourse the Russian president replied to the questions about the possibilities of the war between Russia and NATO in the following way:

"Но что произошло в 2014 году? Госпереворот кровавый, людей убивали и сжигали. Сейчас я не говорю, кто прав, кто виноват. .... Я разговаривал тогда с Президентом США по его инициативе. Он меня попросил тоже поддержать этот процесс. Все согласились. Через день, через два – госпереворот. Зачем? Ответа нет. Ну зачем? Президент Янукович и так со всем согласился, он готов был уйти хоть завтра от власти. Выборы – победа оппозиции была неминуема, это все прекрасно понимали. Ну зачем это сделали?"¹¹

The first question **<Но что произошло в 2014 году?>** is a special question but it is asked not to seek information from the audience but to make participants of the conference remember that period. The president himself gives the answer **<Госпереворот кровавый, людей убивали и сжигали>**. The other three questions **<Зачем?>**, **<Ну зачем?>**, **<Ну**

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

зачем это сделали?> are rhetorical questions. V. Putin does not expect any answers but again wants journalists to think about the reasons of actions at that time. The repetition of the question <*Ну зачем?*> that is strengthened with the interjection <*ну*> makes these questions more forceful underlining the implied absurdity of the actions taken.

In the next fragment of political discourse K. Simmons, an American journalist of the TV company NBC asked the Russian president:

*“Начну вот с чего. Сегодня пришли новости из США, там заявляют, что в течение следующих нескольких месяцев Россия готовит новые взломы военных объектов для иранской ядерной программы. Это правда?”*¹²

It is evident that the tone used by the American journalist differs from what was observed in the previous fragments when Russian journalists asked questions. The former is more aggressive and direct. So is the question <*Это правда?*>. This is a polar question that implies only two options: “yes” or “no” and thus requires no evasion on the part of the Russian president.

V. Putin’s response was as follows:

*“Ещё раз повторите, пожалуйста, вопрос: мы готовим взломы каких объектов?”*¹³

The question <*мы готовим взломы каких объектов?*> is an echo question. V. Putin understands the tone of the American journalist and asks this question in order to draw Simmons’ attention to the objects that are under consideration. The Russian president pretends to be surprised at the term <*военных объектов*> and makes the journalist repeat his question highlighting these very objects as Russia in fact is not planning any actions in this area.

K. Simmons continued the interview with the question:

¹² *Interv’yu amerikanskoj telekompanii NBC ot 14.06.2021 [The interview to the American TV company NBC of 14.06.2021]*, retrieved from <http://www.kremlin.ru/events/presidentnews/65861>

¹³ Ibid.

*“То есть Вы согласны с тем, что передать Ирану такие спутниковые технологии – это поставило бы под угрозу американских военнослужащих, получи Иран от России такие технологии, ведь они могли бы передавать такую информацию хуситам в Йемене, могли передавать информацию «Хезболле».”*¹⁴

This is thought to be a tag-question with the difference that the tag is only implied here and the question is direct and aggressive again.

In his reply the Russian president said:

*“Послушайте, что мы обсуждаем проблемы, которых не существует? Нет предмета для обсуждений. Кто-то что-то выдумывает, я не знаю, может, это вброс, связанный с тем, чтобы вообще ограничить любое военно-техническое сотрудничество с Ираном.”*¹⁵

The underlined question <*что мы обсуждаем проблемы, которых не существует?*> refers to the type of special questions. However, the president asks it as a rhetorical question without expecting any reply on the journalist’s part. V. Putin is sure that there are no such problems that is why he says <*Нет предмета для обсуждений*>. And he intends to assure the American journalist of this <*Кто-то что-то выдумывает, я не знаю, может, это вброс, связанный с тем, чтобы вообще ограничить любое военно-техническое сотрудничество с Ираном*>.

In the interview to the TV channel CNBC V. Putin was asked:

*“Несколько месяцев назад господин Новак предположил, что мы скоро увидим контракты на поставки нефти не в долларах, а в других валютах, возможно, даже в криптовалюте. Когда это может случиться, как Вы думаете?”*¹⁶

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ *Interv’yu telekanalu CNBC ot 14.10.2021 [The interview to the TV channel CNBC of 14.10.2021]*, retrieved from <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66920>

Despite the fact that the journalist represents the American TV channel, the tone does not resemble the one that was used in the previous interview to the American TV channel. Consequently, the question *<Когда это может случиться, как Вы думаете?>* is pronounced in a different way and not so directly. This is an embedded variant of the special question aimed at receiving some definite answer.

The president of the Russian Federation replied:

*“Контракты в криптовалюте? Пока об этом рано говорить, потому что криптовалюта, конечно, может быть расчётной единицей, но она очень нестабильна.”*¹⁷

The question *<Контракты в криптовалюте?>* refers to an echo question. It is asked to clarify the understanding of the journalist’s question and buy some time to think about the issue.

The next question of the American journalist was:

*“То есть Вы считаете, что это ничего не значит, и такие люди, как Илон Маск, то, что у них есть, это всё ничего не стоит?”*¹⁸

This is a polar question that implies the confirmation of the fact *<это всё ничего не стоит>*. It should be added that the question is quite provocative as it contains the information about the person known all over the world, so the Russian president’s reaction will be analyzed in detail afterwards and it is needed to be cautious.

V. Putin reacted in the following way:

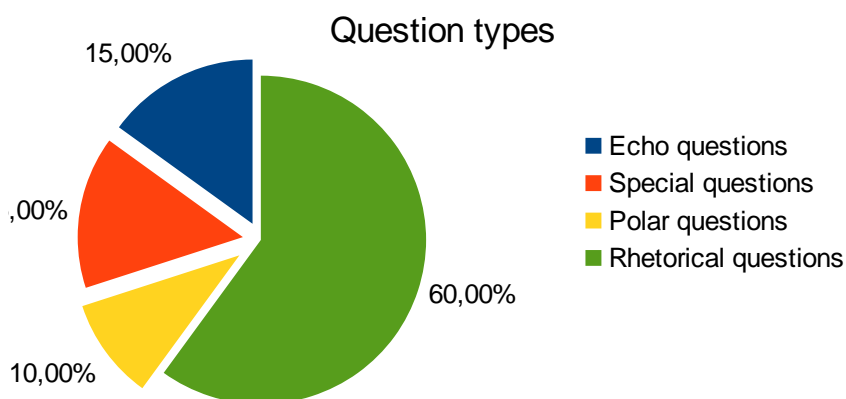
*“Почему же? Это стоит. Просто можно ли это использовать в качестве расчётной единицы при купле-продаже нефти? Вот о чём я говорю.”*¹⁹

The first question *<Почему же?>* is informal as it has the particle *<же>* and it is considered to be a rhetorical question as well as the second question *<Просто можно ли это использовать в качестве расчётной единицы при купле-продаже нефти?>* implying no answer, only intended to cause some consideration on the part of the interlocutor.

30 fragments of political discourse were analyzed in the same way. Using the qualitative and quantitative analyses we identified question types used by the Russian president and journalists. The results are presented in Fig. 1, 2.

Figure 1. Question types in Russian political discourse (on the part of the president)

Рисунок 1. Типы вопросов в российском политическом дискурсе (со стороны президента)

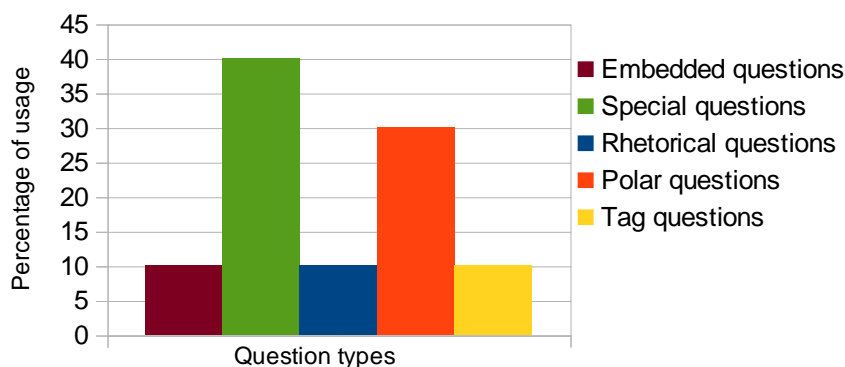

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

Figure 2. Question types in Russian political discourse (on the part of journalists)
Рисунок 2. Типы вопросов в российском политическом дискурсе (со стороны журналистов)

The analysis of questions in American political discourse

George Stephanopoulos, a journalist representing the ABC News Corporation asked the president of the USA about one of the most relevant issues at the present moment, namely vaccination:

*“Every American eligible for the vaccine by -- adult American by May 1st. Something close to normal on July 4th. But tell everyone, when is everything going to be normal for Americans? ..... Would it help if president Trump told the Republican men to get a vaccine?”*¹ (ABC News’ George Stephanopoulos interviews president Joe Biden, 17.03.2021).

The question *<when is everything going to be normal for Americans?>* is a special question, it is direct and the journalist expects to get the information he needs. The next question *<Would it help if president Trump told the Republican men to get a vaccine?>* is a polar question that implies the confirmation of the fact that it is ex-president Trump’s responsibility to make the representatives of his party be vaccinated.

The American president replied:

¹ ABC News’ George Stephanopoulos interviews president Joe Biden of March 17, 2021, retrieved from <https://abcnews.go.com/Politics/transcript-abc-news-george-stephanopoulos-interviews-president-joe/story?id=76509669>

*“I have no idea what kind of influence he has anymore. .... But I don't quite understand, you know, the sorta -- I don't wanna -- I just don't understand this sort of macho thing about, "I'm not gonna get the vaccine. I have a right as an American, my freedom to not do it." Well, why don't you be a patriot? Protect other people.”*²

The question *<Well, why don't you be a patriot?>* refers to a special question but is may be considered to be a rhetorical one as the American president does not need any answer to it but he wants every American to think about this problem.

In the next part of the same interview J. Biden was asked:

*“Let's talk about the crisis at the border. Some heartbreaking scenes down there right now. ... It seems to be getting worse by the day. Was it a mistake not to anticipate this surge?”*³

The journalist puts forward the question *<Was it a mistake not to anticipate this surge?>* that is a polar question with the proposition of the agreement with the fact that the president made a mistake.

J. Biden’s response was as follows:

“The adults are being sent back, number one. That's number one. Number two,

² Ibid.

³ Ibid.

what do you do with an unaccompanied child that comes to the border? Do you repeat what Trump did? Take them from their mothers, move them away, hold them in cells, etcetera?"⁴

Asking his first question <*what do you do with an unaccompanied child that comes to the border?*> that is thought to be a rhetoric question the American president wants the journalist to think about the appropriate actions in this case. The second question <*Do you repeat what Trump did?*> is a polar question that implies the "no" answer and expresses the negative evaluation of Trump's policy concerning this problem. The same can be said about the third question <*Take them from their mothers, move them away, hold them in cells, etcetera?*> that is a rhetoric question again with the same connotation as the previous one.

Let us consider one more fragment of the interview. The journalist asked the following question:

*"It's going to take some time though to get those policies in place again. Do you have to say quite clearly, "Don't come"?"*⁵

G. Stephanopoulos uses the polar question <*Do you have to say quite clearly, "Don't come"?*> to press the president and make him admit the solution of the problem in such a way.

Instead J. Biden said:

"It's not like someone's sitting in Guadalajara right now in Mexico, which is not the biggest problem right now, and saying, "I got a great idea. Let's sell everything we have, give it to a coyote, give him our kids, take 'em across the border. Leave 'em in a desert where they don't speak the language. Won't that be fun?""⁶

The president also refers to the polar question <*Won't that be fun?*> which is considered to be a rhetoric question aimed at challenging the interlocutor in this case.

The journalist also wished to focus on Biden's position and he said:

*"You probably walked into the Oval Office as president with -- about as much experience, if not more experience, than any other president who's ever served. ... So what is it about the job that surprised you, that even you didn't know?"*⁷

The special question <*So what is it about the job that surprised you, that even you didn't know?*> is asked to get true information from the president, who replied:

*"Well, there wasn't -- all the -- George, I was thinkin' about this. ... What I thought of was, you know, how do you compare yourself to George Washington and Abraham Lincoln and Franklin Roosevelt?"*⁸

<*How do you compare yourself to George Washington and Abraham Lincoln and Franklin Roosevelt?*> is a rhetoric question that J. Biden asks himself to assess his work and decisions compared to those of former presidents.

During one of the American president's press conferences J. Biden said:

*"Been a long day for y'all. I know it was easy getting into the pre-meeting. There was no problem getting through those doors. Was it? Was it?"*⁹

The president asks the polar question <*Was it?*> twice as he intends to get the "yes" answer knowing perfectly well that it was difficult for journalists to enter the meeting room.

In another part of this press conference J. Biden said:

"Human rights is going to always be on the table," I told him. It's not about just going after Russia when they violate human rights. It's about who we are. How could I be the president of the United States of America

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Joe Biden press conference transcript after meeting with Putin of June 16, 2021, retrieved from <https://www.rev.com/blog/transcripts/joe-biden-press-conference-after-meeting-with-putin>

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

*and not speak out against the violation of human rights?”*¹⁰

The president's question *<How could I be the president of the United States of America and not speak out against the violation of human rights?>* is a rhetoric question aimed at praising the policy of the USA and its pretended responsibility for all the people in the world.

Criticizing Putin J. Biden said:

*“Let's get this straight. How would it be if the United States were viewed by the rest of the world as interfering with the elections directly of other countries and everybody knew it? What would it be like if we engage in activities that he's engaged in?”*¹¹

The underlined questions are rhetoric questions again and their target is like in the previous fragment of political discourse and that is glorification of America and drawing the attention of the audience to the fact that this is the most democratic country in the world, in Biden's opinion.

One more part of the press conference where the American president asked:

*“Look, would you like to trade our economy for Russia's economy? Would you like to trade?”*¹²

It is clear that the president likes to repeat the same questions to strengthen the effect of his words. So in this fragment the questions *<would you like to trade our economy for Russia's economy?>*, *<Would you like to trade?>* are polar questions asked with the intention to get the negative answers and the confirmation of Biden's beliefs in the superiority of his own country.

During one more press conference an American journalist asked the president:

“COVID-19 is still taking the lives of 1,500 Americans every day and the nation's divisions are just as raw as they were a year ago. Did you overpromise to the American

*public what you could achieve in your first year in office?”*¹³

The question *<Did you overpromise to the American public what you could achieve in your first year in office?>* still concerns the pandemic. It is a polar question and the proposed answer is “yes”.

However, J. Biden gave the following reply:

*“Why you're such an optimist? Look, I didn't over promise and what I have probably outperformed what anybody thought would happen.”*¹⁴

The president does not admit his mistakes asking instead the question *<Why you're such an optimist?>* that is a special question but it can be thought to be a rhetoric question as the president is sure that the journalist is a pessimist and does not expect any confirmation.

In the next fragment of the same political discourse the journalist said:

*“Speaking of voting rights legislation, if this isn't passed, do you still believe the upcoming election will be fairly conducted and its results will be legitimate?”*¹⁵

The underlined question refers to a polar question and the journalist intends to get the accurate information about the president's ideas concerning the issue under consideration.

The American president answered:

*“Well, it all depends on whether or not we're able to make the case to the American people that some of this is being set up to try to alter the outcome of the election. ... Remember how we thought not that many people were going to show up to vote in the middle of a pandemic?”*¹⁶

The question *<Remember how we thought not that many people were going to show up to vote in the middle of a*

¹³ Press conference: Joe Biden holds a solo press conference at the White House – January 19, 2022, retrieved from <https://factba.se/biden/transcript/joe-biden-press-conference-first-year-january-19-2022>

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

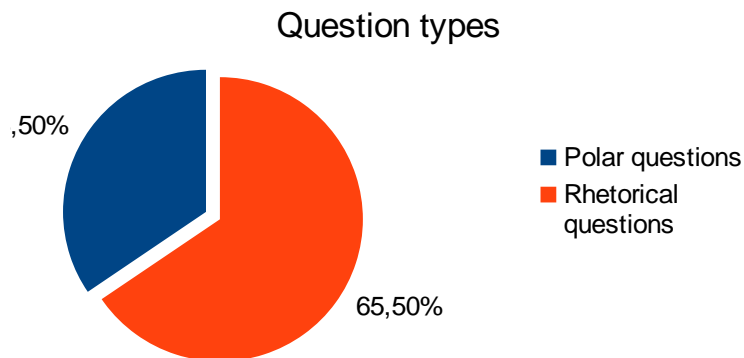

pandemic?> is a polar question aimed at getting the positive reply and focusing on people's actions that can differ from expectations of the authorities.

We also examined 30 fragments of American political discourse and got the results shown in Fig. 3, 4.

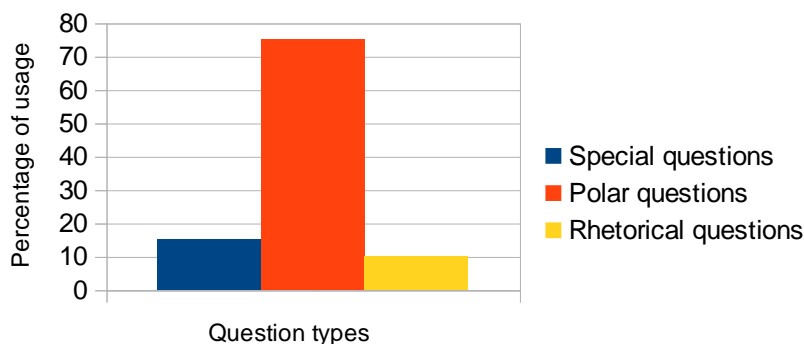
Figure 3. Question types in American political discourse (on the part of the president)

Рисунок 3. Типы вопросов в американском политическом дискурсе (со стороны президента)

Figure 4. Question types in American political discourse (on the part of journalists)

Рисунок 4. Типы вопросов в американском политическом дискурсе (со стороны журналистов)

Results and discussion

The analysis of the question types used in Russian and American political discourse shows that the Russian president prefers different types of questions but rhetorical questions prevail in his speech (60%), whereas echo questions and special questions are asked on the equal basis (15% each) and polar questions comprise 10%. Unlike V. Putin, the American president does not refer to special and echo questions at all giving preference to rhetorical questions (65,5%) and polar questions (34,5%). Thus

rhetorical questions are used by the presidents of both countries in most cases although their functions can differ as V. Putin asks such questions to make the audience remember or think about some events or actions and the same can be said about J. Biden in some fragments but besides these episodes the American president uses rhetorical questions to highlight the superiority of the USA and its political system. J. Biden often asks polar questions aimed at getting the confirmation of some facts that he mentions whether negative or positive one while V. Putin seldom refers to

such questions as he has no wish to press anyone by the choice between two options one of which is strongly preferred by the president. It is interesting that V. Putin likes to repeat some questions either to challenge interlocutors or focus on some parts in their questions or buy some time to think about the appropriate answer. And special questions are asked in the same way and with the same intention.

It is rather surprising that journalists also use more types of questions in Russian political discourse, namely special questions (40%), polar questions (30%), rhetorical questions, tag and embedded questions (10% each). So they prefer special and polar questions to get specific and true information about some issues under consideration or give the political leader two options between which he can choose proposing some variant in most cases. On the contrary, polar questions prevail in American political discourse (75%) and special and rhetorical questions comprise only 15% and 10% correspondingly. We can suppose that it is due to the fact that journalists in the USA want to force the leader of the country to choose the preferred answer and then speculate on this topic.

Conclusions

So, four types of questions are mostly used in the analyzed political discourse: polar, echo, special and rhetorical questions. The proposed meaning of *polar questions* is based on getting a “yes” or “no” answer but in the given fragments of discourse they are structured in such a way that only one option is considered to be the preferred one.

Echo questions imply the repetition of the information given above due to the fact that interviewees (presidents) have not heard the question well or misunderstood something. However, in the considered parts of political discourse they are asked to draw interviewers’ (journalists’) attention to some fact(s) they have mentioned, take some time to think over the possible reply or express certain emotions, e.g. surprise or anger, caused by the misinterpretation of some

information on the part of interlocutors (journalists in our study).

The meaning of *special questions* is related to specific information that interlocutors wish to get. In our case these questions are used with the same aim and intentions.

Rhetorical questions are asked as statements and interlocutors do not expect any answers. In the examined fragments of political discourse, they are used to make journalists or the audience remember or think about some event(s), actions taken at some period of time and their consequences or emphasize the position of some country in the world as well as its policy.

The results obtained may be useful for further analysis of questions and their functions in political discourse, since we focused only on interviews and press conferences, where presidents played the roles of both narrators and interlocutors, but it can be of interest to examine politicians’ speeches on different occasions and compare the proposed meaning of questions and their interpretation.

References

- Agbara, C. (2016). The implicitness of some interrogative sentences in legislative debates, *Nile Journal of English Studies*, 1 (1), 59-66. <https://doi.org/10.20321/nilejes.v1i1.37> (*In English*)
- Arita, Y. (2021). Display of concession: *maa*-prefaced responses to polar questions in Japanese conversation, *Journal of Pragmatics*, 186, 1-19. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.09.014> (*In English*)
- Black, E. (1992). *Rhetorical questions: studies of public discourse*, University of Chicago Press, Chicago, USA. (*In English*)
- Bolinger, D. (1989). *Intonation and its uses: melody in grammar and discourse*, Stanford University Press, Stanford, USA. (*In English*)
- Chilton, P. (2004). *Analysing political discourse: Theory and Practice*, Routledge, London, UK, New York, USA. (*In English*)
- Chudinov, A. (2006). *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], Flinta, Nauka, Moscow, Russia. (*In Russian*)

- Dayal, V. (2016). *Questions*, Oxford University Press, Oxford, UK. (In English)
- Eisenberg, A. and Gamble, T. (1991). *Painless public speaking*, University Press of America, Lanham – New York – London, USA, UK. (In English)
- Fetzer, A. (2002). Put bluntly, you have something of a credibility problem: Sincerity and credibility in political interviews, in Chilton, P. and Schäffner, C. (eds.), *Politics as Text and Talk: analytical approaches to political discourse*, John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, Netherlands, 173-201. (In English)
- Ginzburg, J. (1991). Questions without answers, wh-phrases without scope: A semantics for direct wh-questions and their responses, in Barwise, J., Gawron, J. M., Plotkin, G. and Tutiya, S. (eds.), *Situation theory and its applications*, Vol. 2, Stanford University, Stanford, CA, USA, 363-404. (In English)
- Goffman, E. (1983). The interaction order, *American Sociological Review*, 48, 1-17. (In English)
- Gutierrez-Rexach, J. (1998). Rhetorical questions, relevance and scales, *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*, 11, 139-155. <http://dx.doi.org/10.14198/raei.1998.11.11> (In English)
- Hague, R., Harrop, M. and Breslin, S. (1998). *Comparative Government and Politics: An Introduction*, 4th ed., Macmillan, Basingstoke, UK. (In English)
- Hamblin, C. (1970). *Fallacies*, Methuen, London, UK. (In English)
- Hautli-Janisz, A., Budzynska, K., McKillop, C., Plüss, B., Gold, V. and Reed, C. (2022). Questions in argumentative dialogue, *Journal of Pragmatics*, 188, 56-79. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.10.029> (In English)
- Heim, I. (1994). Interrogative semantics and Karttunen's semantics for *know*, in Buchalla, R. and Mittwoch, A. (eds.) *Proceedings of the Israeli Association of Theoretical Linguistics*, Jerusalem, Israel, 128-144. (In English)
- Heritage, J. (1984). *Garfinkel and Ethnomethodology*, Polity Press, Oxford, England. (In English)
- Heritage, J. (2012). Epistemics in action: action formation and territories of knowledge, *Research on language and social interaction*, 45 (1), 1-29. <http://dx.doi.org/10.1080/08351813.2012.646684> (In English)
- Heritage, J. and Roth, A. (1985). Grammar and institution: questions and questioning in the broadcast news interview, *Research on language and social interaction*, 28 (1), 1-60. (In English)
- Horn, L. (1978). Remarks on neg-raising, in Code, P. (ed.), *Syntax and semantics 9: Pragmatics*, Academic Press, New York, NY, 129-220. (In English)
- Huddleston, R. (1994). The contrast between interrogatives and questions, *Journal of Linguistics*, 30, 411-439. (In English)
- Jespersen, O. (1924). *The philosophy of Grammar*, H. Kolt and company, New York, USA. (In English)
- Karttunen, L. (1977). Syntax and semantics of questions, *Linguistics and philosophy*, 1 (1), 3-44. (In English)
- Kimps, D. (2018). *Tag questions in conversation: a typology of their interactional and stance meanings*, John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, Netherlands. (In English)
- Koshik, I. (2005). *Beyond rhetorical questions: assertive questions in everyday interaction*, John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, Netherlands. <http://dx.doi.org/10.1075/sidag.16> (In English)
- McGregor, W. (1997). *Semiotic Grammar*, Oxford University Press, Oxford, England. (In English)
- Mithun, M. (2012). Tags: cross-linguistic diversity and commonality, *Journal of Pragmatics*, 44 (15), 2165-2182. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2012.09.010> (In English)
- Penz, H. (1996). *Language and control in American TV talk shows: an analysis of linguistic strategies*, Narr, Tübingen, Germany. (In English)
- Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G. and Svartvik, J. (1985). *A comprehensive Grammar of the English language*, Longman, London, UK. (In English)
- Raymond, G. (2003). Grammar and social organization: yes/no interrogatives and the structure of responding, *American Sociological Review*, 68, 939-967. <http://dx.doi.org/10.2307/1519752> (In English)
- Reyes, A. (2011). *Voice in political discourse*, Continuum International Publishing Group, London, UK. (In English)
- Roseman, I., Abelson, R. P. and Ewing, M. F. (1986). Emotion and Political Cognition:

Emotional Appeals in Political Communication, in Lau, R. R. and Sears, D. O. (eds.), *Political Cognition*, Erlbaum, Hillsdale, NJ, USA, 279-94. (In English)

Schegloff, E. (1984). On some questions and ambiguities in conversation, in Atkinson, J. and Heritage, J. (eds.), *Structures of social action*, Cambridge University Press, Cambridge, England, 28-52. (In English)

van Dijk, T. A. (2002). Political discourse and political cognition, in Chilton, P. A. and Schäffner, Ch. (eds.), *Politics as text and talk: analytical approaches to political discourse*, John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, Netherlands, 203-237. (In English)

Watson, L. (2020). Vices of questioning in public discourse, in Kidd, I. J., Battaly, H. and Cassam, Q. (eds.), *Vice Epistemology*, Routledge, New York, USA, 239-258. (In English)

Weber, E. (1993). *Varieties of questions in English conversation*, John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, Netherlands. (In English)

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Людмила Юрьевна Королева, доцент, кандидат филологических наук, кафедра иностранных языков и профессиональной коммуникации, Тамбовский государственный технический университет.

Lyudmila Yu. Korolyova, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Faculty of Modern Languages and Professional Communication, Tambov State Technical University, Russia.

РАЗДЕЛ III. ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА
SECTION III. APPLIED LINGUISTICS

DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-6

Nadya Afdholy¹

Setya Yuwana Sudikan²

Titik Indarti³

Revealing the ideology of Omicron discourse
in CNN Indonesia news

¹ Universitas Negeri Surabaya

Jl. Lidah Wetan, Lakarsantri, Surabaya City, 60213, Indonesia

E-mail: nadya.19002@mhs.unesa.ac.id

ORCID iD: 0000-0001-9963-4270

² Universitas Negeri Surabaya

Jl. Lidah Wetan, Lakarsantri, Surabaya City, 60213, Indonesia

E-mail: setyayuwana@unesa.ac.id

ORCID iD: 0000-0002-1852-4780

³ Universitas Negeri Surabaya

Jl. Lidah Wetan, Lakarsantri, Surabaya City, 60213, Indonesia

E-mail: titikindarti@unesa.ac.id

ORCID iD: 0000-0002-5937-4256

Received 03 March 2022; accepted 17 May 2022; published 30 June 2022

Abstract. After the emergence of the Covid-19 virus new Omicron variant at the end of 2021, news in various mass media resurfaced, especially in Indonesia. Digitalization in the world of news increasingly aligns with the Omicron variant that has entered Indonesia. The news about a new Omicron variant becomes a hot topic that is often discussed in various mass media and online news portals during the Covid-19 pandemic. The ideology of media certainly affects the text produced and distributed to the public. This article aims to analyze the dimensions of the text and uncover the ideology contained in CNN news of Indonesia. The method implemented in this research is the critical discourse analysis (CDA) developed by Van Dijk. The data source in this study is CNN Indonesia.com online news regarding the emergence of the Omicron variant of Covid-19. The data collection technique was done by Internet searching. The data were analyzed by applying the three-dimensional stages of Van Dijk, namely macrostructure, superstructure, and microstructure. The result of the study found that the discourse presented by CNN Indonesia adhered to the ideology of nationalism, so the news gained more legitimacy in the minds of the people so that people obeyed the consensus and nullified the dissensus in implementing health protocols.

Keywords: CDA; CNN Indonesia; News; Omicron; Van Dijk

How to cite: Afdholi, N., Sudikan, S. Yu. and Indarti, T. (2022). Revealing the ideology of Omicron discourse in CNN Indonesia news, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 8 (2), 84-95. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-6

1. Introduction

The industrial revolution and technological developments slowly make changes in people's daily lives, including the world of newspapers. Newspapers were initially called the press, which came from the term *press*, a printing press machine as traditional media (Tejedor et al., 2020: 6330). Newspapers result from a printing press, why people associate the press with newspapers. Newspapers can influence public opinion as to the primary communication channel (Abbas, 2020: 1). In the world of newspapers, there is the term 'discourse'. Discourse in media is oriented towards interaction which is interpreted to build a meaning (Uzokova, 2020: 7). Discourse can also be interpreted as a complex speech or a language unit with cohesive and coherent properties, then describes the results of social interactions (Hill et al., 2020: 475). Thus, people who read the discourse can understand and express it with spoken or written language.

After the development of technology due to globalization, each aspect of life has changed, including the press. Conventional newspapers have experienced a shift and are slowly being replaced by digital-based newspapers (Nyambane, 2021: 538). Digital-based newspapers are considered profitable in the future (Thurman & Fletcher, 2018: 1003). Therefore, conventional newspapers have switched to digital-based ones. One of the digital-based newspaper platforms in Indonesia is CNNIndonesia.com. CNN Indonesia is one of the Indonesian news platforms that has been involved in national and international media news reporting and has operated under PT Transmedia Corpora since 2015 (Trisnawati et al., 2020: 817). CNN Indonesia is a partner of CNN International, CNN International sells a broadcasting license to CNN Indonesia, but in its operations, CNN Indonesia is still under the supervision of CNN International to

maintain the quality of the news broadcasted (Thahara et al., 2019: 217). In a survey conducted by Alexa.com quoted by SurabayaNetwork.id, CNNIndonesia.com was ranked 15th among the top 20 online news stories last October (Hadi, 2021).

During the Covid-19 pandemic, news about the Covid-19 virus becomes a hot topic that is often discussed in various mass media and online news portals. COVID-19 is a very contagious viral disease and has a large number of death tolls (Khotimah et al., 2020: 310). At the end of 2021, a new variant of the Covid-19 virus emerged called the Omicron variant. This Omicron variant of the Covid-19 virus was first reported on November 11, 2021, in Botswana, South Africa, and a similar case was reported in Hong Kong via tourists from South Africa (Karim & Karim, 2021: 1). A technical document released by the World Health Organization on December 17, 2021, explained that the Omicron variant spreads faster than the previous Delta variant. However, so far, there have been no results of further studies regarding the transmission speed of the Omicron variant, how the vaccine works in overcoming this variant, how virulent the Omicron variant is compared to other Covid-19 variants, and how the public understands the dynamics of the Omicron variant, understands the risks, and follows control measures (WHO, 2021).

In this article, discourse analysis is carried out on the online news portal CNNIndonesia.com which discusses the opinion of the Indonesian Covid-19 Task Force on the Omicron variant of the Covid-19 virus that has entered Indonesia. The discussion in this article focuses on the dimensions of the news text based on Van Dijk model to examine the macrostructure, the text framework (superstructure), and the microstructure contained in the text of the online newspaper CNNIndonesia.com. *Macrostructure* is the element that observes the themes or topics discussed in the news

discourse to find out the text's overall meaning or analyze the news text thematically (Al-Ghamdi, 2021: e06864). Analysis of the superstructure means dissecting the text framework that includes several elements, namely the introduction, content, closing, and conclusion (Maretha, 2018: 4). Superstructure analysis uses a schematic concept to analyze how the sentences and opinions are structured. Microstructure examines the text based on the details contained in the text (Van Dijk, 2019: 38). Details in the text can be observed and found in the diction, sentences, and writing style. Overall, using language in describing objects of discourse is associated with ideology. The ideology of media certainly affects the text produced and distributed to the public. The reality of media is not limited to a set of realities but is the result of particular views, so the construction of reality raises representation as to the main issue.

1.1. Literature review

Several researchers have carried out previous studies on Covid-19 reports, such as in the introduction section by Khotimah et al. (2020) and Karim & Karim (2021). According to Khotimah et al., Covid-19 is a contagious virus and often causes death to those who contacted it, but this research also classifies ideological, social, and biological realities through news related to Covid-19 from language dynamics. Health eco-lexicon starts to appear in Indonesian news with terms or abbreviations in both English and Indonesian, such as lockdown, swab tests, WFH, PCR, and forms of acronyms such as COVID-19 and Sars-Cov-2. The pandemic has not ended until 2021, and even the new Omicron variant has appeared. Karim & Karim found Covid-19 had made the world exhausted and frustrated with how broad the pandemic has spread and negatively impacted social, economic, and mental well-being, especially after the emergence of the first reported Omicron variant on November 11, 2021.

In the previous studies regarding Covid-19 reports, Khotimah et al. (2020) focused on language analysis, while Karim & Karim

(2021) focused on the emergence of a new variant of Omicron. Therefore, it can be concluded that discourse becomes very important to see the gap. Discourse practices may display ideology by producing unequal power relations between social classes. The hidden ideology is seen through the use of language. When people's economic welfare has started to grow, the economy improves. WFH (Work from Home) is slowly turning to WFO (Work from Office), all online activities are slowly turning into face-to-face activities, and people have started the 'new normal' era. On the other hand, there is a discourse about a new variant of the Covid-19 Omicron, which limits people's movement in all aspects. What ideology is hidden behind it?

The critical discourse analysis (CDA) developed by Van Dijk is chosen based on the stages that contain ideology to be used as analysis in this study. The CDA of Van Dijk's model maps the object of research into three aspects, namely macrostructure, superstructure (text framework), and microstructure. According to Van Dijk, CDA focuses on the abuse of power, inequality, and domination produced through texts or verbally in a socio-political context (Borysovykh et al., 2020: 328). Discourse reveals ideology by looking at how words are arranged and used, active and passive sentences, nominalization, and modalities (Van Dijk, 2000: 54). Therefore, CDA needs to be developed as a tool to uncover ideologies, interests, and power practices in language and discourse.

1.2. Research questions

Based on the background and literature review, the following research questions are developed.

1. What are the dimensions of the text contained in online news on CNN Indonesia?
2. How is ideology represented in the news text?

2. Method

This research adopts the critical discourse analysis (CDA) method developed by Van Dijk. CDA uncovers ideology based on looking at oneself in a positive light and

looking at the other party negatively. Discourse structures must be observed globally and demonstrated through macrostructure analysis, superstructures which analysis is more profound than just

word and sentence analysis, and microstructures must also be considered (Van Dijk, 1985: 65). The three dimensions of the text of Van Dijk's CDA model are presented in Table 1 below.

Table 1. Discourse Structure of Van Dijk's Model

Discourse Structure	Observation	Elements
Macrostructure	Thematic	Topic
Superstructure	Schematic	Scheme
Microstructure	Semantics	Background Detail Purpose Presupposition
	Syntax	Sentence Coherence Pronoun
	Rethoric	Graphic Metaphors

The CDA of Van Dijk's model combines the entire discourse structure in a single unit because the three dimensions in Table 1 correlate with each other. *Macrostructure* is the global meaning that appears based on the themes in the news discourse. Superstructure describes how the arguments are arranged in a news text's framework. Microstructure highlights the meaning of discourse by looking at the use of words, propositions, clauses, sentences, paraphrases, and images presented. In this case, text analysis is not merely understood as an object of language study but is used to reveal the ideology hidden in discourse.

2.1. Sample

This study selected the data sample from a digital newspaper titled "*Satgas Covid-19 Sebut Kasus Omicron Pertama Sebagai Alarm Kewaspadaan* (Covid-19 Task Force Calls First Omicron Case As an Alert)," published on December 20, 2021, sourced from the digital newspaper portal CNN Indonesia. The news can be accessed through the official website address CNNIndonesia.com. In addition, this writing

is supported by secondary data sources, namely several official websites, electronic journals, electronic proceedings, and electronic books relevant to this research.

2.2. Instrument(s)

The instrument of this study was a set of laptop and Internet connections that were used to retrieve the primary data from the official source of CNN Indonesia (<https://www.cnnindonesia.com>), and other data which was also taken online. In addition to using an Internet connection, the researcher also operates MS Word to facilitate the research.

2.3. Data collection procedures

Data collection was carried out using Internet searching techniques. Internet searching or Internet search is a technique that can be used to collect data together with the use of technology in the form of search engines available on the Internet to make it easier for researchers and writers to search and obtain data from various aspects quickly (Sun, 2019: 3). The data obtained through Internet searching were selected, downloaded,

translated into English, then copied to MS Word for analysis and interpretation.

2.4. Data analysis

The technique used to analyze the data in this research is the CDA model by Van Dijk. The study focuses on the structure of the news based on the elements of the text as proposed by Van Dijk, which consists of macrostructure, superstructure, and microstructure. The first analysis procedure is to collect data related to the focus of this research, such as words, phrases, clauses, and sentences. After the data is classified, the data is identified to investigate the hidden ideology by searching how discourse or text is produced. Then, the data is analyzed and interpreted. Van Dijk's CDA model focuses not only on a news text but also on social cognition and the context of the news (Ibnus,

2019: 71), so the ideology in the discourse is revealed in interpretation.

3. Results

In this section, three sub-topics are presented based on the dimensions of the text of Van Dijk's CDA as a process to reveal the ideology hidden behind discourse, namely macrostructure, superstructure, and microstructure, which are described below.

3.1. Macrostructure

The textual analysis is centered on the text structure in the news "Covid-19 Task Force Calls First Omicron Case as an Alert Alarm" from CNNIndonesia.com. Thematic observation of a discourse is a global meaning conveyed by journalists to show the main points of news content. The following thematic observations are presented in Table 2.

Table 2. Macrostructure of the news text

CNNIndonesia.com	
Title	● Covid-19 Task Force Calls First Omicron Case as an Alert Alarm
Paragraph	● A positive case of Covid-19 caused by the Omicron variant infection were assessed by the Covid-19 Handling Task Force as an alarm, or alert warning. On Thursday (16/12), Minister of Health Budi Gunadi Sadikin announced the first case of the Omicron variant in Indonesia.

The focus of observation in macrostructure analysis is the topic raised by the text to find out the general meaning of news discourse. In CNN Indonesia's online news, the main topic of discussion is a warning to all people and elements of the state not to be careless about entering a new Covid-19 virus variant in Indonesia. This global theme can be seen in Table 2, starting from the headlines, which implicitly says that this new variant is an alert 'alarm'. Furthermore, the news section begins the news by explaining that there is already a variant of Omicron in Indonesia, which is a warning to increase vigilance. The body of the news also discusses the warnings given by the

Covid-19 Task Force to increase awareness with this new variant as an alarm to every element of the Indonesian people to be aware of the Covid-19 Omicron variant.

3.2. Superstructure

The superstructure analyzes the writing scheme of news discourse, especially from the coherence and continuity between the parts of the discourse. There is coherence in the writing of the CNN Indonesia newspaper discourse with the title "Covid-19 Task Force Calls the First Omicron Case as an Alert Alarm," which is built into four subtopic categories, this is illustrated by the transition between one sub-theme and another, which is described in Table 3 below.

Table 3. Superstructure of the news text

CNNIndonesia.com Covid-19 Task Force Calls First Omicron Case as an Alert Alarm	
Part	Narration
Subtopic 1	The Covid-19 Handling Task Force assessed a positive case of Covid-19 caused by the Omicron variant infection as an alarm or alert warning. On Thursday (16/12), Minister of Health Budi Gunadi Sadikin announced the first case of the Omicron variant in Indonesia.
Subtopic 2	Wiku hopes that citizens will not be negligent in implementing health protocols, even though the current Covid-19 pandemic has cooled down. He reminded that the entire population of Indonesia had experienced the bitter impact that followed the second spike. So, everyone is encouraged to maintain a controlled condition by applying health protocols.
Subtopic 3	Wiku said the changes in policies from time to time to adjust to these conditions indicate that the government is committed to enforcing policies that are solely aimed at protecting the Indonesian people from the potential increase in Covid-19 cases.
Subtopic 4	"We ask the whole community to learn about the applicable policies and adhere to them," said Wiku.

The first subtopic of Table 3 discusses the first case of the Covid-19 virus new Omicron variant that occurred in Indonesia. The author describes the explanation of the Spokesperson for the Covid-19 Task Force, who explained that the existence of this first case served as a warning to every Indonesian citizen, and everyone must be disciplined on health protocols. Furthermore, the author of this text explains health protocols and reviews the government policies in the following subtopics. This newspaper discourse concludes by reaffirming that the public needs to understand the policies made by the government and comply with these policies. Each subtopic in this news discourse is written continuously. Thus, an explicit scheme is drawn and can be understood by the readers of the text.

3.3. Microstructure

Microstructure analysis observes the text based on semantics, syntax, and rhetoric in more depth which is described as follows.

3.3.1. Semantics

In semantics, what is observed is the meaning emphasized in the discourse. Four things are studied in semantic analysis

composed of background, detail, purpose, and presuppositions.

1) Background

The background is an element that relates to the purpose which the author wants to express. In this news text, the author aims to review the response of the Covid-19 Task Force about the new variant of the Covid-19 virus, the Omicron variant.

2) Detail

Detail relates to the control of the information flow presented contextually. CNN Indonesia media presents their thoughts objectively based on facts. In the news text, the journalist conveyed the facts in the news quote, "The Covid-19 case occurred at the Wisma Atlet Jakarta Hospital, experienced by janitor with initials N." Thus, the first case of the Omicron variant in Indonesia was experienced by a janitor at Wisma Atlet Jakarta Hospital by mentioning the initials N. Therefore, it has the potential to lead readers to confirm the existence of the Omicron variant and some have been infected with the virus even though the name mentioned is only an initial. Another proof that has the potential to lead readers to be more aware of the presence of the Omicron variant of Covid-19 is contained

in the quote, "The discovery of the first Omicron case is a warning that we must remain vigilant by consistently implementing health protocols, without worrying too much," after explaining information related to the emergence of Covid-19 new Omicron variants. Therefore, the public is asked disciplined about health protocols, stay alert, and not worry too much about the news.

News related to the emergence of the Omicron variant of Covid-19 written by a CNN Indonesia journalist informs readers regarding his belief in the government to enforce policies as in the quote, "Wiku said, the changes in policies from time to time to adjust to these conditions indicate that the government is committed to enforcing policies that solely aimed at protecting the Indonesian people from the potential increase in Covid-19 cases." Journalists lead public opinion that the government must commit to dealing with this pandemic's sustainability.

3) Purpose

The element of purpose has functioned as a foundation of the will, attitudes, and beliefs that have been determined. Purpose can also be interpreted as a goal in writing the news narrative, as in the quote "Wiku hopes that the citizen will not be negligent and careless in implementing health protocols, even though the current Covid-19 pandemic condition has cooled down" and "He asks all elements of society not to be careless and continue to keep themselves updated with information on the development of the handling of Covid-19 in Indonesia, so that there are no more violations that have the potential to harm others." In this newspaper text, the author's purpose is to provide information regarding the latest variant of the Covid-19 virus whose cases have emerged in Indonesia and also aims to increase public awareness and vigilance of every element of Indonesian society, as well as to convey that the public must be updated of government policies in dealing with the pandemic.

4) Presupposition

A presupposition is an attempt to support an argument by including a premise of

believable truth. In this news narrative, the presupposition can be seen through the quote, "He stated that the policy was made indiscriminately and enforced to all levels of society, under regulations and Circular Letter of the Task Force for Handling Covid-19 Number 25 of 2021". The argument presented by the resource person was that the policy on handling Covid-19 was made to apply to every element of society, and the premise that supports this argument is the Circular Letter of the Covid-19 Handling Task Force Number 25 of 2021.

3.3.2. Syntax

Syntax analysis is concerned with the arrangement of sentences to achieve the intended goals. Syntax analysis consists of sentence, coherence, and pronoun.

1) Sentence

There are two kinds of sentences, active sentence, and passive sentence. The online newspaper discourse with the headline "Covid-19 Task Force Calls First Omicron Case as an Alert Alarm" contains these two types of sentences. The active sentence in the narrative can be seen through the quote, "On Thursday (16/12), Minister of Health Budi Gunadi Sadikin announced the first case of the Omicron variant in Indonesia". It can be determined that the sentence is an active sentence form through the verb *announced* which is an action performed by the subject. In this sentence, the subject who is the Minister of Health, Budi Gunadi Sadikin, acts as the subject and takes direct action. Then, the form of passive sentences in the news text can be found through the following quote, "A positive case of Covid-19 caused by the new Omicron variant infection is assessed by the Covid-19 Handling Task Force as an alarm or a warning alert". The verb used is in the form of a passive verb, which is indicated by past participle usage. If the sentence is analyzed further, the phrase 'a positive case of Covid-19 caused by the new Omicron variant infection' acts as an object. In the phrase, there is also a passive verb, caused. The Omicron variant infection acts as the subject in the phrase. Then, by combining it with the following

phrase, the phrase 'a positive case of Covid-19 caused by the Omicron variant infection' is the object, the verb 'caused by' is passive, and the subject is the 'Covid-19 Handling Task Force'.

2) Coherence

Coherence describes the continuity and the cohesion of the sentences in the text. There are four types of coherence, namely additive coherence, causal coherence, contrasting coherence, and chronological coherence.

a. additive coherence

Additive coherence in the narrative can be seen through the quote, "Health protocols are believed to be the easiest, cheapest, and most effective way of preventing the spread of Covid-19 to be implemented. Wiku also added that the government is also making various efforts for additional protection, including various policy adjustments based on the dynamics of the development of Covid-19, both nationally and globally. The use of conjunctions also in sentences reflects the creation of additive coherence in the sentence. Additive coherence or addition is also clearly illustrated through the phrase Wiku adds, wherein there is additional information in the paragraph.

b. casual coherence

In causal coherence, there is a cause-and-effect relationship between the sentences in the text. In this newspaper discourse, the causal coherence can be seen through the quote, "Positive case of Covid-19 caused by infection with Omicron variant...". The passive verb 'caused' describes a cause-and-effect relationship in the phrase.

c. contrasting coherence

Contrasting coherence describes a reciprocal relationship in a sentence. In this text, it can be seen through the quote, "Wiku hopes that people will not ignore and be careless in implementing health protocols, even though the current condition of the Covid-19 pandemic tends to be sloping". The use of 'even

though' conjunction in the sentence illustrates the contrasting coherence.

d. chronological coherence

Chronological coherence describes the time in a sentence that can be seen through the use of temporal conjunctions such as 'then', words that signify time such as 'now' or 'ago', and words that signify aspects, such as 'will'. In this text, it can be seen through the quote, "Wiku hopes that the citizen will not be negligent and careless in implementing health protocols, even though the current Covid-19 pandemic condition has cooled down". The phrase "current" in the sentence describes the chronological coherence in the discourse with the presence of word markers in the sentence.

3) Pronoun

A pronoun is an essential aspect of discourse. The role of pronouns is to replace an object or a subject in a sentence to make it more concise. In this discourse, it can be seen in the quote, "Wiku hopes that the citizen will not be negligent in implementing health protocols, even though the current Covid-19 pandemic condition has cooled down. He reminded..." The word 'he' in the sentence acts as a personal pronoun, as in replacing the subject of Wiku. Furthermore, in the quote, "He stated, the policy was made indiscriminately and enforced to all levels of society...", the pronoun used is the pronoun that replaces the object of the pandemic handling policy described in the previous paragraph.

3.3.3. Rethoric

Rhetorical analysis in this study analyzes things related to graphics and metaphors. In the following section, data and analysis related to graphics and metaphors are presented.

1) Graphic

There is only one graphic in this text, namely a photo depicting the Wisma Atlet Jakarta Hospital. The following data were found to be analyzed based on attitude and background.

Figure. Two men walking while wearing a mask in front of Wisma Atlet

In Figure, two men are depicted in the image; both are wearing masks. One masked man is standing in front of the Wisma Atlet while looking at his cell phone, wearing a pink t-shirt. Another masked man stands straight and walks out of the Wisma Atlet Hospital wearing a red collared shirt. The tense atmosphere can be inferred by looking down and walking out of the Wisma Atlet. The two men are represented as resigned and obeying health protocols to prevent the spread of the new Omicron variant, which has just emerged in Indonesia.

2) Metaphors

Metaphors aim to emphasize and guide in exploring a text's meaning. Metaphors can be in the form of expressions, proverbs, ancestral advice, proverbs, ancient words or phrases, or quotes sourced from holy verses. The metaphor can be seen in this text through the quote, "The Covid-19 Handling Task Force considers a positive case of Covid-19 caused by the new Omicron variant infection as an alert alarm". The use of the word alarm in the sentence is a form of expression that means warning. Furthermore, the metaphor can also be seen in the quote, "He stated that the policy was made indiscriminately and enforced by all levels of society". The use of the phrase indiscriminately in the sentence is a form of expression that has meaning without discrimination.

4. Discussion

The CNN Indonesia news text contains a tendency of interest and shows an imbalance

between policymakers (rulers) and the community. The news discourse published by CNN Indonesia is seen as a medium by the dominant group to influence the audience with the power and domination they have so that this dominance is seen as the most correct and legitimate. Language in a discourse is not a neutral medium of ideology, and power networks influence the author of the text. CDA is not limited to understanding discourse as a study of language but connecting the discourse with the context of power practices that marginalize a particular group or individual.

There is always an ideology practiced to dominate and fight for influence in a discourse. Ideological development strategies emphasize the good things about oneself and reduce the positive things in others. The discourse presented on CNN Indonesia has a particular motive to gain more legitimacy, such as the appeal addressed to the public to "...continue to keep themselves updated with information on the development of handling Covid-19 in Indonesia". If the discourse is more exposed, the truth will become more firmly embedded in the people's minds.

The term 'alert alarm' indicates that people have not been aware of Covid-19. With the emergence of the new Omicron variant, people who have been returning to the 'new normal' are forced to start limiting their social interactions again. This new Omicron type of coronavirus could potentially create a conflict of interest between the state

apparatus and the citizen, especially the lower class who earn daily income.

If an ideology is interpreted as a perpetrator of the power structure, then all levels of society must obey the consensus and eliminate dissensus. This study confirms that CNN Indonesia adheres to the ideology of nationalism, which seeks to defend the country's sovereignty by realizing the same goal for the national interest in the face of the ongoing Covid-19 pandemic. The public is expected not to be negligent in implementing health protocols. Every control of the Covid-19 handling officer unit that comes from the government's order is effective if all levels of society obey it.

The characteristics of the CDA model by Van Dijk received many contributions from the Frankfurt School of thought, one of which was Louis Pierre Althusser. In developing CDA, Althusser shows that ideology is not abstract but part of social practice. Althusser argues that ideology praises and questions individuals as concrete subjects by representing imaginary human relationships about reality which are the impact of environmental internalization and become the basis for human's unconscious decision making. The concept of ideology becomes famous and exciting when associated with the country, especially the relationship between policy makers and those under control. In the news, the ruler is the leader of the policy-making state, while those controlled are all levels of society.

Althusser describes the two main mechanisms on how an ideology works: ISA (Ideological State Apparatus) and RSA (Repressive State Apparatus). The Ideological State Apparatus (ISA) is the subtle strategy through education, religion, community organizations, family, culture, political institutions, and the media. Meanwhile, the Repressive State Apparatus (RSA) is repressive or through coercion, such as the courts and the military. These two mechanisms can lead to an understanding of the subject's position as dominating and being dominated.

Subtle strategies are more successful than repressive strategies, but they both perpetuate the power structures. The state apparatus, in this case, uses the ideological state apparatus (ISA), namely through the media under the pretext of protecting the people from the potential increase in cases of the Omicron variant of Covid-19. Indonesian society is dominated to submit entirely to the government to prevent the spread of the Omicron variant.

5. Conclusions

There are three main elements in the news text "Covid-19 Task Force Calls First Omicron Case as an Alert Alarm" published by CNN Indonesia media. First, the macrostructure describes the news theme, warning the public about the Omicron variant. Second, superstructure explains that this online news is written in a structured manner. Third, microstructure describes small parts of the news based on semantics, syntax, and rhetoric. The findings in this study confirm that CNN Indonesia adheres to the ideology of nationalism which seeks to maintain state sovereignty for the national interest in preventing the spread of the Omicron variant of Covid-19.

References

- Al-Ghamdi, N. A. (2021). Ideological representation of fear and hope in online newspaper reports on COVID-19 in Saudi Arabia, *Heliyon*, 7 (4), e06864. DOI: [10.1016/j.heliyon.2021.e06864](https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e06864) (In English)
- Abbas, A. H. (2020). Politicizing the pandemic: A schemata analysis of Covid-19 news in two selected newspapers, *International Journal for the Semiotics of Law-Revue internationale de Sémiotique juridique*, 1-20. DOI: 10.1007/s11196-020-09745-2 (In English)
- Borysovyh, O. V., Chaiuk, T. A. and Karpova, K. S. (2020). Black lives matter: Race discourse and the semiotics of history reconstruction, *Journal of History Culture and Art Research*, 9 (3), 325-340. DOI: [10.7596/taksad.v9i3.2768](https://doi.org/10.7596/taksad.v9i3.2768) (In English)
- CNN Indonesia (2021). *Covid-19 Task Force Calls First Omicron Case As an Alert*, available at: <https://www.cnnindonesia.com/nasional/20211219>

[131558-25-735866/satgas-covid-19-sebut-kasus-omicron-pertama-sebagai-alarm-kewaspadaan](https://doi.org/10.1080/17549507.2020.1864016)

(Accessed 20 December 2021). (In English)

Hadi, L. (2021). *Ranking on the Top 20 of Indonesian Online Media Sites in October 2021*, available at:

<https://surabaya.jatimnetwork.com/teknologi/pr-521371071/peringkat-20-besar-situs-media-online-indonesia-oktober-2021?page=all>

(Accessed 20 December 2021). (In English)

Hill, E., Whitworth, A., Boyes, M., Ziegelaar, M. and Claessen, M. (2021). The influence of genre on adolescent discourse skills: Do narratives tell the whole story? *International Journal of Speech-Language Pathology*, 23 (5), 475-485. DOI: [10.1080/17549507.2020.1864016](https://doi.org/10.1080/17549507.2020.1864016) (In English)

Ibnus, N. (2019). The Representation of Reunion 212 in Indonesian Online Media, *NOTION: Journal of Linguistic, Literature, and Culture*, 1 (2), 68-75. DOI: [10.12928/notion.v1i2.993](https://doi.org/10.12928/notion.v1i2.993) (In English)

Karim, S. S. A. and Karim, Q. A. (2021). Omicron SARS-CoV-2 variant: a new chapter in the COVID-19 pandemic, *The Lancet*, 398 (10317), 2126-2128. DOI: [10.1016/s0140-6736\(21\)02758-6](https://doi.org/10.1016/s0140-6736(21)02758-6) (In English)

Khotimah, K., Laksono, K., Suhartono, S., Pairin, U. and Darni, D. (2021). Lingual expressions in the covid-19-related ecolixicons in indonesian online-media coverage, *Journal of Language and Linguistic Studies*, 17 (1). DOI: [10.52462/jlls.19](https://doi.org/10.52462/jlls.19) (In English)

Maretha, A. T. (2018). The Dominance of Power Over the Figure of Donald Trump in the Official Presidential Speech of the United States of America (The United States Recognizes Jerusalem as The Capital Of Israel): A Discourse Analysis, *Communicare: Journal of Communication Studies*, 5 (2), 1-14. DOI: [10.37535/101005220181](https://doi.org/10.37535/101005220181) (In English)

Nyambane, R. (2021). The future of the printed book in the era of technological advancement: an imperative for digital innovation and engagement, *Journal of Information, Communication and Ethics in Society*, 19 (4), 537-559. DOI: [10.1108/JICES-10-2020-0106](https://doi.org/10.1108/JICES-10-2020-0106) (In English)

Sun, S., Wei, Y., Tsui, K. L. and Wang, S. (2019). Forecasting tourist arrivals with machine learning and Internet search index, *Tourism Management*, 70, 1-10. DOI: [10.1016/j.tourman.2018.07.010](https://doi.org/10.1016/j.tourman.2018.07.010) (In English)

Tejedor, S., Cervi, L., Tusa, F., Portales, M. and Zabolina, M. (2020). Information on the COVID-19 pandemic in daily newspapers' front pages: case study of Spain and Italy, *International journal of environmental research and public health*, 17 (17), 6330. DOI: [10.3390/ijerph17176330](https://doi.org/10.3390/ijerph17176330) (In English)

Thahara, Y., Gunawan, F., Samad, I. A., Weda, S. and Rahman, F. (2019). Prabowo's Anger During 212 Reunion: Appraisal System of CNN Indonesia News Text, *International Journal of Literature, Language and Linguistics (IJLLL)*, 5 (1), 217-224, available at: <https://premierpublishers.org/ijlll/060520193795> (Accessed 8 February 2022). (In English)

Thurman, N. and Fletcher, R. (2018). Are newspapers heading toward post-print obscurity? A case study of The Independent's transition to online-only, *Digital journalism*, 6 (8), 1003-1017. DOI: [10.1080/21670811.2018.1504625](https://doi.org/10.1080/21670811.2018.1504625) (In English)

Trisnawati, J. D., Usman, I. and Ratmawati, D. (2020). Human resource orchestration in partnership companies: a multiple case study, *Systematic Reviews in Pharmacy*, 11 (5), 814-822. DOI: [10.31838/srp.2020.5.120](https://doi.org/10.31838/srp.2020.5.120) (In English)

Uzokova, S. (2020). Principles of Discourse Analysis in Linguistics, *Journal of foreign languages and linguistics*, 1 (1), 7-12, available at: <https://journal.jspi.uz/index.php/fl/article/download/100/25> (Accessed 8 February 2022). (In English)

Van Dijk, T. A. (1985). Structures of news in the press, *Discourse and communication: New approaches to the analysis of mass media discourse and communication*, 10, 69-93, available at: <http://www.discourses.org/OldArticles/Structures%20of%20news%20in%20the%20press.pdf> (Accessed 8 February 2022). (In English)

Van Dijk, T. A. (2019). *Macrostructures: An interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction, and cognition*, Routledge. (In English)

Van Dijk, T. A. (2000). *Ideology and Discourse. A Multidisciplinary Introduction*, Pompeu Fabra University, Barcelona, Spain. (In English)

WHO (2021). *Enhancing Readiness for Omicron (B.1.1.529): Technical Brief and Priority Actions for Member States*, available at:

[https://www.who.int/publications/m/item/enhancing-readiness-for-omicron-\(b.1.1.529\)-technical-brief-and-priority-actions-for-member-states](https://www.who.int/publications/m/item/enhancing-readiness-for-omicron-(b.1.1.529)-technical-brief-and-priority-actions-for-member-states)
(Accessed 20 December 2021). *(In English)*

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Nadya Afdholy, Doctoral Student in Language and Literature Education, Universitas Negeri Surabaya, Indonesia.

Setya Yuwana Sudikan, Professor of Literature, Universitas Negeri Surabaya, Indonesia.

Titik Indarti, Lecturer of the Language and Literature Education, Universitas Negeri Surabaya, Indonesia.

UCD 8'811. 161

DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-7

Ekaterina V. Seredina¹
Olga V. Dekhnich²

Trump's image in a political cartoon: analysis of expressive potential

¹ Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: seredina@bsu.edu.ru
ORCID iD: 0000-0002-1556-7494

² Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: dekhnich@bsu.edu.ru
ORCID iD: 0000-0001-6088-2656

Received 21 April 2022; accepted 09 June 2022; published 30 June 2022

Abstract. This study is an attempt to describe the expressive means used in American political cartoons covering the most prominent events before and during Donald Trump's presidency. Political cartoon as a type of political text is widely adopted in political communication with the aim to manipulate people's minds. The results of the study show the functioning of verbal units at all language levels and nonverbal means (visual metaphors and symbols) that help cartoonists show the Trump's presidency in a humorous way and shape public opinion about the 45th president of the United States. The graphical means comprising capitalization, font and red colour captivate the reader's attention by emphasizing the key issues in the cartoons. Phonetic means which are sound effects and sound repetitions stress Trump's emotional condition, underlying his immediate reactions to any criticism. The lexical means such as comparison and antithesis draw the parallel between Trump and other political actors stating Trump's role in American politics as a leader. Syntactic techniques (exclamatory, interrogative, and rhetorical sentences) point at Trump's problem solving skills, and his original ideas. Symbols, hidden in the cartoons, contain extra linguistic information that is necessary for understanding the cartoonist's message. Visual metaphors transmit the information through easily recognized vivid images and comparisons.

Keywords: Political cartoon; Political discourse; Donald Trump; Political communication; Critical discourse analysis

How to cite: Seredina, E. V. and Dekhnich, O. V. (2022). Trump's image in a political cartoon: analysis of expressive potential, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 8 (2), 96-107. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-7

Introduction

Today one of the most crucial issues for international society is the political situation in the world. The current events perturbate public opinion, the most striking of them evoke wide public resonance. Mass and social media are constantly discussing public figures including

political leaders and other politicians. Politics and media have always been interinfluential with the media shaping public opinion and political reality. They [the media] cover political life of the world community, produce and disseminate the political content (Zhikhareva, 2021: 32). The interactive

process of transmitting information to the public defines the role of political communication. Political communication plays an increasingly important part in the modern world conveying information on policy trends and political leaders' views to ordinary citizens. "One of the major functions of political communication is to regulate human behavior, the influence of partners on each other to achieve the planned results" (Karnyushina, Makhina, 2017: 98). Such texts, containing political information, belong to political discourse. The variety of genres in the political discourse speaks of the interest to the political language.

Political discourse is the sphere where the language of politics is used. Much has been said about political discourse in the works of Fairclough (2001), Wodak (2006), van Dijk (2008), Dunmire (2012), Randour, Perrez, Reuchamps (2020), and many others. The methods to the analysis of political discourse are different. "Discourse, in particular political and policy discourse, plays a significant role in creating and disseminating projections of the future" (Dunmire, 2019: 7). E. I. Sheygal (2000), in her turn, considers that the internal part of political discourse is struggle for power. A. Gabets and A. Gene write: 'Political discourse is therefore usually specified in terms of such issues as manipulation, power and control' (Gabets, Gene, 2016: 23).

In their systematic review, Randour, Perrez, Reuchamps outlined that 'political discourse is generally limited to the discourses of (institutionalized) political elites and most specifically to oral monological speeches' (Randour, Perrez, Reuchamps, 2020: 428). Thus, discourse should be analysed beyond the text itself. It comprises social context of communication, with its participants, speech production and perception bearing in mind background knowledge. We could conclude that discourse is a text with a situational context that gives various conditions for its realization.

Political discourse produces a huge number of texts with verbal and visual components informing readers about political events and opinions, and at the same time having an emotional impact on the reader. One

of them is a political cartoon. Today political cartoons have proven to be an influential tool that attracts viewers from all over the world. They present short, humorous, eloquent shots from the world of politics and other spheres of life.

Main part

The purpose of the paper is to point out the key expressive means (verbal and non-verbal (visual)) of political cartoons having Donald Trump as a main character. The current research aims to analyze the expressive means in the cartoon texts on each language level in order to show the most bright and recurrent means and their role in creating Donald Trump's image. Many research works are devoted to the evaluation of Donald Trump's speeches in comparison with other prominent political leaders (Wang & Liu, 2017; Zhao, Wu, & Zhang, 2020; Kreis, 2017 and others).

The object of the study is political caricatures of former U.S. President Donald Trump as a subgenre of political discourse. The study is an attempt to analyze the efficient stylistic means of creating Trump's image in American political cartoons being one of the most available and popular types of cartoons in the world. Still the linguistic analysis needs to be done due to increasing interest to the visual information and along with its influence on the viewers and readers.

Methods and materials

As a research material, 300 political cartoons having Donald Trump as the main character were selected. Today Donald Trump's name is still popular on the internet, in the newspapers and magazines, and on television notwithstanding his being a former president. A lot of young scientists devote their research to Donald Trump's personality or speeches (Ross, 2020; Saul, 2019; Liu, 2018 and many others).

The cartoons were taken from the Internet American English websites specializing in political humor covering years from 2016 to 2019. The range of websites includes social networks such as *Facebook.com*, *Twitter.com*, personal caricaturists' websites *GorrelArt.com*, cartoon sites *cagle.com*, *tr.toolpool.com*,

tribunecontentagency.com and other media sites *theweek.com*, *thewisdomdaily.com*. The cartoon sites were chosen via Google in the sequence as they appeared in the search line. Undoubtedly, today it is the most common and convenient, and worldwide available way to search information by surfing the Internet. The aim was to prove the supposition that cartoonists use expressive means both verbal and non-verbal (visual) ones at every language level to reflect Donald Trump's presidency. This period was chosen, firstly, due to the fact that 45th US president was elected through the Electoral College, not by popular vote; secondly, due to the community's reaction to Trump's personality and policy. "Trump is unique because there has never been nothing like him before, he is completely off the spectrum" (García, 2018: 68).

All the language levels were studied carefully for the verbal component of cartoons and visual means in non-verbal component to reveal the most frequent ones. We chose the most prominent means that helped the cartoonists to create the picturesque interpretation of a political event or image of a political actor.

Using contextual analysis in our research we concentrated our attention on determining the conditions necessary and sufficient to reveal the author's idea.

Statistical method was implemented to define the frequency of the linguistic means used in the cartoons.

Thus, taking into consideration the content and structure of the text in cartoons, it is also important to analyze a non-verbal component due to expressive possibilities of paralinguistic means, their role and influence upon reader's interpretation.

Findings and discussion

1. Political cartoon as a sub-genre of political discourse

One of the most important functions of political discourse is the fight for power (Wodak, 2006; Sheigal, 2000). Power in political discourses can be achieved and exercised by both ongoing struggles and/or by co-operation between political actors and institutions aimed at preventing and resolving potential conflicts (Chilton, 2004). The main

aim of the language means is to destroy the opponent. One of the crucial keys to victory is the ability to ridicule the enemy. Political cartoons function as a perfect way to achieve the goal.

In the era of globalization, political cartoons are becoming more accessible for readers. Still, this field is understudied as researchers (Hanada Al-Masri, 2015; Oluremi, 2019; Kwon, 2019) devote their works on political cartoons mostly to domestic politics. There were attempts to study political cartoons in such countries as Japan, Nigeria, South Korea, UK, USA and Australia. According to Oluremi (2019), who is studying Nigerian cartoons as the satirical form of communication in modern times, "political humour is one of the tasks of political cartoons and it is prevalent in this media genre because of its communicative potential and humorous potential" (Oluremi, 2019: 67). Hanada Al-Masri studies Jordanian editorial cartoon within a "multimodal approach to context with a consideration of three types of sub-contexts essential to the understanding of the cartoon's message: (1) macro-context, (2) microcontext and (3) dynamic context" (Al-Masri, 2015: 45). Tatjana Đurović in her paper addresses the topic of Brexit unfolded in pictorial and multimodal discourse in media to explore how this topic is communicated via metaphors in political cartoons (Silaski, Durovic, 2019).

A. J Wright (2002), V. Tsakona (2009), H. Aliefendioglu, Y. Arslan (2011) investigate the humor effect in cartoon.

However, we need more detailed insight into the means that convey the information presupposed in political cartoons. We have to answer at least these questions: What types of means are appropriate to use in the context? What are the consequences of this usage to the audience? In order to do so, this article dwells on the features and peculiarities of political cartoons as a sub-genre of political discourse and the most prominent means concerning visual and verbal components.

2. Features and peculiarities of political cartoons

Nowadays political cartoons, as one of the types of political texts, are broadly used in the media. Cartoons are very popular,

addressing many different things at the same time. They serve to entertain, explain, comment and simplify (Charteris-Black, 2017). “The significance of political cartoons also lies in the fact that they are able to give socio-political commentaries on vital areas of reality” (Oluremi, 2019: 67). A cartoon means any image created for humor effect where the author combines fantasy and reality, applies exaggerations, underlines character traits, and uses incongruous comparisons. On the one hand, a caricature is a depiction of reality created with a humorous purpose; on the other hand, it is a reflection of public opinion on the events in the world.

“From the point of view of the language, one of the distinguishing features of a political cartoon is the interaction of verbal, iconic and paralinguistic components within it” (Dugalich, 2018: 156). The non-verbal (visual) component of a cartoon is sometimes more attractive for readers. Thus, the text often serves as a kind of commentary or complementary part to the visual component. Visual component is a complex and important part of a cartoon. Symbols, figures, tables, photos can be used to present the main idea of the cartoon. Non-verbal means have high information capacity and pragmatic potential as far as it takes less time for the reader to grasp the message, and the main idea is conveyed without loss of meaning.

In the following section, applying CDA, political cartoons selected from the Internet were analyzed with the emphasis on verbal components at phonetic, lexical, and syntactic levels and non-verbal means in order to stress linguistically expressed peculiarities of Trump’s presidency and his personality.

3. Expressive means in the verbal component

The expressive means in the verbal part of a political cartoon include phonetic means, graphics, lexical and syntactical forms used with the intention to intensify the utterance logically and emotionally. Since the main semantic load in the cartoon is performed by the visual component, graphic means are eye-catching in the verbal component. “Another important component that cartoons as visuals can provide is their ability to show non-verbal

aspects of communication: facial expressions, body postures and relevant gestures” (Khir, 2012: 102). Among them there are different types of font and color which reflect the author's style and attract reader’s attention.

Generally, the color of a media text is black, different “colors in a text are not an obligatory element, but they have an appealing and semantic function and enter into complementary relationship with the verbal component. The correlation of the color and the meaning characterizes the national-cultural specificity of the ethnos, which leads to the problem of decoding the visual semantic sign” (Dugalich, 2018: 167).

The color reflects the intonation of the utterance and emotional mood of the speaker. The most frequently used color is red. It is one of the basic colors, and it is the one that immediately draws the reader’s attention. Violet and pink can also occur. Picture 1 proves this statement. Donald Trump says “I AM NOT A **CROOK!**”, “BUT IF I AM I CAN PARDON MYSELF”. The color gives an ironical shade to the utterance. Firstly, the red color attracts attention, and secondly, it is a sign of a problem or/and danger. Colorful cartoons are interesting for readers as they provide additional information for understanding.

Picture 1. Donald Trump says “I’m not a crook”¹

¹ URL: <http://www.gorrellart.com/wp-content/uploads/2018/06/Gorrell06.05.18.jpg>

The most common phonetic means of the text in a political cartoon are sound effects expressed in the quantity increase of vowels or consonants. As a rule, such examples are given in the speech of the characters, when the author tries to render an emotional mood or special attitude towards the object of speech. These features are to create peculiarities in the manner of speech by intensifying the utterance emotionally or logically. The exclamation “BLEEDING!.. BLATHER!.. BLAH!.. BLAH!.. BLAH!” belongs to Donald Trump, when he refuses to listen to the Republicans’ arguments. The implication is to illustrate Trump’s reluctance to listen to their words and his lack of arguments.

Picture 2. Bleeding! Blather!¹

The bar chart (see. Figure 1) presents the frequency of phonetic and graphic means usage (font, colour, repetition, sound effects and other means) found in 300 political cartoons on Donald Trump covering the period from 2016 to 2019. It is evident from the chart that the most frequently used one is the font. It appears 25 times in the above-mentioned number of the cartoons. The use of colors is fairly similar to the use of repetitions in cartoons (16-18 times). The next popular means for caricaturists to use is sound effects

though it is as twice low as the usage of the font (10 times). The sound effects are presented only 6 times. The other phonetic means are one fifth the total.

If the graphic and phonetic means are expressed only in the verbal component of a cartoon, the lexical features are closely connected with the visual component. Therefore, the study of this level should be done with the analysis of the visual component.

The peculiarity of a political cartoon as a type of a political text can be viewed through the levels of language (phonology, morphology and syntax), but only lexical units denoting specific cultural elements help the reader to understand the meaning properly. The text in the cartoon is minimal, so the author has to choose among the variety of lexical means that harmonize and go together with a visual component, and reflect the author’s intention in a striking way.

It is important to note that the lexical level is the most abundant due to its inner expressiveness, and it stands out from other levels. The following bar chart (see Figure 2) shows the usage of lexical means in political cartoons. Neologisms (new words) are on the top in comparison with other means. The language reflects all the changes in political discourse. Each neologism possesses the expressive power with the purpose to impress the audience. They are 30 of all the selected material. While set expressions are frequently used in cartoons, they are far less numerous than neologisms. They are used only 24 times. In the third place on the chart are emphatic words, literary and/or archaic words are fairly similar to them (resp. 15, 12, 10). We can see from the chart that foreign words are scarce in political cartoons (7).

¹ URL:

https://c.o0bg.com/rf/image_960w/Boston/2011-2020/2015/08/10/BostonGlobe.com/EditorialOpinion/Images/0811wassermancolor.jpg

Figure 1. Means at the phonetic level

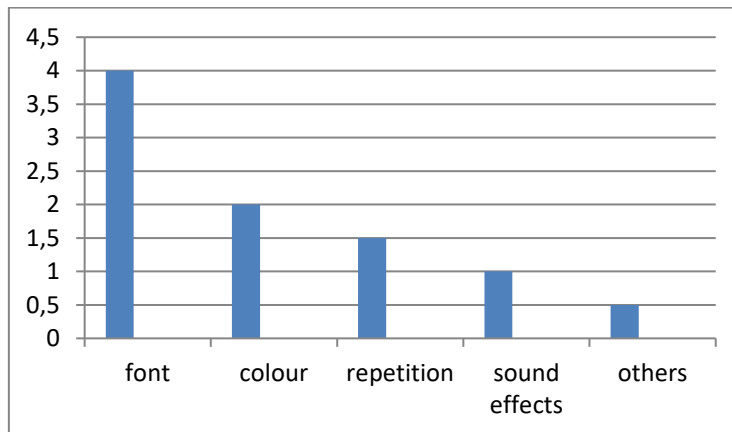
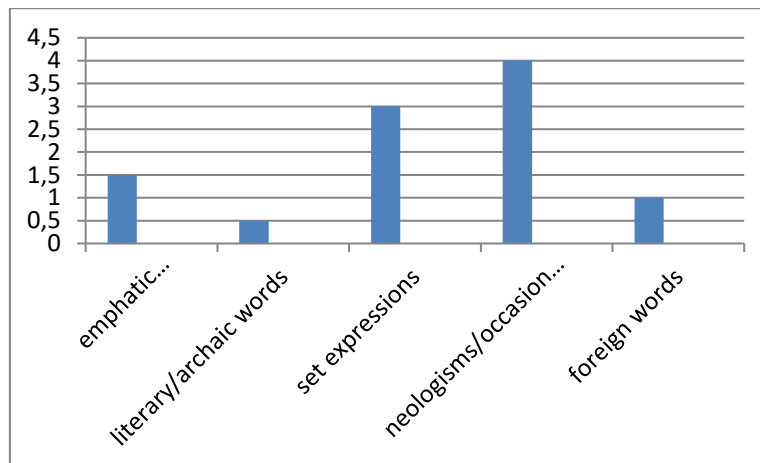

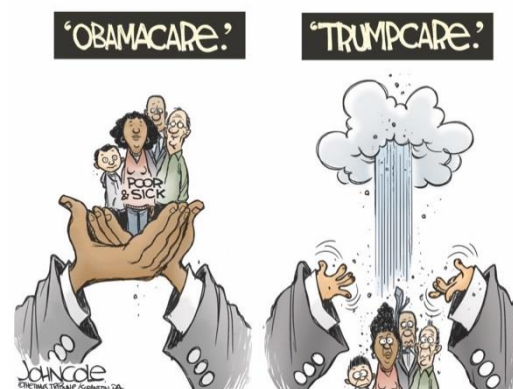
Figure 2. Means at the lexical level

New words are a powerful weapon in the hands of caricaturists. Neologisms are individual words created by the author according to the rules of the word formation on the models that exist in the modern language. The neologisms “Obamacare” and “Trumpcare” are telescopic in nature and are formed by adding the second part of the word “healthcare” to the US Presidents’ names Donald Trump and Barack Obama. These new words represent presidents’ reforms in healthcare and people’s attitude towards them.

The next cartoon (see Picture 3) illustrates the contrast between the actions of two political leaders.

Picture 3. Obamacare vs. Trumpcare¹

¹ URL:

http://media.cagle.com/82/2016/01/16/174168_600.jpg

The repeated use of “Trumpcare” in political cartoons indicates that this word is firmly rooted in the English language (AmE), so we can assume that the author’s creativity can cause the appearance of new words in spoken or written language.

Occasionalism is an individual author's word created by a writer in accordance with the rules of the word-formation, and used in the text as a lexical means of emphatic expression. Occasionalisms in political cartoons represent newly appeared concepts, actions, and events. After the word gets a widespread use, it ceases to be an occasionalism. As a stylistic device, they convey an emotional load.

To create an ironic effect the cartoonists borrow words from other languages. In Picture 4, there is an example of Spanish exclamation “Dios Mio (OMG)” emphasizing the degree of Pope Francis’s astonishment at Trump’s vices. On the one hand, the usage of the Spanish exclamation shows the Pope’s Argentinian origin, and, on the other hand, it emphasizes his emotional state.

Picture 4. Papa’s reaction²

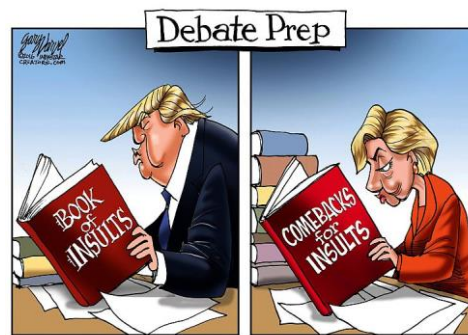

Comparison is a stylistic device taking a peculiar place among the means on the lexical level. The use of comparison as a contrasting of different properties of two or more objects

² URL: <https://image.cagle.com/196950/1155/196950.png>

(based on the visual component) is to present a political situation in a colorful way or emphasize the characteristics of a political leader. The distinction between the two forms can arise at all language levels. Comparison in a cartoon is a stylistic means, which helps to choose between the candidates, find a solution, as well as to bring the attitude towards a particular country or policy. For example, Picture 8 presents a comparison of two candidates. There are two candidates running for 2016 Presidency, i.e. Hillary Clinton vs Donald Trump. Mr. Trump is known for his direct opinions and calling names to criticize or comment on the actions of his opponents, media and/or political figures. The meaning of the cartoon is clear: Donald Trump knows how to insult an opponent (He is holding a book of insults) but in contrast, Hillary Clinton is not ready to give up, as she could retaliate by answering back (She is holding a book of comebacks for insults).

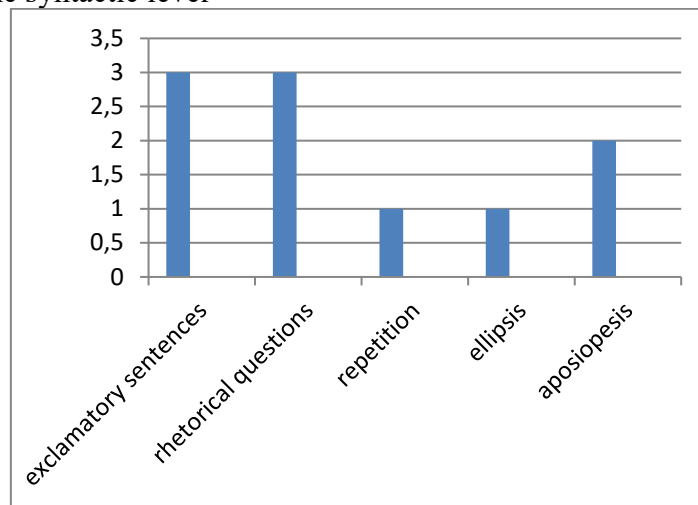
Picture 5. Debate Prep³

As for the syntactic level, these constructions reveal a certain degree of logical or emotional emphasis (see Figure 3). As it may be seen from the chart, rhetorical questions and exclamatory sentences are presented in political cartoons with a similar proportion, they come 30 times. Aposiopesis ranks second: we come across it 25 times among the selected cartoons while ellipsis and repetition are fairly similar to each other (10 times).

³URL: <http://thewisdomdaily.com/wp-content/uploads/2016/03/1442881923.jpg>

Figure 3. Means of the syntactic level

The syntax of the textual component in a cartoon includes units of different language levels from phrases to complex and compound sentences, however, the main forms are a dialogue and a monologue. The interruption of the sentence serves as stylistic expressiveness, and gives the readers an opportunity to appreciate and interpret the text without any explanation. Exclamatory sentences (Picture 6) obtain rich possibilities for creating expressiveness, too. This exclamatory sentence conveys strong emotion and excitement. In comparison with a visual component (Donald Trump's mouth as a brick wall) the exclamatory sentence "BUILD THIS WALL!" shows Trump's obsession with the idea of building the wall between Mexico and the USA.

Picture 6. Build this wall¹

¹URL: <https://i.pinimg.com/originals/11/95/e8/1195e81e5bc88001f7e0e27ea994f69b.png>

Rhetorical questions make the reader begin a dialogue with the author, argue with him/her, and, thus, find the answer. The following cartoon (Picture 7) is an example of a rhetorical question usage in the text of a cartoon: "WHERE'S OUR AID?!!" With the help of exclamation marks the author underlines the absurdity of the situation.

Picture 7. Where's our aid²

4. Non-verbal expressive means in cartoon

As mentioned above, the most common means of creating expressiveness in the non-verbal component is a visual metaphor. The bar chart (see Figure 4) compares the quantity of

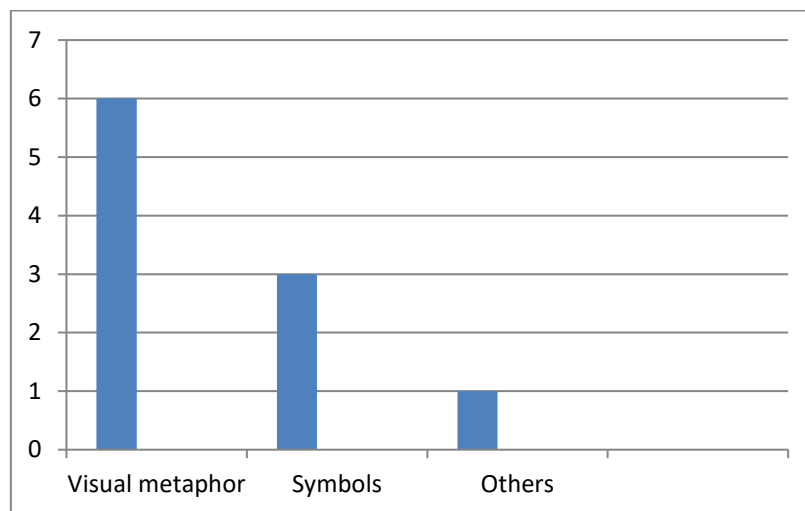
²URL: <http://whistleblower-newswire.com/wp-content/uploads/2017/10/image005.jpg>

visual means used in political cartoons to prove the idea. The chart plainly indicates that a visual metaphor is the most frequently used means in the non-verbal component in 300 selected cartoons. It occurs 20 times in the selected

material. Symbols occur less frequently than metaphors (15 times), and other media (tables, charts, graphs, and other visual media) account for a third of the total (5).

Figure 4. Non-verbal means

A visual metaphor is built through the correlation of two visual images as iconic signs. It is important that metaphors used in political cartoons are easily recognized and understood. The metaphor, which you can see in Picture 8, ironically illustrates Donald Trump's strong intention not to yield to anybody's persuasion and his adamant commitment to build the wall between the USA and Mexico.

Picture 8. The great wall of Trump¹

Cartoonists broadly use symbols to present larger concepts or idea. “A symbol in its most general form is a sign in which the primary content is used as an exponent of another, more abstract and culturally valuable content” (Vorkachev, 2021: 4). On the one hand, each image contains information that everyone knows, it saves place and time. On the other hand, these images should be familiar for the audience. The choice of a symbol reflects the political situation in the world; its use depends on the importance of the event. The most common symbols used in cartoons are a donkey and an elephant, being the symbols of the American rival parties. The Republican Party is represented with the Elephant, the Democrats are the donkey. The president of America belongs to the Republican Party. In Picture 9, Donald Trump as a provoker-in-chief challenges the Democrats, symbolized by the donkey, to impeach him.

¹URL: <https://i.imgur.com/RcOwYbI.jpg>

Picture 9. Provoker-in-chief²

Conclusion

This paper is an attempt to present Trump's image through a political cartoon. The expressive potential in a cartoon is analyzed on the following linguistic levels: phonetic, lexical-grammatical, and syntactic. The most wide-spread means of creating a colorful plot in a political cartoon are antithesis, comparison and neologisms represented at the lexical level in the verbal component along with a visual metaphor in the non-verbal component. The cartoonists may use the combination of verbal and non-verbal means to reach the goal. The usage of these means intends to intensify the emphatic coloring.

This study is a way of seeing Donald Trump political cartoons from a linguistic point of view analyzing separately the verbal means at each language level and non-verbal ones.

Donald Trump for his simple, pompous and repetitive language is rather popular not only among sociologists, but also among linguists. The interest to Donald Trump, his personality and his style of speaking have been attracting caricaturists' attention in recent years. His manner of speech, his rhetoric and eloquent sentences provoke authors to create vivid cartoons.

A lot of research works are now devoted to the study of political cartoons due to the growing popularity of a cartoon in political communication and its ability to influence the reader in the sphere of his/her political

preferences. But little attention has been paid to Donald Trump political cartoons despite their expressive power in political discourse and political communication. The idea behind many of the cartoons is to mock Trump: cartoonists use his words out of the context to present an invented creative plot with humorous shade to the audience. The results of this study prove that expressive means show Donald Trump in a humorous light with his faults and failures both as an ordinary person and as an outstanding politician. Political cartoons help to avoid automatic perception of reality, look at political events from an unexpected point of view and understand more clearly the world of politics.

Hence, these findings intend to enhance the public perception of Trump's presidency and his character. It may be valuable for the future cartoonists to assort necessary set of means to evoke public interest. The list of expressive means in this study is by no means complete and definitely presents aspirations for further study. The commentaries given in the article are solely based on our understanding and background knowledge of political situation in the USA.

The cartoon genre is developing, new political figures are coming to be estimated in a new way, new words and means appear in the cartoonists' fund. The above mentioned influence the norms and rules of the language. It would be interesting to investigate the expressive means of the Internet memes and compare them to a traditional, already accepted, cartoon.

References

- Aliefendioglu, H. and Yetin, A. (2011). Don't take it personally, it's just a joke: The masculine media discourse of jokes and cartoons on the Cyprus issue, *Women's Studies International Forum*, 34 (2), 101-111. <http://doi.org/10.1016/j.wsif.2010.08.002> (In English)
- Al-Masri, H. (2016). Jordanian editorial cartoons: A multimodal approach to the cartoons of Emad Hajjaj, *Language & Communication*, 50, 45-58.

²URL: <http://whistleblower-newswire.com/wp-content/uploads/2017/10/image005.jpg>

<http://doi.org/10.1016/j.langcom.2016.09.005> (In English)

Charteris-Black, J. (2017). *Fire Metaphors: Discourses of Awe and Authority*, Bloomsbury, London, UK. (In English)

Chilton, P. and Schaffner, C. (2004). *Analysing political discourse: Theory and practice*, Routledge, London, UK. (In English)

Dijk, T. A. (2004). *Discourse and power*, Palgrave Macmillan, New York, USA. (In English)

Dugalich, N. M. (2018). Political cartoon as a genre of political discourse, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 158-172. <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-1-158-172> (In English)

Dunmire, P. L. (2019). America's most precious resource: The future in American national identity and foreign policy, *Futures*, 112. <http://doi.org/10.1016/J.FUTURES.2019.06.007> (In English)

Fairclough, N. (2001). *Language and power*, Longman, London, UK. (In English)

Gabets, A. and Gené, A. (2016). Pragmalinguistic features of American presidents' inaugural addresses of the last century (1913-2013), *Journal of Language and Education*, 2 (3), 22-31. <https://doi.org/10.17323/2411-7390-2016-2-3-22-31> (In English)

García, T. M. (2018). Donald J. Trump: A Critical Discourse Analysis, *Estudios Institucionales*, 5 (8), 47-73. <http://doi.org/10.5944/eeii.vol.5.n.8.2018.21778> (In English)

Karnyushina, V. and Makhina, A. (2017). Lexical and grammatical means of distancing strategy performed in American political discourse, *Journal of Language and Education*, 3 (1), 85-101. <https://doi.org/10.17323/2411-7390-2017-3-1-85-101> (In English)

Khair, A. N. (2012). A semantic and pragmatic approach to verb particle constructions used in cartoons and puns, *Language Value*, 4 (1), 97-117. <http://doi.org/10.6035/languagev.2012.4.6> (In English)

Kreis, R. S. (2017). The "Tweet Politics" of President Trump, *Journal of Language and Politics*, 16, 607-618. <http://doi.org/10.1075/JLP.17032.KRE> (In English)

Kwon, I. (2019). Conceptual mappings in political cartoons: A comparative study of the case of nuclear crises in US-North Korean relations,

Journal of Pragmatics, 143, 10-27. <http://doi.org/10.1016/j.pragma.2019.01.021> (In English)

Oluremi, T. A. (2019). Pragmeme of Political Humour in Selected Nigerian Political Cartoons, *Journal of Language and Education*, 5 (4), 66-80. <https://doi.org/10.17323/jle.2019.9682> (In English)

Randour, F., Perez, J. and Reuchamps, M. (2020). Twenty years of research on political discourse: A systematic review and directions for future research, *Discourse & Society*, 31, 428-443. <http://doi.org/10.1177/0957926520903526> (In English)

Ross, A. S. and Caldwell, D. (2020). 'Going negative': An APPRAISAL analysis of the rhetoric of Donald Trump on Twitter, *Language & Communication*, 70, 13-27. <http://doi.org/10.1016/j.langcom.2019.09.003> (In English)

Saul, A. and Chase, W. R. (2019). Conversation analysis at the 'middle region' of public life: Greetings and the interactional construction of Donald Trump's political persona, *Language & Communication*, 69, 67-83. <http://doi.org/10.1016/j.langcom.2019.08.001> (In English)

Sheigal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse], Dc. Sc. Thesis, Volgograd State Pedagogical University, Volgograd, Russia. (In Russian)

Tsakona, V. (2009). Language and image interaction in cartoons: Towards a multimodal theory of humor, *Journal of Pragmatics*, 41 (6), 1171-1188. <http://doi.org/10.1016/j.pragma.2008.12.003> (In English)

Vorkachev, S. G. (2021). Semiotics of symbol according to the data of the Russian scientific discourse, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 7 (3), 3-14. <http://doi.org/10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-1> (In Russian)

Wang, Y. and Liu, H. (2017). Is Trump always rambling like a fourth-grade student? An analysis of stylistic features of Donald Trump's political discourse during the 2016 election, *Discourse & Society*, 29, 299-323. <http://doi.org/10.1177/0957926517734659> (In English)

Wodak, R. (1997). *Yazyk. Diskurs. Politika* [Language. Discourse. Policy], Peremena, Volgograd, Russia. (In Russian)

Wright, A. J. (2002). See you in the funny papers: Anesthesia in cartoons and comics, *International Congress Series*, 1242, 547-551. [http://doi.org/10.1016/S0531-5131\(02\)00785-9](http://doi.org/10.1016/S0531-5131(02)00785-9) (In English)

Zhao, Y., Wu, T. and Zhang, H. (2020). A Typical Politician vs. a Lunatic Businessman: Different Language Styles of Hillary Clinton and Donald Trump, *International Journal of English Linguistics*, 10, 26. <http://doi.org/10.5539/ijel.v10n2p26> (In English)

Zhikhareva, N. A. and Yakovleva, E. P. (2021). Stereotypes as means of influencing mass consciousness in political

discourse, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 7 (2), 31-40. <http://doi.org/10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-4> (In English)

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Ekaterina V. Seredina, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, Belgorod State National Research University.

Olga V. Dekhnich, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, Belgorod State National Research University.

РАЗДЕЛ IV. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ
SECTION IV. LITERATURE OF PEOPLES AND NATIONS OF THE WORLD

DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-8

Olga P. Alekseeva¹

Valida S. Dzhabrailova²

Epithets in Kazuo Ishiguro's novel *Never Let Me Go*:
status and perspectives

¹ Moscow State University for the Humanities and Economics
49 Losinoostrovskaya St., Moscow, 107150, Russia
E-mail: olgaalekseeva@yahoo.com
ORCID iD: 0000-0001-7776-834X

² Dagestan State University of National Economy
5 Atayev St., Makhachkala, 367008, Russia
E-mail: dzhabrailovavs@mail.ru
ORCID iD: 0000-0002-1852-5441

Received 04 May 2022; accepted 23 June 2022; published 30 June 2022

Abstract. The paper focuses on the analysis of the status of the epithet in the contemporary literary text of K. Ishiguro. The pertinence of the study stems from the fact that in Western linguistics, there is no tradition to consider the epithet as a distinct and independent stylistic means, and its main features have not been widely distinguished; in some cases, researchers endow the epithet with the function of the characters' personality description. The problem of how the epithet claims an auxiliary role as an image-creating element of language is disclosed. The analysis showed that the type of epithet used is directly related to the character or thing being described and the ideological intent of the work, while the predominance of evaluative epithets of ethical assessment is due to the way of narration. The frequency of using one or another type of epithet in the novel *Never Let Me Go* in creating a particular imagery element may vary, in the climactic scenes more complex expressive epithets perform the function of hyperbolization predominate. A comprehensive analysis showed that the epithet has the right to be recognized as an imagery related unit, since this stylistic tool demonstrates a distinct distribution in heroes, objects, places and nature descriptions.

Keywords: Imagery; Epithet; Formative function; Categorical epithet; Ethical epithet; K. Ishiguro's novel "Never Let Me Go"

How to cite: Alekseeva, O. P. and Dzhabrailova, V. S. (2022). Epithets in Kazuo Ishiguro's novel *Never Let Me Go*: status and perspectives, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 8 (2), 108-115. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-8

Introduction

Issues related to the study of lexical and stylistic means involved in the formation of an artistic image are being actively developed in modern linguistics. This research

complements and deepens the already existing understanding of the epithet as an effective formative component of an artistic image. The aim of the study is to analyze the models of the formation of basic images in the modern

literary text with the help of the epithet. Observations and conclusions can serve as a basis for further research in the field of the study of the character trait adjectives and the theory of the epithet.

The distribution of the epithet in the creation of an artistic image has not been sufficiently studied. In Western linguistics, there is no tradition of considering an epithet as a separate and independent stylistic means, and its subsidiary formative function has practically not been investigated.

Not all Western authors distinguish an epithet in the status traditional for Russian stylistics; there is also no single approach to the nomination of this linguistic means, in particular, M. A. Garland (Garland, 2021), L. S. Lendik, C. M. Yuit (Lendik, Yuit, 2021: 56), H. Poutiainen (Poutiainen, 2019: 122), J. Berškýtė and G. Stevens (Berškýtė, Stevens, 2019) and a number of other researchers adhere to the term "epithet", adding various characteristics to it ("derogatory epithet", "specific epithet", "magic epithet"), while not all of them endow this linguistic means with subjective evaluations. In linguistic literature, we also find such names as "trait attribution" (Westra, 2020: 583), (Kroo, 2020: 326), "person attribution" (Gallardo, Weiss, 2017: 904), «adjectives in character description» (Haapiainen, 2020) and other phrases, the use of which is of an occasional nature, however, indicates the fact that in Western linguistics there is no uniformity in the interpretation and understanding of the term.

The special status of epithets is considered in the work of B. D. Raad and C. Passakos (Passakos, De Raad, 2009: 75), who define an epithet as an adjectival phrase in which adjectives are used in combination of a noun, usually a person's name, as well as to describe external phenomena (feelings, thoughts, actions, facts of history, etc.) In doing so, a fixed combination of the name-plus-trait-adjective produces a figure of speech that is easily identifiable, one that typically fits the oral recitation. Thus, the authors endow the epithet with the function of

"describing the personality and character". An indirect reference to the role of an epithet in creating an image can be traced in the work by J. Navitsky, who points to the functioning of a proper name (Momus) as an epithet describing skepticism and captiousness (Navitsky, 2020). N. V. Papić defines an epithet as a figure of speech based on the interaction of the emotional and logical meaning of a word, emphasizing its subjective and evaluative nature. She also argues that the epithet conveys firm impressions on the readers, guiding them to perceive images through the eyes of the writer (Papić, 2020: 192).

Noteworthy is the fact, that some foreign scholars consider the epithet in discourses other than the artistic one, and it pertains, although not directly, to the imagery. In particular, D. Binder writes: "One might imagine that "nationalist" in the form of epithet-as-smear would gradually recede with time or even disappear at least in the Balkan context", which leads to a conclusion that the epithet can be regarded as one of the imagery means, in this case, imposed on the public, the image of political behavior (Binder, 2008: 83).

In Russian linguistics, within the framework of functional stylistics, the epithet has an unambiguous interpretation, defining it as a stylistic means, a trope with an evaluative function.

A. A. Zelenetskij suggests a theory of the origin of the epithet within which he divides words into two types: "prosaic" and "poetic". The sound of prosaic words does not contain imagery and serves as a sign of any concept, for example, the word "sea". Pronouncing poetic words evokes in a listener a specific image that is different from the lexical meaning, for example, "firefly" or "snowdrop". A. A. Zelenetskij believes that earlier all prosaic words belonged to the poetic form, but over time the images that they contained have been erased. Consequently, earlier all names had the character of epithets. He refers to such epithets as to "the embryos of nouns", since

they were both a name and a sign. Modern epithets have no independent meaning and are used to describe an object and endow it with a certain character and content (Zelenetskij, 1913: 10).

Russian linguist G. Stashko considers an epithet as a laconic, but not self-sufficient means of building an image without tracing a direct correlation between the image and epithets (Stashko, 2017: 356).

Modern research of the epithet involves its consideration with respect to various aspects, such as semantics, imagery, the degree of mastery and stability, structure. There is a tradition to describe the epithet in the framework of two spheres, namely literary criticism and linguistics. The figurative character as the main feature of the epithet is common for literary criticism. It is viewed as an expressive means giving a figurative characteristic. Initially, this term referred only to a poetic definition. V. M. Zhirmunskij suggested distinguishing between an epithet in a narrow and a wide meaning (Zhirmunskij, 1977: 355). This duality is associated with a change in the use of the word when the poetic style changes. In a broad sense, an epithet is a technique of poetic style that introduces a new feature, narrows the meaning of the object being defined and enriches it. It makes the combination casual and individual. The epithet in the narrow sense does not introduce anything new into the concept being defined and is a definition rooted in the literary tradition.

In literary studies, it is difficult to accentuate a single definition of an epithet, but in most cases, the term "epithet" is understood in the context of various types of poetic definitions. For example, in the dictionary of literary terms, an epithet is defined as "a figurative definition that emphasizes any property of an object or phenomenon that has special artistic expressiveness" (Belokurova, 2006: 207). It should also be noted that not only an adjective, but any word denoting a sign can

serve as such a definition (Gubanov, 2015: 36).

Let us consider the epithet from the point of view of linguistics. In the dictionary of linguistic terms, the following definition is given: "an epithet is a kind of attributive lexical unit that differs from a descriptive word in expressiveness and figurative (inherent to the trope) character" (Akhmanova, 2007: 527). In general, it is noted that an epithet is a lexico-syntactic trope, which necessarily contains an expressive coloring, and also performs the function of a definition, circumstance or appeal. The Russian stylistic tradition considers an epithet regardless of the functions performed, and defines a word as an epithet if it is used as an expressive means, most often based on highlighting the quality of an object, which characterizes it from the point of view of individual perception. Here we deal with the interaction of denotative and contextual meanings, the connection of which creates imagery. The epithet exists in the form of attributive words or phrases.

Thus, we can conclude that within the linguistic approach, the main feature of the epithet is the expressive character and emotional coloring. But questions about morphological and syntactic characteristics remain open. As we can see, opinions on the grounds and forms of expression of the epithet differ. Let us consider one of the most complete definitions of the concept of "epithet", containing a generalization of earlier works of researchers, which is cited by the philologist A. V. Pavshuk: "An epithet is an artistic definition (definition in the aesthetic function) of an object, person, phenomenon, process, situation, highlighting, emphasizing, reinforcing an essential, from the point of view of the author, a feature that can repeat or update the meaning of the word being defined, be typical and inalienable for a whole class of objects, an individual feature of a specific object, create a micro- or macro-image, giving it picturesqueness, contain hidden meanings and assessment, create an emotional mood of the work, enhance the

impression on the recipient, referring to his intellectual, emotional and aesthetic perception” (Pavshuk, 2007: 20).

In general, what is common in the literary and linguistic approach is that they both characterize the epithet as one of the main means of expressing an individual, subjectively evaluative attitude to the described object or phenomenon, as well as highlighting a significant feature of a specific object from its class, and at the syntactic level they consider it as an attribute element.

Due to the divergent views of researchers on the nature of the epithet, there is no single classification of it, so the question of its typology remains open.

S. L. Neveleva, while studying the epic literature, distinguishes two main groups of epithets: ascertaining and evaluative. The first group includes those that determine the real signs of the external manifestation of objects, for example, color, size, age. The second refers to the characteristics of the aesthetic, emotional, moral and ethical plan (Neveleva, 1977: 10).

Having adhered to the typology of S. L. Neveleva, A. V. Pavshuk has created a more detailed classification. She divided the stating epithets into physical and categorical, and evaluative ones into ethical, aesthetic and emotional. Physical epithets are those that designate specific features of objects, for example, shape, color, sound, taste, size. Categorical epithets describe abstract features of an object, person, or phenomenon. Ethical epithets carry an assessment in terms of moral convictions, feelings and habits. Aesthetic epithets "are associated with the satisfaction of the feeling of beauty." Emotional epithets realize the expression of the emotions themselves; they depict the emotional state and/or emotional attitude.

Main part

The purpose of the article is to specify the status of epithets in the literary text and to analyze the main types of epithets employed, regarding them as an integral part of idiomatic style.

Materials and Methods

The research was implemented on the basis of the famous contemporary writer K. Ishiguro's novel *Never Let Me Go*. The choice of material is not accidental and is due to the understudied character of the figurative component of K. Ishiguro's work, which reflects the modern literary tradition. Research of this kind involves the use of qualitative and quantitative content analysis, which allows one to move from intuitive thinking to accurate data.

At the first stage of the study, epithets were selected by the continuous sampling method which, according to the classification put forward by A. V. Pavshuk, were divided into two main categories: ascertaining (physical and categorical) and emotional (ethical, aesthetic and emotional). In some cases, the division was quite subjective, since the epithet contained both an evaluative and a stating basis, for example, such epithets as "stage-whisper style", "late night and American", or "bulldoggy figure".

At the second stage of the study, we selected the epithets that, in our opinion, pertain to the imagery of the novel (total of 242 units), and also an attempt was made to identify the most represented types of epithets related to certain images of various subject content: hero, place, subject, nature.

Results and Discussion

Description of heroes, surrounding objects, place, and nature through the epithet gives expressiveness to the image and allows the reader to interpret it in accordance with the author's idea.

The imagery of K. Ishiguro's novel "Never Let Me Go" is created on the basis of the description of the main character (character A), the second main character (character B) and the place in which the events take place (Hailsham school), also there are secondary images of objects and nature.

The distribution of the types of epithets depending on the image they contribute to is presented in Table.

Table. Types of epithets contributing to image-making

Image	Type of epithet				
	physical	categorical	ethical	aesthetic	emotional
CHARACTER A	-	36	52	1	2
CHARACTER B	6	26	35	1	22
PLACE	2	11	4	5	2
OBJECT	4	3	6	1	-
NATURE	4	2	-	3	-

The story is narrated by Character A, all the events are described through her perceptual prism. The analysis showed that ethical epithets prevail when creating Character A image, which is due to the humanistic idea of the novel about the future of cloning. The effective use of this group of epithets is noted not only in reflections concerning the field of eternal categories, but also in describing the feelings of Character A, which allow the reader to sketch the character and her relationship with other characters in the novel. An insignificant share of physical epithets is explained by the author's possible intention to achieve sympathy for the hero by revealing her inner world, without using external characteristics.

The same tendency was found when analyzing the image of Character B, in the description of which ethical (39%), categorical (28%) and emotional (24%) epithets received the greatest distribution. The frequent use of epithets of emotional evaluation in the formation of the image is associated with the character of the hero himself – a hot-tempered and noisy child, transforming into a quiet, thoughtful young man, with the development of the character and a change in his worldview.

When describing the image of a place (boarding school), 46% of categorical, 21% of aesthetic, 17% of ethical, 8% of emotional and 2% of physical epithets are used. The widespread use of subjective categorical and an insignificant share of physical epithets indicate the importance of the image in the work: a school is not just a building, but a place, the existence of which raises the ques-

tion of the humanity and ethics of the events taking place in it.

The importance of physical epithets increases when describing the images of an object (drawings of Character B) and nature. The image of Character B's drawings is an important detail of the narrative, since the presence of the creative principle present in the clone hero confirms the idea of human equality and explains the use of ethical epithets.

The analysis showed that the type of epithet used is directly related to the formed image and the ideological concept of the novel. The choice of the epithet is rather deliberate; the predominance of evaluative epithets is due to the narrative method, since it is a first-person narration in which subjective perception comes to the fore. The epithets of ethical assessment received the greatest distribution, since they reveal not only moral convictions, but also the feelings of the heroes, which are the leitmotif. Epithets of emotional assessment are used by the author rather occasionally, the novel is built on the memories of Character A, and as a result of such reflection, and some of the images lose their emotional content.

Let's consider the epithetic content of the novel in more detail. The narration is done in the voice of Character A, and contains a significant amount of reminiscences about childhood and growing up period. A distinctive feature of the description of the hero is that the image is formed without reference to her direct external and internal characteristics, largely due to the use of ethical epithets, often accompanied by intensifiers: "I wasn't exactly

the *wilting* type myself...", "I said, *quite sternly*", "...it wasn't *really very fair*" etc.

The ethical epithet with an intensifier, in most cases, is used for the purpose of exaggeration. It should be noted that the emotional type of the epithet ("*excited and worried*") is practically not involved in the formation of the image, as well as the aesthetic one.

Another type of formative epithet – a categorical epithet – comes to the fore when describing the interaction of Character A with the outside world: "...*strange* time in our friendship", "...to give her *silent* support", "...it's *pointless* trying to judge her", "...there were *powerful* tides tugging us apart", "...my mind searched back frantically, and with a *cold* horror". In culminating cases, two categorical epithets form a gradation: "It was a *sweet* idea. It was a *great* idea".

In the description of Character B, there is also a tendency to use ethical and categorical epithets: "A *bad* temper, but a *big* heart", "I'm a *pretty good* donor, but I was a *lousy* carer".

There are a significant number of emotional epithets that represent the stage of the formation of a character and building relationships with the external environment: "... the different expressions ... across Tommy's face: the *bright eager* one at the start; the *puzzled* concern ...", "... students think him a *right* clown", "... had left him *upset* and *disorientated*", "... timed *very carefully* and *deliberately* everything they told us".

In some cases, the significance of a particular characterization of the hero is emphasized by the repetition of the epithet, as, in the following example, the hot temper, rambunctiousness is shown: "... burst into *thunderous* bellowing...", "... Tommy came out of the room with *thunderous* footsteps...".

The use of epithets allows the author not only to describe the inner world of Character B, but also represents his attitude towards Character A, allowing the reader to trace the change that he is undergoing: "... voice was *gentle*, full of *child-like* curiosity", "... looked at me *sheepishly*", "... him go off

grateful and *reassured*", "... his hands were hovering *fretfully* in the air...", "... was letting *hesitant* little half-laughs...".

When describing the image of a place, categorical epithets are used. The author creates this image through reminiscences, childhood memories, and the attitude of clones that grew up in a different environment to it, stating the abstractness of the object's features: "...The thing about being from Hailsham was that you had this *special* chance", "we ... had our *most intimate* conversations".

The significant role of aesthetic epithets associated with the reflection of the forms of beauty is noted: "... I bet that was a *beautiful* place", "...*sweet* little *cottages* people always had in picture books".

The outside world, everything that is outside the gates of the territory, is seen in contrast to this special beautiful place. This world is unfamiliar and dangerous: "We had only *the haziest* notions of the world outside." So the forest behind the main building on the hill is described as something terrifying: "... *the distant* outline ... that was enough for her a *sobbing night of terror*". In this case, a metaphorical complicated reverse epithet based on syncretism is used. Such epithets are rare in use and are employed by the author to describe intense emotions and important details. The Fair can be regarded as one of the significant events held at school and it is described with the help of the reverse well-established epithet "*the craze of the day*".

Ethical epithets are formative not only for the characters' images, but also serve as a way of giving expressiveness to the image of a place, reflecting the main idea of the author: "... to a *more humane* and *better* way of doing things", "... *humane, cultivated* environments".

Character B's drawings served as material for analyzing the image of the object. Their description is characterized by the use of physical epithets that provide for materiality and visual representation of these drawings: "... *tiny* canals, weaving tendons, miniature screws were all drawn with *obsessive precision*", "*metallic* features".

The image is also formed using categorical and ethical epithets: "... Deliberately childish pictures", "... there was something sweet, even vulnerable about each of them."

The drawings of the hero are proof of the creativity of the clones and the idea of equality. The creative component is a symbol of hope to become equal to man, proof that clones also have a soul. The hero's drawings are detailed; he accurately conveys his world perception through them: a living personality is depicted as a mechanical object, behind the metal of which vulnerability is hidden.

The image of nature in the novel is secondary. It can be assembled from the rare memories of Character A, it is dynamic, like all other images: the bright sun in childhood "... a morning of brilliant sunshine", "bright sunshine" changes to the invariably gray sky in adulthood "... the sky big and gray and never changing".

Nature conveys the mood of the heroes, before tragic events, epithets create an alarming and gloomy atmosphere: "featureless countryside", "pale sky", "ghostly dead trunks". In the final scene, Character A looks at the same empty fields "... those empty fields", at the fence, which has caught debris, most likely brought by the wind from the sea shore "that strange rubbish", "the shore-line of odd stuff". The scene is metaphorical: a wide empty field is the life of Character A, coastal debris is the clones themselves – something strange and incomprehensible, accidentally found in this world, vulnerable and dependent on the "direction of the wind." The use of physical (44%) and categorical (22%) epithets allows not only to transfer the image, but also to emphasize the figurative aspect of the epithet use.

Conclusions

Having analyzed the epithets employed in creating the main images of K. Ishiguro's novel *Never Let Me Go*, we came to the following conclusions: the images of Character A and Character B are abundant in categorical, ethical and emotional epithets. The approach to the choice of the means used to reveal the image of the characters is not acci-

dental. Since the main idea of the novel is the ethical question of whether clones, as well as people, have a soul, ethical epithets, being a formative dominant, hold a specific place. The frequency of the use of one or another type of epithet in the creation of a particular image can change; in the climax scenes, more complex expressive epithets prevail, performing the function of hyperbolization.

A distinctive feature of the main characters' images of the novel is the presence of an accompanying image, which not only reveals the character more fully, but also gives the image a special expressiveness. For Characters A and B, this is an object which is supplemented with epithets of ethical assessment, this may be due to the fact that the author's task is to reveal its significance within the framework of the ideological content of the novel, and not to give an external description. Common to the various images of objects is the absence of meaningful physical descriptions.

Categorical epithets, which are subjective and describe abstract signs, play a significant role when creating an image of a place.

The image of nature in the text of this work consists of rare references, but due to the epithets we can trace its change. In the early years, Character A's attention is directed to the bright sun, but with age, it is replaced by a gray endless sky.

The analysis showed that the epithet in the novel under study can be recognized to have the image related status, since this stylistic means has a distinct status in creating an image, in particular, the image of heroes, an object, a place and nature.

References

- Akhmanova, O. S. (2004). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms], Editorial URSS, Moscow, Russia. (*In Russian*)
- Belokurova, S. P. (2006). *Slovar' literaturovedcheskikh terminov* [Dictionary of literary terms], Editorial Paritet, Saint Petersburg, Russia. (*In Russian*)
- Berškýtė, J. and Stevens, G. (2019). Semantic relativism, expressives, and derogatory

epithets, *Inquiry*.
<https://doi.org/10.1080/0020174X.2019.1612778>
(In English)

Binder, D. (2008). The Time of Epithets, *Mediterranean Quarterly*, 19 (4), 81-90. (In English)

Gallardo, L. F. and Weiss, B. (2017). Towards speaker characterization: Identifying and predicting dimensions of person attribution, *Proceedings of the Annual Conference of the International Speech Communication Association*, Interspeech, Sweden, 904-908. (In English)

Garland, M. A. (2021). Proposals to clarify the status of epithets in the ablative case, *TAXON*, 70 (2), 455-456. <https://doi.org/10.1002/tax.12472> (In English)

Gubanov, S. A. (2016). Metonymic and Metaphorical Epithet in the Works of Marina Tsvetaeva, *Tyumen State University Herald*, Humanities Research, Humanitates, Tyumen, Russia. (In Russian)

Haapiainen, M. (2020). MA Quality – The house that Jane built: A Study of Adjectives in Character Description in Jane Austen's Novel *Pride and Prejudice* and in Its Finnish Translations, Master's Thesis, University of Helsinki, Finland. (In English)

Kroo, K. (2020). Dostoevsky's notes from the underground in the light of literary tradition: A semiotic approach, *Sign Systems Studies*, 48 (2), 326-349. (In English)

Lendik, L. S., Yuit, C. M. (2021). A preliminary study on the use of epithets in Kenyah Long Wat, *Journal on Asian Linguistic Anthropology*, 3 (1), 56-57. (In English)

Navitsky, J. (2020). Epithet and Esteem: The Reception of Momus in Early Modern English Culture, *International Journal of the Classical Tradition*, 27, 531-553. <https://doi.org/10.1007/s12138-019-00526-2> (In English)

Neveleva, S. L. (1979). *The questions of poetics of the ancient Indian epic [Text]: Epithet and comparison*, Moscow, Russia. (In Russian)

Papić, N. V. (2019). The Figurative Compound Epithet in Zadie Smith's Novels, *Philologia Mediana*, 11, 189-201. (In English)

Passakos, C. G., De Raad, B. (2009). Ancient personality: Trait attributions to characters in Homer's *Iliad*, *Ancient Narrative*, 7, University of Groningen Press, Netherlands, 75-95. (In English)

Pavshuk, A. V. (2007). *Yazykovaya priroda I funkcii epiteta v hudozhestvennom tekste: na material romana Asorina "Volya"* [Linguistic nature and functions of an epithet in a literary text: based on Azorín's novel 'La Voluntad'], Ph.D. Thesis, Moscow, Russia. (In Russian)

Poutiainen, H. (2019). Litanies of Poetic Seerhood: Magical Epithets in Modern Literary History, *Preternature: Critical and Historical Studies on the Preternatural*, 122-147. <https://doi.org/10.5325/preternature.8.1.0122> (In English)

Stashko, H. (2017). An American woman through the prism of the epithet: semasiological aspect in creating images, *Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. The journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava*, 2 (2), 356-391. <https://doi.org/10.1515/lart-2017-0012> (In English)

Westra, E. (2020). Getting to know you: Accuracy and error in judgments of character, *Mind and Language*, 35 (5), 583-600. <https://doi.org/10.1111/mila.12258> (In English)

Zelenetskij, A. A. (1913). *Epitety literaturnoj russkoj rechi* [Epithets of literary Russian speech], *Tovarishchestvo Skoropechatni*, Moscow, Russia. (In Russian)

Zhirmunskij, V. M. (1977). *Theory of Literature. Poetics. Stylistics: Selected works*, Leningrad, Russia. (In Russian)

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Ольга Павловна Алексеева, кандидат философских наук, доцент кафедры романо-германских языков, ФГБОУ ИВО «Московский государственный гуманитарно-экономический университет», Россия.

Olga P. Alekseeva, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Romance-Germanic Languages, Moscow State University for the Humanities and Economics, Russia.

Валида Саидовна Джабраилова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, ГАУО ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства», Россия.

Valida S. Dzhabrailova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Theory and Practice of Translation, Dagestan State University of National Economy, Russia.